

История в воспоминаниях

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ВETERANOV TРУДА
УРАЛГИДРОМЕТА

АДРЕС _____

УВЛЖАЕМЫЙ(ЛЯ) _____

ВАМ, КАК ЧЕЛОВЕКУ ИМЕЮЩЕМУ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К БОЛЬШИМ ЮБИЛЕЯМ, КОТОРЫМ ПОСВЯЩЕНА НАСТОЯЩАЯ КНИГА, ВАМ, ВНЕШЕМУ ДОСТОЙНЫЙ ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ НА УРАЛЕ, МЫ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПЕРЕСЫЛАЕМ ЭТУ КНИГУ.

ЖЕЛАЕМ ВАМ И ВПРЕДЬ НА ДОЛГИЕ ГОДЫ СОХРАНИТЬ НЕУВЯДЛЮЩУЮ ЭНЕРГИЮ, ЖИЗНЕРАДОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ, МНОГО ХОРОШИХ ДЕЛ ВО СЛAVУ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА

П.Е. МОРОЗОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
МУЗЕЯ УРАЛГИДРОМЕТА

П.К. ТАРАМЖЕШИН

5.12.1990 г.
г. Свердловск

45-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО
НАРОДА НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ И
150-летию ГИДРОМЕТСЛУЖБЫ УРАЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИСТОРИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ

Воспоминания участников Великой Отечественной войны
и ветеранов труда Уралгидромета

(книга вторая)

Подано по заказу Уральского
территориального управления по гидрометеорологии

Редакционно-издательский отдел Упрполиграфиздата
Свердловск, 1990

Время не властно над памятью, особенно, если речь идет о пережитом в годину великих испытаний советских людей, в период нашествия на нашу Родину фашистских полчищ.

Неувядаема слава тех, кто в суровые годы Великой Отечественной войны за фронтах или в тылу делал все возможное для приближения нашей Победы. Незабываемы подвиги наших людей и в послевоенный период, когда в небывало короткие сроки было восстановлено народное хозяйство страны.

Внесли свой вклад в эти великие дела и гидрометеорологи Урала.

В настоящую книгу, являющуюся второй частью изданной в 1989 году и получившей множество положительных отзывов книги с аналогичным назначением, вошли воспоминания тех ветеранов, которые работали в Уралгидромете тоже до конца 80-х годов, а воспоминания из музея Уралгидромета по тем или иным причинам представили позже.

Материалы подготовлены ветеранами службы Тарымской П. К., Черкасской Б. Г., Носковой А. Д. и Кирьяновой Е. И.

Выражаем сердечную признательность всем, кто принял участие в издании книги.

Совет ветеранов войны и труда

Совет музея Уралгидромета

Редактор В. И. Шайдер.
Технический редактор Н. В. Турышева.
Корректор С. П. Софронова.

Сдано в набор 5.09.10. Подписано в печать 19.10.90.
Формат 60x84¹/16. Бумага типографская.
Литературная гарнитура. Печать высокая.
Усл. печ. л. 9,3 Уч.-изд. л. 11,49. Изд. инд. 208.
Тираж 500. Заказ 5864.

РИО Урроплитрафиздата
Свердловск, Турикова, 186.

Типография облуправления издательств, полиграфии
и книжной торговли, г. Первоуральск, пр. Ильича, 26а.

Успин Альберт Александрович —
начальник Уралгидромета

Из доклада к 150-летию гидрометслужбы Урала

Долгий и сложный путь развития прошла уральская гидрометслужба — от первых отдельных инструментальных наблюдений за погодой в 1734 году в г. Екатеринбурге участником Великой Северной экспедиции академиком И. Г. Гмелиным и маркшейдером Андреем Татищевым (их подлинные записи имеются в нашем музее) до одного из крупнейших территориальных управлений системы Госкомгидромета страны.

Однако потребовался целый век, чтобы эпизодические наблюдения стали систематическими, непрерывными. Начало им положила учрежденная в 1936 году по ходатайству академика А. Я. Купфера Екатеринбургская магнитно-метеорологическая обсерватория.

За 14 месяцев, к 6 октября 1835 года, «на горе, лежащей за новыми хлебными магазинами, что на Сенной площади», по плану Купфера были построены два деревянных здания, «не употребляя ни малейше железных гвоздей и прочего железа».

С 1 января 1836 года начались регулярные магнитные и метеорологические наблюдения на Урале. Вот почему сегодня вместе с нами в зале присутствуют магнитологи — ученые и специалисты Института геофизики Уральского научного центра АН СССР.

Екатеринбургская магнитно-метеорологическая обсерватория на первом этапе входила в состав сети магнитно-метеорологических обсерваторий России. Задача магнитометрии в то время ограничивалась изучением и картированием элементов магнитного поля, главным образом для удовлетворения запросов мореплавателей. Впоследствии геомагнетизм стал одной из основных областей исследования геофизики академических институтов. Материалы исследований находят широкое применение в народном хозяйстве и особенно при разведке полезных ископаемых. Думаю, что об истории развития, перспективах магнитных исследований, их роли в народном хозяйстве более подробно расскажет директор Института геофизики УНЦ АН СССР, доктор технических наук Борис Петрович Дьяконов.

За полтора века на вершине горы, которую в народе называли то Лысой, то Планиной, а в последнее десятилетия — уважительно Обсерваторской, некогда густо заселенной, топография решительно изменилась. Изменилась коренным образом и наша служба.

Исторически так сложилось, что центром развития гидрометеорологических наблюдений на Урале стал Екатеринбург (Свердловск). Через месяц после Казани здесь в январе 1734 года была открыта Великой Северной экспедицией вторая в России постоянная метеорологическая станция, о наблюдениях которой было сказано выше. Она работала до 1746 года. Здесь началась развитие на Урале первая метеорологическая, а затем и гидрометеорологическая сеть, еще не оформленная в систему. Здесь, наконец, была организована вторая в России после Петербургской обсерватории первого разряда, которая как самостоятельное подразделение просуществовала 148 лет и послужила основой для организации управления гидрометслужбы, его подразделений.

В настоящее время на территории деятельности Уральского УГКС насчитывается более полутора десятков пунктов, где помимо Екатеринбурга (Свердловска), постоянные метеорологические наблюдения были начаты более 100 лет назад:

Златоуст (1828), Курган и Пермь (1832), Уфа (1834); Карпинск (1840), Нижний Тагил (1839), Туринск (1843), Чердынь (1847), Кунгур (1852), Далматово (1861), Ирбит (1872), Каменск-Уральский (1874) и др.

Трудно сравнивать дореволюционный и советский периоды существования и развития уральской гидрометслужбы. В условиях царизма лишь передовые умы общества, хорошо понимая огромное значение для отечества гидрометеорологической науки, поддерживали ее развитие. Уже в 1837 году вышел в свет первый том «Метеорологических и магнитных наблюдений», произведенных в Российской Империи. Мы бы сегодня назвали его первым метеорологическим ежегодником. В нем были помещены материалы наблюдений Екатеринбургской обсерватории за 1836 год. Несмотря на труднейшие материальные условия, отсутствие средств на содержание наблюдателей, служебных помещений, материальной части, наблюдения продолжались. Они использовались для прикладных наук, горного дела, лесного и сельского хозяйства и др. Разрабатывалось и совершенствовалось научное оборудование и приборы. В конце прошлого и начале текущего столетия на Урале получили развитие агрометеорологические, актинометрические, аэрологические наблюдения.

В 1900 году, в связи с разделением между филиальными обсерваториями метеорологической сети Главной физической обсерватории, разбросанной по России, Екатеринбургская обсерватория

стала ядром самостоятельной сети метеостанций Урала, Западной Сибири и Северного Казахстана, просуществовавшей до 1920 года.

Коренным образом изменились условия службы в советское время. Уже в первые годы после Октябрьской революции, благодаря вниманию советской власти к научным учреждениям, значительно оживляется деятельность наблюдательных органов. С приходом новых, молодых кадров Екатеринбургская обсерватория и ее сеть включаются в практическую работу по обслуживанию отраслей народного хозяйства, по целенаправленному изучению гидрометеорологических особенностей края.

Наибольший стимул в развитие уральской гидрометслужбы, как и всей государственной, вынес Декрет Совнаркома РСФСР от 21 июня 1921 года, подписанный В. И. Лениным, — «Об организации метеорологической службы в РСФСР». Главной целью службы стало обеспечение практических запросов народного хозяйства и содействие развитию производительных сил страны. Начало научно обоснованному построению сети станций и постов положило постановление ЦИК и Совнаркома СССР № 468 от 7 августа 1929 г. «Об объединении гидрологической и метеорологической службы Союза ССР». В 1930 г. метеорологическая сеть Урала составляла 299 станций и постов, в 1940 — 371, в 1950 — 383, в 1970 — 398, в 1981 — 418, в 1985 — 412; гидрологическая сеть в 1930 году насчитывала 73 станции и поста, в 1950 — 218, в 1970 — 206, в 1980 — 251, в 1985 — 294.

Последовательно, в связи с требованием практики, создавались новые целевые подразделения. Так, в 1900 году при Екатеринбургской обсерватории организовалось отделение метеорологических оповещений, а через 25 лет уже Свердловским бюро погоды началось регулярное составление прогнозов. Слова «начало», «первые», «регулярно» стали синонимами эпохи. С 1926 года начался регулярный выпуск ежедневных бюллетеней бюро погоды, а с лета 1929 года — регулярное обслуживание авиации прогнозами погоды. За 60 лет неизмеримо выросли масштабы промышленного и хозяйственного развития Урала. Вместе с тем намного возросли количественно и качественно запросы народного хозяйства. Основными потребителями метеоданных в 1925 году были лишь железнодорожный транспорт да сельское хозяйство Урала. Теперь их насчитывается более 500. С 23 января 1930 года бюро погоды начало передавать прогнозы погоды по Уралу через Свердловскую радиовещательную станцию. В составлении прогнозов погоды в последние годы наряду с традиционными данными наземной сети станций и постов стали использоваться данные космической метеотехники.

Первый на Урале расход воды был измерен на р. Чусовой в 1845 году, тогда как водомерные наблюдения на заводских прудах, судоходных и сплавных реках производились на сто лет рань-

ше. Однако какой-либо единой системы не существовало. Гидрологическое изучение водных объектов было эпизодическим и связывалось с частной необходимостью. Даже несмотря на сильный и все возрастающий рост требований на гидрологические исследования со стороны всех отраслей воссоздававшегося народного хозяйства, в первом десятилетии советской власти изучение водных объектов проводилось независимо друг от друга различными учреждениями и организациями по планам и программам, не связанным между собой. Число пунктов стационарных гидрологических наблюдений росло, но их ведомственная разобщенность оставалась.

Только упомянутое Постановление ЦИК и СНК СССР 1929 года, следствием которого явилось образование Уральского областного гидрометеорологического комитета, решило вопрос об объединении всех гидрологических исследований в едином органе. Все гидрологические станции и посты передавались органам гидрометслужбы, хотя некоторым организациям предоставлялось право иметь у себя станции и посты с обязательной передачей результатов их наблюдений в Госкомгидромет. К этому периоду и относится создание основной гидрологической сети на Урале, которой стал руководить гидрологический отдел Уралгидрометкомитета, территория деятельности которого охватывала Свердловскую, Пермскую, Челябинскую, Кировскую области, Удмуртскую и Башкирскую АССР. В 1931 году было создано Уральское бюро водного кадастра, но в начале 1934 года оно было влито в гидрологический отдел теперь уже Свердловского управления единой гидрометслужбы. В последующее время, в зависимости от надвигающихся задач, подразделение структурно изменилось, став в наши дни отделом гидрологии и Государственного водного кадастра Гидрометцентра Уральского УГКС.

Отдел осуществляет методическое руководство сетью гидрологических станций и постов, подготовку материалов наблюдений к печати. Данные за период с начала наблюдений по 1935 год вошли в первый водный кадастр «Сведения об уровнях воды» и «Материалы по режиму рек». С 1931 года и по настоящее время материалы наблюдений наземной гидрологической сети публикуются в изданиях «Гидрологические ежегодники», а затем в «Ежегодных и многолетних данных о режиме и ресурсах поверхностных вод суши».

В марте 1934 года Свердловское УГМС организовало службу гидрологических прогнозов (сектор). В основу разработки гидрологических прогнозов был положен метод корреляционной зависимости между гидрологическими и метеорологическими элементами. Исторически сложилось так, что основные крупные горнозаводские районы Урала оказались расположенными в бассейнах маловодных рек: Исеть, Тагил, Пышма, Миасс и др.

Превышение потребности в воде промышленных центров над стоком рек в меженине периоды, а в ряде случаев и в маловодные годы явилось причиной создания на реках значительного числа водохранилищ годичного и многолетнего регулирования. Возникла необходимость прогнозирования притока в водохранилища, максимальных уровней и расходов воды для обеспечения безаварийного пропуска паводков и половодий, заговоревшего предупреждения о паводнениях и затоплениях, о минимальном стоке, ледовых явлениях и др.

Создание крупных энергетических комплексов на р. Каме и Уфе потребовало организации комплексного гидрологического обеспечения энергетики, пароходства, рыбного хозяйства, лесосплава, коммунального хозяйства. Это заставляет специалистов вести постоянный поиск и разработки новых методов прогнозов.

Развитие агрометеорологических наблюдений на Урале началось значительно позже метеорологических и гидрологических. Лишь в последние полтора—два десятка лет XIX века при опытных полях стали проводиться работы по сельскохозяйственной метеорологии и фенологии по инициативе отдельных ученых и силами научных учреждений. В общегосударственных рамках сельскохозяйственные метеонаблюдения на Урале развернулись в 1924 году при метеобюро Уралоблзус. Агрометеорологи Урала первыми в СССР в 1925 году начали издавать декадные Агрометеорологические бюллетени, которые в дальнейшем без особых изменений получили распространение в системе гидрометслужбы. Они, как и синоптики, в 1930 году впервые вышли в радиоэфир широковещательной сети с передачами по Уралу предупреждений о заморозках, резких похолоданиях и других опасных для сельского хозяйства явлениях погоды. В 1958—60 годах Свердловским бюро погоды и областными ГМО (ГМБ) впервые составлены технические записки, обобщившие опыт оперативного обслуживания сельского хозяйства и потребности в агрометеорологической информации. Начинание одобрено ГУГМС и рекомендовано всем оперативным агрометеорологическим подразделениям службы.

По материалам агрометеорологических наблюдений издаются «Агрометеорологические ежегодники», «Обзоры агрометеорологических условий вегетационного периода», «Материалы наблюдений опорных станций комплексной воднобалансовой сети». В одном из немногих управлений обобщены материалы наблюдений и издан Справочник агрогидрологических свойств почвы, индикатором и основным исполнителем которого был наш старейший специалист Н. М. Бирюкова.

Изучение химического состава природных вод на Урале началось еще в предреволюционные годы, но только с 1938 года оно стало проводиться на сети Уральской гидрометслужбы планомерно

и систематически, по стандартной программе. В 1965 году наблюдения над химизмом вод получили качественно новое содержание. С организацией лаборатории химии поверхностных вод и атмосферного воздуха в составе Свердловской гидрометеорологической обсерватории началось практическое изучение и контроль загрязнения природной среды, обслуживание народнохозяйственных организаций Урала сведениями о состоянии загрязнения. У истоков создания службы по контролю загрязнения природной среды стояли Медведева И. Л., Дерябина И. Б., Комиссарова Н. С. Более 20 лет добросовестно работают Задираева М. С., Кузьмина С. П. Дальнейшее развитие работ в этом направлении привело к организации в стране центров при территориальных управлениях Госкомгидромета СССР. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 898 от 29.12.72 и приказом Госкомгидромета СССР № 181 от 09.06.80 об организации по изучению и контролю загрязнения природной среды такой центр в сентябре 1980 года был создан в Уральском УГКС. За короткое время химическая служба Уральского управления оформилась в крепкую и хорошо развитую организацию со своей сетью пунктов наблюдений, аналитическими лабораториями, руководящими органами, наделенными весьма высокими полномочиями по изучению и контролю природы от негативных антропогенных воздействий. Проблема выявления наиболее острых ситуаций на Урале является особенно актуальной. И успешное решение ее зависит во многом от информативности общегосударственной службы наблюдений и контроля (ОГСНК). В настоящее время на территории деятельности Уральского УГКС функционирует 69 стационарных постов наблюдений за состоянием загрязнения атмосферного воздуха в 15 городах Урала и 252 пунктах наблюдений за состоянием загрязнения поверхностных вод на 146 водных объектах, по 41 загрязняющему компоненту. Работа лабораторий и отделов ЦКЗПС все более развивается и совершенствуется, служба оснащается новой техникой и средствами контроля. Совершенствуются взаимоотношения службы контроля с организациями и предприятиями на местах.

Связь в условиях нашей производственной деятельности имеет исключительное значение. Поток информации по каналам связи с каждым годом увеличивается, возрастает требовательность к качеству и своевременной подаче (приему) гидрометеорологической информации. Чтобы удовлетворить эти запросы, необходимо обновлять наши приемопередающие пункты новой, более совершенной техникой.

Уральская автоматизированная система передачи данных (АСПД) является одной из крупных в системе Госкомгидромета. В его состав входят Центр связи при управлении, 16 радиоаппаратных при ЦГМ и АМСГ, 9 радиорубящих станций, расположенных

ных на ТДС, и кустовая радиостанция. На всех их в основном установлена современная аппаратура, позволяющая ЦС только в течение суток обеспечивать прием и передачу 23740 телеграмм цифровой оперативной информации и прием 835 факсимильных прогностических карт. Передача графической информации из Москвы и Свердловска транслируется по арендованным телефонным каналам связи в 22 подразделения Уральского и Башгидромета. В Центр связи поступили новые отечественные аппараты РТА-80, которые при их дальнейшем внедрении в производство создадут возможность увеличения скорости телеграфирования с 50 до 100 бод. Следовательно, значительно сократится время доставки информации прогностическим органам.

В последние годы в связи с развитием советской космической техники на службу гидрометеорологии пришли совершенно новые средства получения метеорологических данных и передачи их наземным службам. В Уральском УГКС с 1978 года, после установления аппаратуры спутниковой информации, начат регулярный прием данных с метеорологических спутников — как советских, так и зарубежных. Изготовленные фотоснимки и фотомонтажи используются в Гидрометцентре, а также передаются по каналам связи в прогностические подразделения УГКС. В 1986 году аппаратура спутниковой информации заменена на 100%. Создалась возможность передачи спутниковых аналогов по каналу связи в САМЦ.

Большой вклад в развитие средств связи, своевременное поступление информации внесли Коновалов Г. П., Редикорцева Е. Д., Норкина Н. А., Соболева П. М., Стихина Н. И., Захар-Невская Г. Ф. и другие.

Гидрометслужба Урала располагает своим достаточно полным Гидрометфондом, созданным в 1958 году на базе архивного фонда и научной библиотеки Екатеринбургской обсерватории. В настоящее время Государственный фонд данных о состоянии природной среды является крупнейшим и старейшим центром на Урале. В его хранилищах сосредоточено более 80 тысяч документов с результатами наблюдений, пользующихся большим спросом у природохозяйственных организаций.

Большой вклад в организацию и становление Гидрометфонда Урала (фонд данных о состоянии природной среды) внесли ветераны службы: Подгайский Н. Н., Жукова М. Д., Санакоева Л. А., Меньшикова Н. Е. В настоящее время их работу продолжают Чеснокова Л. П., Зайцева Н. П., Соломеина М. М. и др.

Важным производственно-техническим звеном в деятельности нашей службы является лаборатория оперативной печати. Организованная в 1958 году при активном участии ветеранов службы Мартынова С. И., Демиховского В. С., Бойченко С. Н., лаборатор-

рия 22 года входила в состав Свердловского ГМО. Из подразделения со скромной задачей по размножению прогнозов и бюллетеней она превратилась в цех по изданию в предельно сжатые сроки оперативных документов, гидрологических ежегодников, справочников, обзоров. В организацию лаборатории и в освоении всех производственных процессов немалый вклад внесли Чепель М. Д., Шистерова Н. А., Миняева Н. Н., Котлярова О. И.

В 1978 году по инициативе ветеранов гидрометслужбы Урала, поддержанной руководством и общественными организациями управления, был создан гидрометеорологический музей Урала. Он стал вторым в стране после метеорологического музея Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова, организованном в 1927 году. Богатейшая история развития гидрометслужбы Урала, наличие подлинных, в том числе уникальных памятников истории (документов, приборов, предметов служебного пользования и т. д.) от Петровских времен до наших дней, вызывала острую необходимость в создании своего центра популяризации достижений отечественной гидрометеорологической науки и техники по изучению истории гидрометслужбы Урала и ее трудовых коллективов.

1983 г. Свердловская гидрометобсерватория и Свердловское бюро погоды объединены в Гидрометцентр Уральского УГКС.

Многогранная, нередко в весьма сложных условиях (гражданская, Великая Отечественная война, периоды восстановления народного хозяйства) деятельность управления при дефиците кадров, технических и финансовых ресурсов требовала полной отдачи сил и знаний специалистов, и они отдавали себя работе без остатка. Это бывшие директора обсерватории Абелъс Г. Ф., Ситнов М. В., Павлов С. П., Мартынов С. И., начальники управления Муравьев Ф. Г. Бабченко В. Н., ведущие специалисты и организаторы работы в отделах управления и областных обсерваториях Сухарев К. И., Черницкая Е. А., Черказьянова В. Г., Тарамженин П. К., Летина М. Г., Зыкова В. Г., Пермякова А. И., Шумский С. И., Кузнецов И. П., Крымов К. Н., Бессмертнов И. С., Матвеев В. М., Лебедев С. А., Шахов И. С., Силин Ф. М., Степанов Н. Д. и др.

Оглядывая взором прошедший период с начала наблюдений, следует отметить, что до начала 60-х годов текущего столетия в изучении гидрометеорологического режима отмечался период накопления данных. С начала 60-х годов происходит коренной перелом. Страна, залечив раны Великой Отечественной войны, развертывает бурное строительство производственных объектов, гидротехнических сооружений, жилых зданий в Уральском регионе, сельское хозяйство переходит на интенсивный путь развития. Возникает острая потребность в более полном использовании гидроклиматических ресурсов в народном хозяйстве. Традиционных ежегодных данных уже недостаточно. Требуется разработка экст-

римальных значений гидрометеорологических элементов как на изученных, так и на неизученных реках и территориях.

Сейчас можно без труда сказать, сколько рек и озер на Урале, какие они по размерам и другим характеристикам. Но до этого нужно было провести большие картометрические работы, гидро-графические обследования. Большой творческий труд названных специалистов воплотился в 2-х изданных томах справочника «Гидрологическая изученность». Нелегкий труд по анализу материалов наблюдений лег на плечи Беловой Г. П., Бикбовой Р. З., Каминской З. Ф., Кац З. Г., Коробковой А. Н., Санакоевой Л. А., Тюшняковой В. Т., Черказянской В. Г., Шаховой С. М., Куприяновой Р. П., Демидовой И. Г. и др. Многолетний труд увенчался успехом, и в 1967 г. были изданы два тома справочника «Основные гидрологические характеристики».

Венцом этой многолетней работы стало издание в 1972 г. коллективной монографии «Ресурсы поверхностных вод СССР», том II — «Средний Урал и Приуралье», в которой наряду с описанием особенностей гидрологического режима рек и озер приведены разработанные специалистами методы расчета различных элементов при наличии и отсутствии материалов наблюдений. Эта монография по сей день является настольной книгой специалистов многих проектных и научно-исследовательских институтов. Она сослужила добруе дело при решении вопросов производственного и хозяйственного водоснабжения на Урале, проектировании и строительстве многих промышленных предприятий, оросительных и осушительных систем и др. объектов. В этот период под руководством А. Т. Табакова проводятся широкомасштабные работы по изучению заполнения прудов и водохранилищ и обследование озер. Последним много занималась М. А. Андреева.

Фундаментальные работы по анализу и обобщению метеорологических наблюдений выполнены Пермяковой А. Н., Халевицкой Г. С., Бабкиной М. И., Лилеевым М. В., Мальцевой Е. М., Долгавовой А. М., Старковой Г. С., Таборинцевой Е. И. и др. Труд этих ветеранов венчают Справочники по климату СССР, вып. 9 в 5 частях и Метеорологические данные за отдельные годы, изданные в 1954—1976 гг., за разные периоды наблюдений: в 5 частях за 1936—50 гг. и в 7 частях за 1951—1965 гг.

Подготовлены и изданы монографии по климату городов Свердловск, Нижний Тагил, Уфа.

Большая работа по обобщению агрометеорологических материалов выполнена Е. В. Григорчук, И. Г. Качевой, В. В. Светловой, Р. Г. Кривоноговой, М. П. Казанцевой. Подготовлены Агроклиматические справочники по всем областям территории деятельности и по многим административным районам области. Выпуск Агроклиматических справочников дал научно обоснованную оцен-

ку гидрометеорологических условий размещения и выраживания сельскохозяйственных культур.

Работы по подготовке научно-прикладных справочников дали мощный импульс творческой активности специалистов. Научные исследования и обобщения стали составной частью работы на все последующие годы. Мартыновым С. И. проведен глубокий анализ и дано описание термического режима почво-грунтов по трассе газопровода Бухара-Урал. На хоздоговорных началах специалистами БРиС выполняются исследования микроклимата карьеров, разработка карт гололедно-изморозевых отложений, в гидрометцентре — прикладные исследования по оценке причин затопления г. Ирбита с разработкой защитных мероприятий, гидрометеорологических условий развития мелиораций и размещения типов мелиоративных систем и др.

Свердловские синоптики впервые в нашей стране начали применять расчетный метод прогноза орографических вертикальных скоростей, который вошел во второе издание Руководства по краткосрочным прогнозам погоды. Специалисты бюро погоды подготовили раздел Руководства по прогнозам, ч. III «Атмосферные процессы Урала». Более десяти научных исследований синоптиков в виде публикаций вошли в Сборники работ Свердловской ГМО и Гидрометцентра Уральской УГКС, в труды ЗапСибНИИ, ГМЦ СССР и др. Практические результаты исследований широко используются в прогностической работе, вошли в новые нормативные руководства по прогнозам погоды (издания 1985 и 1986 гг.), во многие разделы монографии «Опасные явления погоды на территории Сибири и Урала», ч. III, подготовленной к изданию в 1987 году.

Автором большинства методических разработок и обобщений по синоптической метеорологии Урала являлся главный синоптик ГМЦ Халевицкий З. З. В этом деле также принимали участие ведущие синоптики Пряхина Л. Д., Строгина К. Ф., Носкова А. Д., Устинова Г. А.

Большое внимание уделялось испытанию новых методов прогнозов. Из 43-х испытанных 32 метода получили положительную оценку техсовета управления и Центральной методической комиссии Госкомгидромета и внедрены в практику. Практически используются также численные методы, решаемые с помощью ЭВМ (напр., прогноз будущих барических полей, проз, лесной горимости и др.). С 1985 года для решения частных задач используются микроЭВМ. В последние годы широко используется регулярная информация новых технических средств — МРЛ и метеорологических спутников. Все сказанное направлено на совершенствование качества оперативно-прогностической работы. О хорошей результативности прогнозов и предупреждений об опасных явлениях погоды свидетельствуют ежегодно высокие оценки (4,6—5,0 балл).

лов). выставляемые нам Госкомгидрометом по разделу метеорологического обслуживания народного хозяйства и авиации.

Лучших результатов по метеорологическому обеспечению народного хозяйства в последние годы добивались синоптики Палабугина Г. Д., Привезенцева Л. В., Устинова Г. А., Шепоренко Г. А., а также техники Балиши Т. Г., Судай А. П., Фишер М. Н. и др.

Разработанные вновь или уточненные на местных материалах методы прогнозов ожидаемой урожайности всех основных культур, возделываемых на Урале, позволили поднять уровень агрометеообеспечения сельскохозяйственного производства на качественно новую ступень. За достигнутые успехи в работе коллектив отдела агрометеопрогнозов и агрометеорологии Гидрометцентра в 1984 году был награжден Почетной грамотой Госкомгидромета, а в 1985 году за успехи в обеспечении Агропромышленного комплекса — Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Последние пятилетки ознаменовались бурным ростом развития гражданской авиации на Урале. Потребовалась перестройка и интенсификация качественного обеспечения полетов воздушных судов. Поступили новые, более совершенные приборы и оборудование: метеолокатор, светолокаторы высоты облаков, регистраторы дальности видимости, комплексная радиометрическая аэродромная метеостанция, цифровые приборы для определения параметров ветра, аппаратура для приема фотографий облачности с метеорологических спутников и др. Работники Свердловского авиацентра, освоившие эту технику, благодаря широкому внедрению расчетных методов обработки метеоданных, значительно улучшили качество прогнозов погоды. Получение метеонформации и ее доведение до потребителей в САМЦ ускорилось за последние 10—15 лет более чем в 10 раз. Коллективом САМЦ выполнено около 15 научно-исследовательских работ, составлено климатическое описание района. В 1984 году САМЦ по качеству работ занял первое место среди авиацентров страны и также получил денежную премию.

Свердловский авиацентр является ведущим среди АМСГ Уральского УГКС и передовым среди аналогичных подразделений Госкомгидромета. Он обслуживает один из крупнейших аэропортов страны, пропускающий более 15 тысяч пассажиров в сутки (свыше 1,5 миллионов в год). В 1976 году за высококачественное обслуживание авиации начальник авиацентра Беломаз Н. М. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Велики и заманчивы у нас планы на будущее.

Главнейшей задачей для нас является дальнейшее повышение эффективности гидрометеорологического обеспечения народного хозяйства и населения, своевременное предупреждение о возник-

новении стихийных явлений, более полное использование гидроклиматических ресурсов Урала при реализации исторических решений XXVII съезда КПСС по ускорению социально-экономического развития страны.

На решение этой задачи должны быть направлены усилия всего коллектива. В первую очередь нам надо организовать автоматизированную обработку оперативных метеорологических и гидрологических материалов с тем, чтобы исключить изнурительный ручной труд и высвободить время специалистов для более полного анализа и осмысливания складывающихся ситуаций по данным наземных станций и космических систем. С вводом в эксплуатацию ЭВМ появятся большие возможности для использования схем прогноза метеорологических, гидрологических и агрометеорологических элементов. Вместе с тем использование ЭВМ станет более жесткие требования к качеству, полноте и своевременности информации наблюдательной сети.

В условиях интенсивного антропогенного влияния на климат меняются сложившиеся представления об устойчивости гидрометеорологических процессов, а это выдвигает перед специалистами управления необходимость решения сложных проблем по прогнозированию гидрометрежима в целом и отдельных элементов на перспективу. Изучение интенсивности антропогенного влияния на различные элементы режима должно стать одной из основных задач оперативно-производственных органов управления.

Более быстрыми темпами будет происходить техническое переоснащение наблюдательной сети. На метеорологических станциях будут внедряться современные средства инструментальных измерений ветра, высоты нижней границы облаков, дальности видимости. Поступят новые автоматические метеостанции, метеорологические локаторы, более совершенное аэрологическое оборудование. На гидрологической сети широкое внедрение получат установки дистанционного измерения расходов воды; самописцы уровняй воды длительного действия, эхолоты и др. техника.

Дальнейшее развитие получит машинная обработка данных метеорологических, гидрологических, радиометеорологических наблюдений. Ожидаем, что в течение всей пятилетки начнется машинная обработка материалов агрометеорологических наблюдений и работ. Будет совершенствоваться автоматизированная подготовка метеорологических ежемесячников, ряда таблиц Ежегодных данных вод суши.

Большие задачи стоят перед Свердловским ЦНЗПС. Они связаны с увеличением объемов работ лабораторий, повышением информативности и качества работы наблюдательной сети. С созданием в Свердловске кустовой лаборатории на базе лаборатории КЗА будет дополнительно организован так называемый «без-

лабораторный» контроль загрязнения воздуха в 8 городах Свердловской области. Значительно расширится сеть контроля загрязнения поверхностных вод и почвы.

Предстоит увеличить перечень контролируемых загрязняющих веществ как в атмосфере, так и в поверхностных водах: освоить новые, более современные и точные методы анализов. Будет решен вопрос с определением органических веществ хроматографическими методами. Дальнейшее развитие получают атомно-абсорбционные методы определения металлов во всех средах.

В ряде городов (Свердловск, Челябинск, Пермь, Магнитогорск и др.) будут введены в строй автоматические газоанализаторы для непрерывного контроля содержания в атмосфере окси углерода, двуокисей серы и азота, углеводородов. Планируется на сети КЗА полная замена морально и физически устаревших постов наблюдения (ПНЗ) на комплектные лаборатории «Пост-2», оснащенные автоматическими прибороотборниками «Компонент».

Специалистами связи уже в 1990 г. планируется автоматизация сбора информации с телеграфных каналов при помощи аппаратуры АРД-Р-Циклон, способной выдавать готовую информацию для передачи заинтересованным подразделениям, в том числе ГМЦ графоинструментальщик. Таким образом, впервые отпадет необходимость ручной обработки информации. Некоторые улучшения происходят сейчас и на метеостанциях с собственными средствами связи, где установлены новые датчики кода Морзе КМП-26, позволяющие обеспечить автоматизированную запись и передачу гидрометеорологической информации.

Товарищи! Более двух тысяч высококвалифицированных специалистов и наблюдателей Уралгидромета самозабвенно и преданно трудятся, отдавая свои силы и знания делу изучения гидрометеорологического режима Урала, обеспечению народного хозяйства данными о состоянии природной среды. Повышение качества всех видов работ, более глубокое изучение гидроклиматических ресурсов и улучшение контроля состояния природной среды Урала, своевременное предупреждение народного хозяйства о возможном развитии стихийных гидрометеорологических явлений позволят внести наш посильный вклад в дело рационального использования природных ресурсов и ускорение социально-экономического развития нашей страны.

РАЗДЕЛ I

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Еремин Михаил Александрович --
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Июль 1942 года. Здание музыкального училища им. П. И. Чайковского (ул. Первомайская, 22). Здесь заседает призывающая медицинская комиссия Свердловского райвоенкомата г. Свердловска. По коридорам и кабинетам второго этажа, где разместились многочисленные врачи, то и дело стайками и в одиночку бегает голозадая братва, оживленно обмениваясь результатами обследования. Естественно, не обходится без шутливых афоризмов. Но только около одного кабинета ведут себя строго, с большим любопытством спрашивая каждого выходящего: «Ну как?» В кабинете мандатная комиссия дает заключение о годности к воинской службе и определяет род войск, куда направляется призывник.

Тут я немножко отвлекусь, вспоминая эпизод, ставший пророческим. Наша семья в то время жила недалеко от музыкального училища, в доме, который теперь почти каждый свердловчанин знает как памятник деревянного зодчества (ул. Толмачева, 24). Тогда этот многоквартирный дом выглядел много интереснее, с прекрасным парадным подъездом, ступенями из трех гранитных плит перед внушительными красивыми входными дверями. Улица была замощена булыжной брусчаткой, а поверхность земли сантиметров на 70—80 ниже, чем сейчас. Так что дом стоял возвышеннее и винограднее. Мне было лет тринацать. Однажды теплым летним вечером мы, несколько ребят, устроились на гранитных плитах «парадки» побалагурить. Вдруг услышали громкое мужское пение какой-то матросской песни. Пела группа моряков, идущая со стороны улицы Ленина по направлению к нам. Подойдя ближе, моряки (они были немножко навеселе) затянули с нами разговор. Один спросил меня, умею ли я плавать, простите, в... гальюне (по корабельному — туалет). Я с нескрываемым чувством детской гордости ответил, что умею и даже переплываю городской пруд. Он похвалил, расхохотавшись, и пожелал мне семь футов под килем. В разговоре с нами моряки употребляли много для нас непонятных терминов и заразительно хохотали. Я рос крепким парнишкой и

потому воспринял этот разговор с завистью и надеждой, что пойду служить в военный флот.

И вот последний кабинет — «Мандатная комиссия». По вызову вошел за дверь с трепетным чувством. Пристально разглядывая разложенные на столах кабинета заполненные и завишированные условными знаками и расписями бланки, пытаясь разобраться в «хитростях». Беседа в форме «вопрос-ответ» с членами комиссии наконец закончена. Жду и волнуюсь. Вот один из них берет мой заполненный бланк и в левом верхнем углу красным карандашом выводит букву «Ф» и расписывается. Ничего мне не поясняя, говорит, что я свободен, и просит позвать следующего. Пулей выскакиваю из кабинета и... попадаю в объятия ребят.

Вскоре состоялись сборы и отправка эшелона теплушек с новобранцами на восток. По прибытии на станцию Вторая Речка (недалеко от Владивостока) нас разместили в палаточном городке. Через какое-то время службы здесь мы снова прошли тщательную медицинскую и мандатную комиссии, после чего окончательно были распределены по воинским адресам. С группой восьми человек меня направили на остров Русский в заливе Петра Великого (южнее Владивостока), где располагался учебный отряд Тихоокеанского флота. Учебный отряд — это комплекс самостоятельных школ, разбросанных по разным местам острова, где велась подготовка призывников по всем специальностям для кораблей всех рангов и назначения. Кто-то из нас попал в школу оружия, кто-то в механическую школу, а я в школу связи для обучения радиотелеграфному делу.

Так началась моя флотская служба. А в стране бушевала Великая Отечественная война. Хотя смертельная опасность еще не миновала, но армия и народ уже отпраздновали первую огромную победу: в апреле 1942 года враг потерпел сокрушительное поражение под Москвой. Наши войска перешли в решительное контрнаступление. Однако оставалась угроза Ленинграду, Сталинграду, Кавказу. Советской Армии и Военно-Морскому Флоту требовалось значительное и квалифицированное пополнение. В основном оно готовилось на востоке страны. Отсюда на запад отправлялись сформированные части отлично подготовленных кадров, в том числе военных моряков. Из Владивостока отбывали бригады из плавсостава. В одной из них оказался и я.

Наша часть прибыла в г. Зеленодольск (Татарская АССР), где находился флотский экипаж. Это такая воинская часть, в которой сосредотачивался резервный личный состав флота и где производилось его переформирование. Вскоре подразделение, в которое я был зачислен, отсюда перевезли в пос. Сосновку соседней с Татарней Кировской области. В Сосновке действовал судостроительный завод, к тому времени перешедший на производст-

во военных катеров типа «морской или малый охотник» (МО-4). Для них-то и готовились штатные составы команд. Надо сказать, что прибывающих сюда людей размещали на заброшенном старом двухпалубном пассажирском судне, прозванном «шаландой», и не- понятно каким способом вытащенным на отмельный берег реки Вятки. Бытовые условия были скверные во всех отношениях. К тому же мы прибыли сюда в морозное время.

Хотя Вятка на этом участке достаточно широкая и судоходная река, катера тем не менее отправлялись с завода к месту назначения по железной дороге. Строились катера полностью из дерева, точнее из многослойной прочнейшей фанеры. Имеяличинное вооружение и хорошую скорость, такой корабль был достаточно грозен для противника. Он был оснащен 37-мм зенитной пушкой, установленной на кормовой палубе, двумя установками со спаренными на турелях пулеметами ДШК, смонтированными в так называемых «барбетах», очень похожих на аудиторную лекционную кафедру, двумя кормовыми аппаратами для сбрасывания противолодочных глубинных бомб, аппаратом для постановки дымовых завес.

Экипажи катеров (по 22 человека) составлялись заранее. Они в буднях быта, работы на заводе и при несении вахт сживались, сплачивались. Каждый знал свои обязанности. Мой боевой пост — радиорубка, «корабельная святыня», как ее называют на флоте. Рубка немножко тесновата, но неплохо оборудована. Радиостанция «Скумбрия» обеспечивала надежную и дальнюю связь. Когда наступал момент отправки на фронт очередной группы катеров, особых эмоций не возникало. Все воспринималось должным образом. Разве что лица людей несколько суровели, а поведение становилось сдержаннее. Парадных построений не проводилось, лишь перед отъездом объявлялся приказ и давались организационные команды. Пункт назначения личный состав не знал. Только по дороге постепенно вырисовывался ориентир.

Свое боевое крещение я получил под Сталинградом, чуть севернее города, в районе Ерзовки. Произошло это так. Наш сформированный в Сосновке дивизион малых охотников (6 катеров) очередным эшелоном отправили по железной дороге на юг. Где-то в середине января 1943 года прибыли на ст. Камышин, расположенную у самой Волги. Здесь произошло какое-то переформирование, и я с несколькими товарищами оказался на старом волжском буксире под названием «Чапаев». Подобных судов тут было немало, на них рассредоточились другие наши ребята. Вскоре вышли в сторону Сталинграда, с каждым часом ощущая нарастание тревоги, которая подопревалась всей обстановкой. По прибытии на место радисты получили задачу: высадиться на возвышенный берег реки, занять удобную позицию и корректировать огонь ору-

дий наших судов в сторону «окольцованного врага». Помню, как только взобрался на бровку берега, был ошеломлен увиденным: стволы деревьев оказались совершенно без веток, как столбы, беспорядочно расставленные по полю, горизонт черный, массы тра-сипящих следов чуль и снарядов, ужасный гул смешанных звуков от взрывов, артиллерии, авиации! Искрошенный лед на Волге, вода местами пылала огнем. И вот на те самые столбы-деревья мы были вынуждены забираться, чтобы лучше ориентироваться в пространстве. Делать это оказалось чрезвычайно трудно физически, особенно в первое время. Потом наловчились автомат и рацию «РБ» поднимать за собой с земли на штерте (веревочке). Не скрою, было страшно, иной раз до слез. Особой опасностью грозили шальниые пули и снаряды. Но приказ надо выполнить! Лишь половина из нас вернулась невредимой из того «леса» голых деревьев и столбов. То были последние 17 дней Сталинградской битвы. И вот 2 февраля. Объявлена полная капитуляция окольцовани-й вокруг Сталинграда группировки немецко-фашистских войск. Все!

Постепенно восстановив свое хозяйство, наш 7-й дивизион двинулся к Черному морю. Эшелон шел медленно, подолгу задерживался на остановках. И вот... снова Сталинград! Мы не знали, сколько здесь будем стоять. Никаких распоряжений не поступало. Но разве удержишь кого? Братва ринулась на «экскурсию». Хорошо помнится обстановка, полнейшая разруха, людей почти не видать, гнетущая тишина, хотя местами из репродукторов звучит какая-то кажущаяся траурной симфоническая музыка. Простояли на станции день и ночь, после чего поезд продолжил путь.

В апреле наконец закончилась наша долгая дорога по степям и солонцам Поволжья, Калмыкии, по резким, контрастно отличающимся от них горам Кавказа. Конечный пункт — порт Батуми. Несколько дней простояли на портовых путях, затем катера спустили на воду. Началось освоение своих боевых постов, техники, тактическое обучение в море. Потом последовали боевые задания. Жизнь пошла своим чередом. Корабли выходили в дозоры, поисковые операции, охранения и т. д. Особенно напряженной и опасной была дозорная и поисковая служба, с длинными походами, своего рода охотой за подводными лодками противника. Как ошеломленные, они рыскали в пучинах черноморских вод. Считалось, что их оставалось немного, но им некуда было деваться, т. к. пролив Дарданеллы для них оказался наглухо закрытым. Да и базироваться было негде. Возможно поэтому случалось, что немецкие лодки шли на торпедирование даже небольших наших кораблей, которые на много дешевле самой торпеды. Или пускали этот грозный снаряд в береговое сооружение. К концу 1944 года война на Черноморском театре военных действий заканчивалась. В августе наш диви-

зон, к тому времени переименованный во 2-й ДМО, получил задачу произвести рекогносцировочную операцию в одном из рукавов дельты Дуная.

Раннее теплое утро. Наши и других соединений корабли различных типов и назначения стали подходить на исходные позиции в районе Сулины. А затем поочередно (в кильватере) на форсированном ходу пошли в широченное русло реки, на ходу обстреливая берега — высокие, обрывистые. На прилегающих к ним территориях, среди построек и густых зарослей кустарника скрывались огневые точки противника, которые и необходимо нам было выявить. Ни для кого уже не оставалось секретом, что быстро теснившиеся врага наши сухопутные войска скоро начнут форсирование Дуная.

Однако нашему катеру не повезло. Он скоро попал под обстрел вражеского орудия (сверху-то нас хорошо видно!) и получил повреждение. Уже много позже мне ребята рассказали историю этого. А события развились следующим образом. Как только на корабле колокола громкого боя (мощные электрозвонки) объявили боевую тревогу, все члены команды быстро разбежались по своим постам. По тревоге № 1 радиосторожок должен занять место на водителя по азимуту в орудийном расчете (зенитка К-70, установленная на корме). Поэтому, торопясь, я закрыл радиорубку и отдал командиру последнюю шифровку. Затем по трапу выскочил через баковой люк на верхнюю палубу. Задрав за собой люк, быстро пробежал к ходовой рубке. Только ухватился за поручень, как...

Очнулся я, уже находясь на воде. Очевидно, от сильного удара тела о поверхность воды. Сразу почувствовал резь в глазах. Слышу надрывный рокот моторов мимо проходящих на огромной скорости катеров. Мгновению пришло решение: обязательно выжить!

Матросская форменная одежда устроена так, что человек, плавший в воде, очень быстро может освободиться от нее, а обувь зашивировать на кораблях не положено. Так что ботинки мои уже шли где-то ко дну. Ремень на брюках робы расстегнулся сам, и штаны, таким образом, я тоже потерял. Холстяная рубаха, сделавшись в воде «коробом», позволяла свободно вынырнуть из нее. И только тельняшка, символ моряка, оставалась на теле, составляя с ним одно целое.

Чувствуя боль по всему левому боку, я всячески старался удержаться на воде. Глаза не открывал, поэтому не знал, что творится вокруг меня. Стал кричать. Но пока шумов было много, крики не находили адресата. Когда стихло, услышал голос сначала одного, потом другого «пловца». Постепенно сблизились. Оказалось с разных «коробков». Но радость очень поддерживала нас. Мы были

подобралы с воды нашими же катерниками. Позднее меня перевели в Новороссийск и госпитализировали в лазарет.

По возвращении в свою часть узнал следующее. В тот момент, когда я, выскочив на палубу, ухватился за поручень ходовой рубки, ударил вражеский снаряд. Он оторвал от нее большой кусок обшивки, который долбанул меня и, подхватив, поднял в воздух. Катер подо мной проскочил, а я как на ковре-самолете пролетел какое-то расстояние, затем упал на воду. Одновременно был сброшен с откидной подножки командир катера, стоявший за штурвалом и руководивший ходом действий. Он очень сильно ударился, но, превозмогая боль, сумел вернуться, хотя и был подстрахован сигнальщиком.

Примерно в октябре 1944 года поступил приказ о переброске нашей части на Балтику. После тщательной подготовки катера снова погрузили на платформы, и эшелон отправился в долгий путь. Где-то в конце ноября — начале декабря состав прибыл в район Ленинграда, затем, минуя город, проследовал до Ораниенбаума (ныне г. Ломоносов). Здесь корабли спустили на воду, и они своим ходом пришли в Кронштадт, где были подняты на стенку, а личный состав расквартирован в казармах. Первое время занимались консервацией техники на зиму. В дальнейшем до весны участвовали в выполнении различных задач.

Особенно запомнились операции по проводке и конвоированию судов, в основном транспортных, на противоположный берег Финского залива, где располагалась база Порккала-Удд. Надо сказать, что для малых судов и их команд эта кампания стала чрезвычайно тяжелым испытанием. Морозы, широкий береговой припай льда, который приходилось преодолевать с помощью малого ледокола «Тасуя», штормовое состояние в открытом море, опасности встречи с минами, льдинами да и с врагом создавали невыносимые условия для людей. Но выручали физическая закалка, смекалка, выдержка.

Расскажу об одном интересном факте. Вахта (дежурство) на кораблях по уставу длится четыре часа. А переход из конца в конец продолжался значительно дольше. При этом на всех кораблях — больших и малых — в обязательном порядке выставлялись так называемые впередсмотрящие. Но их во что бы не одевали, они все равно быстро зябли, обрызгиваемые встречной волной. Чаще производить смену вахтенного на малом судне очень сложно. Хотя бы потому, что сушиться негде. Тогда придумали следующее. Заступающего на вахту очередника сытно кормили горячей пищей, тепло одевали, поверх напяливали комбинезон самого большого размера. Затем клади на палубу, обливали забортной водой и провождали этого в своеобразном ледяном панцире «рыцаря» к месту вахты на носу. Он занимал выгодную позу и таким обра-

зом мог долго сохранять хорошее состояние, похожий на статую. Периодически матросы пили вахтенного горячим, хорошо заваренным чаем, добавляя немножко спирта. Эту смесь мы в шутку называли «грузинским кошачком».

До начала навигации 1945 года я был переведен в другое соединение — 5-й Краснознаменный дивизион сторожевых катеров, который дислоцировался в Ленинграде, в Гавани. Здесь меня и застила радостная весть о капитуляции фашистской Германии. Я выставил динамик на ходовую рубку. Сообщение Советского Информбюро слушали с огромным интересом. А потом пошло-поехало! Катера сорвались со швартовых и устремились в Неву. Ленинград торжествовал бурно. Чрезвычайно красиво было небо, озаренное великим множеством огней, дымовых следов. И мы, на большом ходу, тоже стреляли из автоматов, ракетниц, даже из пушки-«сорокопятки» трассирующими снарядами.

Радость Победы безмерна, однако будни войны для нас не закончились. События развивались с калейдоскопической быстротой. Наши катера вместе с другими находились в постоянном передвижении вдоль береговой полосы прибалтийских республик, где с исключительной жестокостью начали зверствовать националистические банды «лесных братьев». Они не щадили ни мирное население, повернувшее в советскую власть, ни военнослужащих. Преводавали огню хутора и села, взрывали, убивали и вешали попавших им на подозрение людей. Моряки-катерники были задействованы в операциях по розыску и ликвидации этих банд. Очень часто оказывались в условиях многое сложнее и опаснее, чем в боях с открыто драившимися врагами. Конечно, люди гибли, уже после войны!

Много таких ситуаций бывало. Для меня особенно значимы оказались операции в Таллинне, Хаапсалу (Эстония), Паланге (Литва). Какой красавец курорт Паланга сейчас! А какой жалкий вид имел он после войны. Стало известно, что в Паланге скрывается крупная банда националистов. Но как ее разыскать, где скрывается ее главарь? Люди, понятно, разбрелись по жилым местам Паланги и Клайпеды. А где хранятся боеприпасы, снаряжение? Время шло, а списки погибших и пострадавших росли. Причем акции насилия совершались в любом месте (улица, двор, кинотеатр, рынок, даже в милиции) и в любое время. В назначенный день лета 1946 года, с ранними сумерками, отряд моряков, вооруженный автоматами и гранатами, высадился в нескольких километрах южнее Паланги. Разобравшись группами, разошлись по лесу, внимательно наблюдая окрест. Мы знали: «братья» могут раньше заметить нас. Да и не исключено, что «сарафанное радио» их уже оповестило о нашем предприятии. Отдельные стычки уже состоялись, появились раненые. Ворвавшись в населенный

пункт, моряки начали быстро обшаривать дачные дома и хозяйственные постройки. Кое-что «нарыбачили», но главного не решили. Вдруг из леса, со стороны Клайпеды, на нас обрушился жесткий огонь. Теперь по нам стреляли с двух сторон — из леса, и из засад в дачных развалинах. Пикантная ситуация создалась! Но паники не было: ребята-то все обкуренные, хотя мы и понесли первые потери. Наши офицеры приняли решение: во-первых, во что бы то ни стало закончить операцию до наступления полной темноты, во-вторых, захватить пленных, от которых узнать истинное положение вещей. Моряки устроили бандитам такую заварушку! Как потом выяснилось, большое количество «братьев» скрывалось в «волчьих ямах», которые, прочесывая лес, мы, однако, не обнаружили. Пропустив в лесу, они с тыла внезапно атаковали нас в дачных кварталах. На следующий день банда ликвидирована была полностью.

А жизнь в городах и селах постепенно приобретала деловой характер, шли восстановительные и строительные работы, люди обустраивались.

В 1947—1948 гг. наша часть дислоцировалась в Клайпеде. Отсюда в апреле 1948 года начальник Клайпедской военно-морской базы направил меня в Главный госпиталь КБФ (г. Балтийск) для медицинского освидетельствования. Решением военно-врачебной комиссии 5 мая 1948 года я был демобилизован и вскоре вернулся в Свердловск.

Мое первое знакомство с Уральской гидрометслужбой состоялось в 1953 году. Тогда я, будучи студентом Уральского государственного им. А. М. Горького, проходил практику в качестве рабочего гидрографической партии. Ее начальником был замечательный специалист, большой труженик, ответственный и аккуратнейший исполнитель Вадим Михайлович Матвеев. Он, кстати, тоже служил и воевал в морских частях на Балтике.

С той поры я никогда не порывал связи с коллективом и службой, которые очаровали меня романтикой дел и взаимоотношений. Хотя жизненные обстоятельства складывались по-разному. В 1956 году пришел в УрУГМС уже в качестве штатного инженера-гидролога. В те годы членом Государственной экзаменационной комиссии на географическом факультете ПГУ был Василий Никифорович Бабченко, недавно ставший начальником Уральского УГМС. Он зачислил меня в Свердловскую гидрографическую партию, которой руководил Петр Сергеевич Старостин. Он же в 1957 году направил обратно в Пермь для участия в организации и становлении Пермской гидрометеорологической обсерватории. Подразделения такого типа в системе гидрометслужбы только начинали организовываться под влиянием создания в стране крупных водохранилищ. На Урале Пермская ГМО была первой. Ее пер-

вым директором ГУГМС назначило кандидата географических наук Германа Ильича Куликова — великолепного ученого, организатора, руководителя и человека.

Последующие годы моя трудовая деятельность была связана с учебой в аспирантуре, преподавательской работой в вузах. В 1980 году я вновь вернулся в коллектив Уральского УГКС на должность директора Свердловской гидрометеорологической обсерватории, откуда в 1987 году вышел на пенсию.

**Жильцова Зинаида Александровна —
участник Великой Отечественной
войны, ветеран труда**

Начало войны 22 июня 1941 года застало нас, студенток 4-го курса Московского гидрометинститута в Ленинграде, где мы в поселке Тосно заканчивали производственную практику на экспериментальной базе исследовательского института.

До конца практики оставалось 10 дней. Но с началом войны обстановка в стране, в том числе и в гидрометслужбе, резко изменилась — шла перестройка на военный режим. Вся гидрометслужба Союза была реорганизована в военное ведомство при Комитете Обороны Союза ССР. Наш институт тоже был реорганизован и стал именоваться — Высший военный гидрометеорологический институт. Большинство студентов в это время находились на практике в различных концах европейской части Союза. Начальство дало распоряжение — всех отзывать с практики. Практику мы закончили, но нас не отпустили, а включили в состав рабочей группы по выполнению особого задания Генерального штаба Красной Армии. Задание мы выполнили после 20 августа 1941 г., и нам 24 августа 1941 г. вручили отзывы о пройденной нами практике и проездные документы. К этому времени сохранялось движение поездов лишь по Северной дороге. Октябрьская железная дорога в своей северной половине, в том числе и узловая станция Бологое, была захвачена врагом. В Москву мы прибыли 28 августа и сразу явились в институт. Перед нами стал выбор: либо сразу получить диплом, без сдачи экзамена, либо добровольно вступить в ряды Красной Армии и продолжить учебу в военном институте. Все комсомольцы пошли добровольцами и с 1 сентября 1941 г. уже числились слушателями Высшего военного гидрометеорологического института. Так началась моя воинская служба.

В конце октября 1941 г. военная обстановка под Москвой зна-

чительно обострилась, и по приказу Высшего командования наш институт в числе многих был эвакуирован в Среднюю Азию. Примерно через месяц пути начались занятия, а затем подготовка к госэкзаменам, которые мы сдали в конце февраля. Нам вручили дипломы с присвоением квалификации «Военный инженер-метеоролог» и откомандировали всех по воинским частям для прохождения дальнейшей службы.

Мне и еще трем выпускникам (из них 2 гидролога) дали направление в распоряжение управления гидрометслужбы Тихоокеанского военно-морского флота в г. Владивосток. Нас, синоптиков, сразу зачислили инженерами в бюро погоды. Если в институте мы изучали все теоретические вопросы по учебникам, освещавшим и ход, и развитие различных атмосферных процессов для европейской части Союза, в их связи с процессами в Арктике, то на Дальнем Востоке все атмосферные образования имели сходство с европейскими только по названиям. А ход процессов, развитие и образование барических систем, фронтальных разделов в атмосфере ничего общего не имели с европейскими. Поэтому пришлось в кратчайшее время изучать и осваивать практику и теорию развития всех встречающихся здесь атмосферных процессов. Так как в весенное время синоптикам приходилось работать по так называемым «обрязанным» картам погоды, на которых была освещена информацией только территория своей страны, то в практической работе использовались местные признаки погоды, их нужно было так же хорошо знать. Во время войны данные о погоде были секретными и оценивались как один из видов оружия.

При решении всех военных операций данные о погоде (фактической и прогностической) учитывались как один из важнейших факторов, способствующих успешному завершению операций.

В то время синоптические карты (карты погоды) за все сроки наблюдений составлялись от руки, тушью и каллиграфическим почерком, а потом передавались синоптикам для анализа.

В мою задачу входило обслуживание прогнозами погоды и предупреждениями об опасных и особо опасных явлениях погоды для всех воинских частей и подразделений Тихоокеанского военно-морского флота.

Работали сутками, была отработана полная взаимозаменяемость личного состава. При сложных синоптических ситуациях оказывали консультационную помощь специалисты, имеющие большой стаж и опыт работы: Е. Я. Клочкива, Д. Е. Косенкова, Ильинский О. К. и другие, начальник бюро погоды Матинян Г. Б. Большое им сердечное спасибо за то, что научили работать, не теряясь в любой сложной обстановке.

На флоте, в других родах войск, например, в морской авиации, в артиллерии береговой обороны, в Отдельном воздушном дивизионе ПВО и др. имелись свои метеорологические службы. По решению командования перед постановкой прогноза погоды или предупреждения об опасных явлениях погоды специалисты обязателью консультировались между собой, каждый высказывал свое обоснование прогноза погоды, а после консультации каждый принимал свое конкретное решение.

Все метеослужбы флота относились в разряд инженерных служб. При недостаточном количестве информации и слабой освещенности приземных карт погоды работать было очень сложно, выручали знания местных признаков погоды, а также информация радиозондовых и шаропилотных наблюдений, к сожалению, тоже неполная. Например, до сих пор помнится, что если Голубиный сообщил данные о ветре южных направлений 4—5 баллов, то следует немедленно составлять предупреждения о том, что в ближайшие часы вдоль побережья и прилегающей акватории залива Петра Великого ожидается усиление ветра южных направлений до 7—9 баллов.

Одной из местных особенностей холодного полугодия было прохождение холодных атмосферных фронтов, в том числе и вторичных, с северо-запада через Приморье при совершенно безоблачном небе. Но за такими невыраженными в поле облачности фронтами отмечалось небольшое понижение температуры воздуха и резкое усиление ветра. Своевременно заметить это явление и обеспечить предупреждение с достаточной заблаговременностью могли только опытные специалисты.

Поражал воображение выход на нашу территорию Приморья тропических циклонов, так называемых тайфунов, особенно в первые годы работы. Теоретические знания об особенностях характеристик проходящих тайфунов никак не укладывались в рамки фактически наблюдавшихся бед, творимых этими тайфунами. Основные их особенности — это очень сильные продолжительные дожди, когда более 2-х суток без перерыва дождь льет как из ведра, при ветре жестоком, часто разрушительной силы. При таких обстоятельствах срочно собирается краевая паводковая комиссия. И когда реки Приморья выходят из берегов, создается сильное наводнение, затапливаются значительные площади, многие деревни, рабочие поселки и даже города.

При таких чрезвычайных условиях формируется морская флотилия со всем для такого случая оборудованием под руководством командующего Тихоокеанским военно-морским флотом. Подготовленная флотилия направлялась в районы бедствия для спасения людей, материальных ценностей и оказания другой необходимой помощи. Для обслуживания флотилии по всему району бедствий

составлялись специальные прогнозы погоды и предупреждения и передавались через оперативного дежурного штаба флота. Такое положение объявлялось «чрезвычайным».

Когда была освоена мною вся работа по специальности, командование нашего управления стало меня включать в дежурства одновременно дежурным синоптиком и оперативным дежурным по гидрометслужбе флота.

Вначале в период таких дежурств доходило до курьезов. При выходе на связь с оперативными дежурными воинских частей и подразделений флота впервые на флоте появился женский голос. Это вызвало большое недоумение, принималось за неуместную шутку или простое недоразумение. Привыкали постепенно, хотя и с трудом.

В период войны с Японией каждая боевая операция обеспечивалась всеми видами прогнозов и предупреждений по ранее разработанной расширенной программе.

Прогнозы погоды и предупреждения об опасных явлениях погоды составлялись по отдельным «квадратам», в том числе и по районам Татарского пролива, Южного Сахалина, Северной Кореи. После освобождения Северной Кореи от оккупации японскими милитаристами я была направлена в Морскую обсерваторию военно-морской базы г. Гензан в качестве начальника части прогнозов и информации. В личном составе этого подразделения были (со всем необходимым оборудованием) техники-наблюдатели, техники-наносители, радисты, кодировщики (информация о погоде в то время была секретной), инженеры-синоптики.

На флоте же я вступила в партию.

После демобилизации я продолжала работать ст. инженером-синоптиком в Морской обсерватории Тихоокеанского флота. С 1950 по 1959 гг. работала в Московском управлении гидрометслужбы — сначала инженером, а затем начальником гидрометбюро Тула. В целях улучшения обслуживания народного хозяйства, руководящих советских и партийных органов пришлось изучить в полном объеме агрометеорологию, в том числе методики по составлению агрометеорологических прогнозов.

В конце 1959 г. перевалась в Уральское управление гидрометслужбы на должность зам. начальника отдела службы прогноза. В дальнейшем, по причине реорганизации системы службы, работала старшим инженером в том же отделе до ухода на заслуженный отдых (на пенсии с 1976 г.). Все это время работала под руководством начальника отдела, коммуниста, хорошего, инициативного, знающего все особенности работы гидрометслужбы, в том числе все разделы обслуживания народного хозяйства и авиации на Урале — Сухарева К. И.

Объем работы был все годы большим и напряженным при частом недокомплекте штата. Большое внимание уделялось расширению специализированного гидрометеорологического обслуживания народного хозяйства Урала (по Пермской, Челябинской, Курганской областям и Башкирской АССР. Свердловскую область обслуживало Свердловское бюро погоды).

В гидрометобсерваториях (Пермской, Челябинской, Курганской и ГМО Уфа) инженерный состав привлекался к систематическому изучению специфики гидрометобеспечения основных отраслей народного хозяйства, а результаты изучения обобщались и оформлялись в виде технических записок по каждой отрасли. Наряду с советскими, партийными, руководящими организациями обслуживались сельское хозяйство, автотранспорт, железнодорожный транспорт, речной флот, лесное хозяйство, лесосплавные организации, нефтяная промышленность (добывающая и перерабатывающая), горнодобывающая и др.

Значительное развитие на Урале получила гражданская авиация. Для ее специализированного обслуживания организовывались авиааметстанции: АМСГ от I до III разряда — с синоптической частью, АМСГ IV разряда — без синоптической части, а прогнозы погоды и предупреждения для них составлялись ближайшей АМСГ высшего разряда. Контроль за полнотой и качеством гидрометеорологического обслуживания народного хозяйства и авиации осуществлялся отделом службы прогнозов (отдел МОНХ — после очередной реорганизации). При проведении очередных (плановых и внеплановых) инспекций на местах оказывалась необходимая помощь как в организации, так и в обеспечении обслуживания и руководству обсерваторий, и специалистам.

На особый период в стране и гидрометслужбе объемы работ, их полнота, порядок получения информации и доведение материалов службы, в том числе оперативных (фактическая погода и предупреждения), до руководящих советских, партийных органов и народнохозяйственных организаций определялся для каждого подразделения конкретно, совместно с работниками первого сектора Уральского УГМС.

В основном этими вопросами занималась опытный старейший работник службы, знающий специфику всех видов работ, теперь ветеран труда гидрометслужбы Кирьянова Е. И.

Мой стаж работы в гидрометслужбе более 30 лет, последние 17 лет я работала в Уральском управлении гидрометслужбы.

Коновалов Георгий Петрович —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Родился я в 1917 году в г. Красноуфимске Свердловской области в семье рабочего. После окончания школы в 1933 году выехал в г. Свердловск, где поступил работать на приемную радиостанцию минсвязи и работал до 1939 года.

В 1939 году был призван в ряды РККА. Служил в г. Бийске, окончил полковую школу связи.

Начало войны застало меня в рядах 709 стрелкового полка 178 стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в г. Омске.

На 12-й день войны наш полк уже был под Вязьмой (Калининский фронт), где я непрерывно участвовал в боях в должности командира пулеметного взвода.

Наша задача была удержать линию фронта, бои были очень тяжелые. Приходилось драться за каждый метр земли, и если в бой в составе взвода уходило 26 человек, то возвращались живыми 12. Этим сказано все.

При прорыве немецкой обороны (юго-западное направление Калининского фронта) 22 декабря 1941 года меня тяжело ранило, и я был отправлен на лечение в госпиталь г. Иваново.

После выздоровления в феврале 1942 года был откомандирован в отдельную роту связи Управления войск НКВД, где служил радиомастером до 27 мая 1942 года, когда был переведен в 83 погранполк этого же управления на должность радиотехника, где и служил до демобилизации — декабрь 1946 года.

Боевой путь нашего полка прошел через Вязьму, Смоленск, Львов, Кременчуг, Warsaw, Крайсберг до Берлина.

Есть наши фамилии и на стенах рейхстага.

Победу встретили в небольшом городке Германии — Апольде. Из Апольда был вызван в Берлин, где формировались подразделения для охраны Потсдамской конференции глав правительства — Советского Союза, США, Великобритании.

На конференции присутствовали Сталин, Трумэн, Черчиль, и мы имели возможность не только охранять их неприкосновенность, но и наблюдать за их жизнью в этот период.

Не надо говорить, что участие в охране было очень ответственное, требования к соблюдению устава, порядка — высочайшей строгости.

После окончания конференции я в числе других был награжден Почетной грамотой министра внутренних дел.

Главной моей задачей связиста было обеспечение устойчивой надежной работы радиотехники, за что награжден орденом Славы III степени и медалью «За боевые заслуги». Имею орден Отечественной войны I и II степеней и семь юбилейных медалей.

Связь — тоже было грозное оружие в борьбе с врагами, без нее невозможно представить малые и большие боевые действия.

В Уралгидромете работал с 10.02.1947 года и по настоящее время. Общий трудовой стаж 51 год, из них 36 лет (1947—1983 гг.) в службе связи от ст. инженера до начальника территориального Центра связи.

Имею трудовые награды — орден «Знак Почета», знаки «Почетный радиостанционист СССР», «Отличник гидрометслужбы», 20 почетных премий.

В этих наградах основное — труд моих товарищ, с которыми мы прошли весь путь становления службы связи в управлении.

Организация узла связи была начата в 1936 году, где я принимал участие в монтаже оборудования еще как работник связи министерства связи.

Основные вехи развития средств связи:

1947—1957 гг. — начало установки маломощных радиостанций в сетевых подразделениях, открытие первыхadioаппаратных в крупных городах при ГМБ, АМСГ.

Прием метеосводок тогда велся на слух азбукой Морзе, и все зависело от профессиональности радиостанции, от того, как через «помехи» эфира он сможет взять нужную информацию. В каждом подразделении были асы своего дела.

Каждое открытие радиоаппаратной было связано с монтажом, установкой оборудования связи (от 10 до 40 единиц), которое модернизировалось, усложнялось, а значит, и требовало от связистов постоянного изучения и освоения.

Позднее в жизнь связистов вошли каналы связи, которые дали выход на подразделения минсвязи и радиометцентры г. Москвы, Новосибирска, Архангельска, Куйбышева, Алма-Аты и даже на далекий о. Диксон. Прием-передача информации стала осуществляться на телеграфных аппаратах от отечественных СТ-35 до импортных — Т-51, Т-63.

Год 1957 — начато внедрение факсимильной аппаратуры для приема графической информации (карт).

К концу 1958 года при АМСГ, ГМБ работало 19 radioаппаратных.

1959 год — начат прием радиотелетайпных передач от корреспондентов, установлены аппараты Т-51.

1965 год — начались регулярные факсимильные передачи Свердловского радиометцентра и трансляция их по проводным каналам связи в сетевые подразделения.

На 01.01.1966 года штат работников связи составил 169 человек.

1968 год — установлены первые автоответчики погоды в ГМО Пермь, Челябинск, узле связи управления.

1970 год — организованы каналы приема-передачи авиационной метеоинформации в АМСГ Кольцово, Уфа.

1972 год — проведен монтаж оборудования и начат прием информации от искусственных спутников земли (ИСЗ).

Установлена аппаратура автоматизированного сбора и передачи данных АСПД.

1973 год — закончен «пристрой» к зданию управления и приведено переоборудование всех рабочих мест узла связи.

Начата передача карт по данным метеорологических локаторов.

1974 год — введены в эксплуатацию два комплекта АК-6, начат обмен информацией с г. Обнинск.

1976 год — установлена аппаратура справочной службы «Погода», что дало возможность получения справки о погоде сразу 90 абонентам г. Свердловска.

На 1.08.1977 года в Уральском УГКС уже работало 25 радиоаппаратных при АМСГ, ГМО, восемь радиирующих метеостанций с общим штатом 230 человек.

1981 год — открыт пункт приема спутниковой информации в Свердловском авиаметцентре.

В течение всех перечисленных лет велись работы по телефонизации метеостанций, постов, прокладывались линии связи, в труднодоступных районах задействовались собственные радиостанции малой и средней мощности, чтобы обеспечивать в сжатые сроки поступление в Центр связи телеграмм с результатами наблюдений. Получили свое развитие и установки абонентского телеграфирования — АТ.

Наша работа не была только праздником достижений и успехов, много было трудностей, невзгод, но всегда мы во всем понимали друг друга, но то, что имеем, говорит, что не напрасно трудились и прожили свою жизнь.

Я бесконечно благодарен всем связистам, хотя имена всех невозможно перечислить, но тех, с которыми проработал более 20 лет, мне хочется назвать:

Пастухов В. Н., Анисимова Г. А., Горева А. П. — радисты и начальники кустовой радиостанции; Пономарев В. И., Сорогин В. П., Желудков В. Г. — начальники таежных радиирующих метеостанций; Шевелев Г. Ф., Любимов В. А., Горбунов М. И.,

Титов С. С., Абрамов Л. И., Краснояров О. А. — начальники радиоаппаратных АМСГ, ГМО. И конечно, старейших работников Центра связи — Захар-Чепская Г. Ф., Соломенин А. В., Ткачева Н. А., Стихишина Н. И., Ждановская С. С., Норкина Н. А., Соболова П. М., Волегова Т. Н., Кузьменок Н. И., Локтина М. И., Калинина Е. М., Комар В. Л., Пинигина Г. М., Редикорцева Е. Д. и тех, кого уже нет с нами — Пашковского И. И. и Кирилова В. Н.

Эти строки написаны не для показа моих заслуг, а для того, чтобы труд связистов остался и в памяти нового поколения.

В 1983 году ушел на пенсию, передав руководство территориальным Центром связи Вагину Николаю Георгиевичу, который успешно продолжает начатую нами работу.

Лебедев Сергей Александрович —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Дела фронтовые

Отечественная война застала меня в должности начальника Семипалатинской областной гидрометстанции. На второй день войны я принес в райвоенкомат свое заявление с просьбой направить меня на фронт. Мне отказали.

— Сами знаем, когда направит!

— Бюрократы! — решил я и через пять дней такое же заявление отправил в штаб Среднеазиатского военного округа. Ответа не последовало. В конце августа 1941 г. я получил телеграмму из Казахского УГМС, в которой мне предлагалось передать областную ГМС старшему синоптику и явиться в райвоенкомат для получения дальнейших указаний. В военкомате вручили проездные документы и предписание выехать в Москву в распоряжение Главного управления гидрометслужбы. К тому времени оно было подчинено наркомату обороны, и его работники ходили в военной форме со «шпалами» в петлицах гимнастерок. В управлении кадров объяснили мне, что в действующей армии формируются гидрометеорологические подразделения для обслуживания наземных войск. Гидрологи проходят туда без дополнительной военной подготовки, а метеорологи пройдут подготовку — одни по артиллерии, другие по химической защите. Меня спросили, какую академию я предпочту? Химию я не любил с детства, поэтому и знал ее плохо, а

артиллерию все-таки бог войны, и я выбпал артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского.

В первый же день, к своему удивлению, в стенах академии среди слушателей нашей группы я встретил А. П. Дегтярева и Б. Н. Захарова. А. П. Дегтярева я хорошо знал по Уральскому УГМС, где он был инспектором методдела, а я начальником гидрометстанции. Б. Н. Захаров тоже когда-то работал в Свердловске, но я знал его лишь по служебной переписке. В академии я, Дегтярев и Захаров всегда были вместе — и днем, и ночью. Нас так и прозвали: «Три мушкетера». Учили нас усиленно — по 12—14 часов в день, без выходных дней. Изучали материальную часть артиллерии, внутреннюю и внешнюю баллистику, тактику, стрелковое оружие и др. В Москве учились недолго, в конце октября ночью под проливным холодным дождем со снегом, под вой сирен и разрывы зенитных снарядов над головой наша кафедра АИР (Артиллерийской инструментальной разведки) погрузилась в товарные вагоны и к утру выехала из Москвы.

Не знаю, в каких условиях ехал офицерский состав кафедры, но нам отвели «пульман» — пятидесятитонный вагон, не оборудованный нарами и без печи. В нем можно было либо стоять, либо лежать на грязном полу, а так как нас было 56 человек, то места на полу хватало при условии лежать на боку впритирку с соседом. Только через пять-шесть дней в пути на какой-то станции удалось перетаскать из пустого эшелона доски для нар. Куда нас везут — мы не знали, но очень хотели знать. На одной из остановок было замечено необычное движение старших офицеров в сторону железнодорожного телепрафа. Кое-кто из нас последовал туда же. Там Соломон Вагнер — наш однокашник, заглянув через плечо полковника, пишущего телеграмму, прочитал: «Пиши Самарканд, до востребования». Так мы узнали, что едем в теплые края, и на следующей остановке полковничью телеграмму не замедлили проубедировать своим родным и знакомым.

До Куйбышева ехали почти неделю. Немецкие самолеты не раз пытались бомбить наш эшелон, а две зенитки на платформе в хвосте нашего эшелона тякали на них, как дворняжки на прохожего. Здесь по дороге нам удалось полюбоваться, как зенитка на окраине какого-то полустанка, сделав всего один-единственный выстрел по налетевшему немецкому бомбардировщику, разбила его вдребезги, как пивную бутылку. Таких снайперских выстрелов мне не пришлось видеть за всю войну.

На тридцатые сутки наш эшелон прибыл в Самарканд. За шесть дней мы разгрузили эшелон и вручную перекатали к учебному зданию все привезенные пушки и гаубицы.

Режим занятий в Самарканде сохранился таким же, каким он был в Москве. Днем на два часа делали перерыв, который мы ис-

использовали на обед и посещение почтового отделения, куда ежедневно ходили в надежде получить письмо из дома. Сейчас этот период в своей жизни не могу вспомнить без улыбки. Мы, простые люди, став тогда «учениками», временами вели себя, как дети. На пути в почтовое отделение нам ежедневно встречалася какой-нибудь ефрейтор из местного гарнизона, и каждый из них считал своим долгом прочитать кому-нибудь из нас поганую за пустяковый недостаток в экипировке. Офицера любого ранга ни разу не останавливали никого из нас, ефрейторы же делали это неукоснительно. И мы поклялись, что, как только, закончив учебу, получим офицерские звания, немедленно все до одного выйдем в город «гопить» ефрейторов. Но, как уверял послушник, «Бодайбо корове бог рог не дает». Офицерские звания мы получили в Москве в конце января, и самаркандские ефрейторы остались не наказаны, о чем мы очень сожалели.

В Москву нас поместили в пересыльном пункте на Стромынке и в течение четырех суток испытывали на живучесть — морили голодом. Главное управление гидрометслужбы никак не могло поставить нас на довольствие, и только днем на пятые сутки нас накормили в какой-то столовой.

Через несколько дней нас пригласили на прием к начальнику ГУГМС генерал-майору Федорову Е. К. Он поздравил нас с окончанием учебы и пожелал успеха в новой для нас военной деятельности. Его заместитель объявил, какие военные звания нам присвоены и куда назначаемся. Мне досталась 54-я армия на Волховском фронте, Б. Н. Захарову — 2-я ударная. Восемнадцать курсантов почему-то не получили назначение в армии и были откомандированы к месту прежней работы. В числе их оказалась и А. П. Дегтярев.

Штаб Волховского фронта в то время находился в Ленинграде, а Ленинград был уже блокирован немецкими войсками. Все железные дороги к нему были перерезаны, и единственный путь в Ленинград был по «дороге жизни» — по льду Ладожского озера. На ж.-д. станции Жихарево — последней перед дорогой на Ладожское озеро — из походной кухни я получил свой первый фронтовой обед. Ел с аппетитом из алюминиевого котелка, сидя на снегу.

Зима в тот год была холодная, лютые морозы хорошо запомнились мне, экипированному по среднеазиатскому табелю обмундирования в шинель и кирзовые сапоги. Наверное, не забыли их и те немцы, которым удалось унести неги с холодного Восточного фронта.

К вечеру удалось договориться с шофером грузовой машины, и безлунной морозной ночью мы выехали в Ленинград. По «дороге жизни» ехали с затемненными фарами, осторожно, стараясь раз-

глядеть на дороге ледяные «ловушки» от немецких снарядов. Взрыв снаряда, раскидав лед, оставлял на озере своего рода полынью, которая в мороз быстро покрывалась тонким льдом, а выпавший снег или поземок делали ее малозаметной. Попавшая в такую ловушку автомашина шла на дно озера.

В блокадный Ленинград прибыли на рассвете. Штаб фронта находился в Смольном, и разыскать его труда не составило, а вот добраться до него при отсутствии городского транспорта было не так просто.

В ожидании направления в 54-ю армию я прожил в Ленинграде несколько дней и поэтому вполне могу оценить все «прелести» жизни в блокадном Ленинграде. Паек был мизерный, а ходить пешком от Смольного, где я жил, в общежитие, в столовую на Дворцовой площади на каждый завтрак, обед и ужин не было смысла. Поэтому я ходил только один раз днем и съедал все, что положено на завтрак, обед и ужин, и с чувством неутоленного голода возвращался в общежитие. Возвращался из Ленинграда этой же «дорогой жизни». Поиски своей армии много времени не требовали. Штаб ее я нашел в дер. Гороховец недалеко от ж.-д. разъезда Погостье, вернее от того места, где когда-то было Погостье. С этого дня началась моя служба в действующей армии.

Чем же занималась гидрометслужба в наземных войсках во время Отечественной войны 1941—1945 гг?

Из всех родов наземных войск больше всего нужды в регулярном метеорологическом обеспечении испытывает артиллерия. Объясняется это просто. Артиллерийский снаряд, выпущенный по цели, расположенной на расстоянии даже в 8—10 км, не говоря о большем, двигаясь по баллистической траектории, подвергается воздействию воздушной среды, характеристики которой не постоянны и меняются с высотой и во времени. Изменяется температура и плотность на разных участках траектории, изменяется направление и скорость ветра. Все это влияет на траекторию снаряда и в конечном итоге на попадание снаряда в цель.

Для обеспечения артиллерийских частей данными, характеризующими состояние воздушной среды, мы имели артиллерийский метеорологический взвод, который вел регулярные шарспилотные наблюдения, выпуская три—четыре раза в сутки радиозонды. Результаты этих наблюдений, обработанные нами по схемам, принятых в артиллерии, передавались во все артиллерийские части армии. Надо сказать, что уже в 1942 г. в артиллерийских частях армии, кадровых офицеров осталось очень немного. Часть их погибла в боях или находилась на излечении в госпиталях, часть ушла из этих подразделений в связи с повышением в должности. На их место пришли офицеры старших возрастов, призванные из запаса, и многие из них не знали или забыли, как пользоваться метео-

данными в расчетах при подготовке к стрельбам. Поэтому в интересах повышения эффективности артогня мне часто приходилось бывать на батареях для оказания помощи офицерам. Эти контакты с артиллеристами обогащали и меня, расширяли круг моих друзей-товарищей, но... передко причиняли и муки, когда, приля на батарею, я вместо товарища видел его свежую могилу.

Во всех стрелковых дивизиях и стрелковых полках армии было по одному метеонаблюдателю из числа солдат или сержантов. Они вели простейшие метеонаблюдения в основном за температурой воздуха по термометру-прашу и ветром по ветрометру Третьякова. Данные этих наблюдений сосредотачивались у нас в штабе армии для оперативного обслуживания командования.

Когда войска армии от обороны переходили к активным наступательным действиям, тогда физико-географические условия местности, по которой войскам, ведя бои, предстоит продвигаться вперед, для командования армии представляли особый интерес.

Пользуясь справочниками и гидрографическими описаниями, которыми нас обеспечивало ГУГМС, нам для командования готовились справки-описания важных объектов, включая в них режимные материалы. Подобные справки-описания готовились по некоторым наиболее крупным болотам. Эти материалы, дополняя топографические карты, на которых командование готовит операции, давали более яркое и правильное представление о местности.

Инженерные войска использовали наши материалы при строительстве мостов, переправ на водных объектах. По требованию командования периодически проводились анометрические разведки в зоне расположения войск армии.

Как офицеры, мы выполняли и другие задания, какие вызывались обстановкой, независимо от того, имеет ли оно отношение к гидрометслужбе. Все решали интеллект офицера и его способности.

Летом 1943 г., когда 54-я армия длительное время стояла в обороне, командующему армией потребовалось иметь под рукой панораму переднего края противника. Его команда дошла до стрелковых полков, и полковые топографы на ватмане в заданном масштабе изобразили противостоящий полку участок переднего края обороны противника. Под Ленинградом со стороны Волхова, как известно, леса и болота, поэтому топографы и нарисовали елочки да болотные кочки. Панорама не понравилась командующему, эти елочки не говорили о возрасте леса, не о его густоте и наличии подлеска, что не позволяло судить о возможности открытого сосредоточения войск противника. Нужны описания, поясняющие рисунки. Выполнять эту работу поручили мне. За 20 дней я прошел и прополз по всему переднему краю обороны армии (110 км), исписав при этом несколько блокнотов.

В июне 1944 года войска 7 Отдельной армии, куда я был переведен на должность начальника гидрометотделения, готовились к наступлению по восточному берегу Ладожского озера. Войскам армии предстояло форсировать реку Свири, прорвать оборону финских войск и выйти к городу Сортавала на северном берегу Ладожского озера.

Командование армии считало, что как только наши войска начнут форсирование р. Свири, противник взорвет плотину Свирской ГЭС, и вода с водохранилища затопит наши огневые точки вблизи русла реки. Нужно было определить границу зоны возможного затопления для заблаговременного вывода из нее войск и вооружения.

Справочными материалами по р. Свири и ГЭС мы располагали, но каковы запасы воды в водохранилище, мы не знали, т. к. оно было на территории, занятой противником.

На самолете ПО-2 мы несколько раз пытались подлетать к водохранилищу, но каждый раз «гостеприимные» финны встречали нас огнем зенитных батарей. Однако водохранилище мы все-таки видели, и о степени заполнения его у нас сложилось некоторое впечатление, но определить границу затопления было по-прежнему трудно, т. к. зависело от многих условий, неизвестных нам, в частности от степени разрушения плотины. После многих вариантов расчетов на топографической карте была напесена предполагаемая граница затопления. Как показала жизнь, мы ошиблись очень немного.

21 июня наши войска, форсировав р. Свири и прорвав оборону противника, к вечеру продвинулись на 6 км в глубь обороны. К середине августа с финскими войсками было покончено, и г. Сортавала был занят нашими войсками.

В январе 1945 г. 7 Отдельная армия была расформирована, а штаб армии был переброшен в г. Сандомир, куда должны были подойти три гвардейских корпуса, образуя 9-ю гвардейскую армию. Однако положение наших войск под только что освобожденным Будапештом осложнилось, и наши гвардейские корпуса были переброшены в Венгрию. В г. Цетлед в начале февраля прибыл и наш штаб.

В первой половине марта войска 3-го Украинского фронта совместно с войсками 2-го Украинского, в составе которого находилась наша 9-я гвардейская армия, отразив контрнаступление Балатонской группы немецких войск, перешли в наступление, начав Венскую операцию.

Наступление наших войск было столь стремительным, что противник не успевал сколько-нибудь закрепиться, и 13 апреля наши войска вошли в Вену. Штаб 9-й гв. армии обосновался в г. Бадене. Наступило затишье. В начале мая из г. Бадена я вы-

ехал в Венгрию. Было приказано в полевых госпиталях, расположенных в Венгрии и Австрии, отобрать раненых бойцов 9-й армии, срок лечения которым остался не более 2-х недель. В моем распоряжении была автомашин «Вилис» с автоматчиком и 12 грузовых машин «Студебекер». Отобрав нужных мне бойцов и укомплектовав им 2-3 автомашины, я назначал старшего и под его командой направлял машину в свой армейский госпиталь для долечивания и последующей отправки в свои воинские части.

Последнюю партию на четырех машинах я подготовил ч во второй половине дня выехал на «Вилис» вместе с ними. До «сумма» мы не успели доехать и заночевали в каком-то запасном полку в лесочке около австрийской деревни. В стороне на расстоянии 1,5—2-х километров располагалась какая-то авиационная часть.

Накормив солдат ужином и выставив караул, легли спать. Ночью, часа за два до рассвета, меня разбудили — невдалеке слышалась беспорядочная стрельба. Я вышел из палатки, подошли еще несколько офицеров полка, но никто не мог объяснить причину стрельбы; аическая темнота и окружающий нас лес не позволяли видеть, что делается за его пределами.

Решили выйти на опушку леса. Отсюда нетрудно было понять, что стреляют в расположении авиационной части, но с чем воюют авиаторы — оставалось неизвестным. Нужно было съездить туда, и я послал автоматачика за машиной. Стрельба постепенно начала стихать, автоматы замолчали, слышны были только одиночные винтовочные выстрелы.

Подошла машина, мы исхали, прихватив одного офицера полка, пожелавшего ехать с нами. Через 20 минут мы были в расположении части. Стрельбы уже не было. Начинало светать, в серых утренних сумерках около домов маячили группы людей, слышались возбужденные голоса.

— Что случилось? Почему стрельба? — спросил я, подъезжая к группе.

— А вы разве не знаете? — ответили мне вопросом на вопрос и добавили: — Война кончилась! Победа!

Обратно в полк мы не ехали, а летели, хотелось поскорее достичь радостную весть до всех, кто ждал этого дня.

С нашим перездом запасной полк поднялся, как по тревоге. Началась стрельба, но салют получился скромнее, чем у автомобилей — солдаты запасного полка не имеют оружия, стреляли только офицеры из пистолетов, но радовались все без исключения. Начался рассвет. Спать, конечно, не хотелось, поэтому решили ехать. Завели машины, погрузились и тронулись в путь. На горизонте за австрийской деревней загоралась утренняя заря. Рождался новый день, долгожданный и радостный день Победы.

Дела ремонтные

За годы Великой Отечественной войны многие города и поселки на территории западных областей СССР, временно оккупированных немецкими войсками, были разрушены. Не избежали этой участи и сетевые подразделения гидрометслужбы. Поэтому, как только немецкие дивизии по «просьбе» советских войск стали отходить востоки, перед гидрометслужбой встало задание восстановления разрушенных гидрометстанций и постов на освобождаемой территории. Тогда и с этой целью впервые появились новые подразделения гидрометслужбы, именуемые ремонтно-восстановительными партиями (РВП). Неоколько позже РВП стали организовываться и в других, восточных управлении гидрометслужбы, территории которых не подвергалась немецкой оккупации.

Впервые с РВП Уральского УГМС я получил возможность познакомиться в начале 1952 года, когда с должности начальника гидрометстанции Кушнаренково был переведен в управление из должности заместителя начальника отдела гидрометсети, однако по-настоящему понять и в какой-то мере оценить работу РВП удалось значительно позже.

В 1957 году, работая уже в должности старшего инспектора при начальнике УГМС, я попросил перевода на должность начальника РВП-1к., благо к этому появилась возможность. Мое желание оставить удобное «кресло» старшего инспектора и добровольно перейти в РВП некоторых сотрудников управления удивило, ибо, выражаясь языком 80-х годов, должность эта не считалась престижной да и оплачивалась ниже. Кроме того 'будущая работа требовала частых разъездов по гидрометсети, оперирования ремонтно-строительными материалами и денежными средствами, взаимодействуя, с одной стороны, с рабочими, которые всегда и везде желают получать значительно больше, чем стоит по расценкам выполненная ими работа, с другой стороны — с ревизорами, которые тоже всегда и везде стремятся «откопать» финансовые нарушения со всеми вытекающими отсюда последствиями для производителя работ.

К тому времени я побывал из нескольких уральских гидрометстанциях и знал, что техническое состояние сетевых подразделений оставляет желать много лучшего, а объем работ, выполняемых силами РВП, в этих подразделениях далеко не соответствует техническому состоянию их. Если, к примеру, старшему технику РВП, занятому ремонтными работами на ГМС, удавалось за лето стеремонтировать 2—3 метроплощадки, то его фотопортрету было гарантировано место на ученческой Доске почета. Таков был масштаб работ РВП того времени, хотя в управлении было около 200 ГМС и АМСГ. Больше этого РВП и не могла сделать,

Причины этому было много: здесь и недостаточная информированность руководящих работников управления о техническом состоянии наблюдательной сети, а поэтому и соответствующий взгляд на необходимость ремонтных работ на сети, здесь и распыление сил и средств, и использование их не по прямому назначению и другие, но главной причиной все-таки считаю частую смешу начальников РВП и укомплектование этой должности случайными для гидрометслужбы людьми, не специалистами, для которых метплощадка с ее приборами всего лишь небольшой объект ремонта, а не часть фундамента, на котором стоит и держится гидрометслужба. Гидрометеорологической сети была нужна сильная, способная на многое ремонтно-восстановительная партия, укомплектованная специалистами, знающими свое дело, для которых благополучие сети было бы делом чести и совести, а не просто служебной обязанностью. Она должна не просто, не теряясь, заниматься ремонтными работами на сети ГМС, а в возможно короткий срок привести эту сеть в порядок. «Ну что ж! Поработай в РВП, — говорили товарищи. — Год продержишься, а потом, в другой отдел перейдешь. В РВП долго не работают!».

Несмотря на неизвестность новой должности, на преобладание в ней минусов над плюсами, я в ноябре 1957 все-таки принял РВП-1х, надеясь на себя и на коллектив единомышленников, который рассчитывал подобрать для совместной работы. К тому времени за моей спиной было уже 26 лет работы в гидрометслужбе, из них 12 лет в должности начальника гидрометстанций и АМСГ, что позволяло мне достаточно хорошо знать работу наблюдательной сети, ее нужды и болевые точки в ее «организме».

Я видел, что ремонтом метплощадок никто по-настоящему не занимается. РВП ни в техническом, ни в организационном плане не проявляет инициативу и в силу своей некомпетентности не может ее проявлять. Принимая РВП, я хотел в будущем изменить положение к лучшему и все ресурсы, предназначенные гидрометсети, отдавать именно ей, не допуская утечки.

Сказанное не означает, что гидрометстанции ничего не получали для приведения в порядок своих установок и устройств. Им отпускались некоторые средства, но суммы их были мизерны, а организационные возможности ГМС того меньше. Как потом показала практика, средняя стоимость ремонтных работ на одной метплощадке (не считая затрат на материалы) составляла 120—130 рублей, а всех метплощадок управления всего каких-то 25 тысяч рублей. Объем небольшой, но трудность выполнения этого объема заключалась в том, что он не был сосредоточен в одном месте, на одной стройплощадке, а разбросан почти по двустам точкам на огромной территории четырех уральских областей и

автономной Башкирской республике, где, чтобы добраться до самых дальних из них, нужно проехать 850—900 километров.

Во дворе управления в помещении площадью всего в 18—20 квадратных метров ютилась так называемая «Мастерская РВП». Мастерской ее трудно было назвать, т. к. кроме верстака да одного грубо сколоченного стола там ничего не было. Сюда по вечерам приходил столяр, временно принятый на работу в РВП, для изготовления психрометрических будок. Бруски для каркаса будки он, по причине отсутствия циркульной пилы, выписывал вручную лучковой пилой из доски, зажатой в верстак. Жалюзи для будки таким способом он не мог напилить; слишком много их нужно даже для одной будки да и заданную толщину их трудно было выдерживать. Тогда, взяв с собой материал, он уходил к себе в ДОК, где на станке заготовлял их на 2—3 будки. На это уходило время и его оплачивало РВП. Производительность труда рабочего была низкой, а стоимость продукции высокой.

Иметь свою циркульную пилу оказалось не так уж трудно. Линийный электродвигатель нашелся в бюро проверки приборов, и начальник его А. П. Дегтярев охотно передал его нам. Ось и пару шкивов выточил знакомый токарь на заводе ремень подарил в нашем гараже, а лисковую пилу ст. техник РВП-1к Мизин купил в магазине. Стола она гроши. Через три дня циркульная пила на распиловке брусков ужеглашала управленический двор музикальным визгом.

Здесь же по выходным дням временный рабочий делал из угловой стали подставки для психрометрических будок, по обеспечить изготовление нужного количества подставок он, конечно, не мог.

Еще хуже было положение с металлическими мачтами, которые Главное управление гидрометслужбы рекомендовало устанавливать на ГМС и даже выслало чертежи для изготовления их. Уральское управление их не собиралось изготавливать и поэтому не располагало ни трубами нужного диаметра, ни соответствующим оборудованием.

Две первые металлические мачты по этим чертежам нам изготвила одна ведомственная мастерская. С трудом эти десятиметровые мачты на автомашине с прицепом довезли до ГМС Каправово, намучились с установкой их и решили от этой конструкции мачт отказаться — нетранспортабельны и непрактичны. Стало ясно: нужно разработать свою конструкцию, удобную для изготовления своими силами, транспортировки и установки на металлических опорах. Но для этого была нужна своя мастерская не в переносном, а в прямом смысле. Тогда и возникла идея иметь свою производственную базу. Завезли материалы, подобрали рабочих и за год в Нижне-Исетске за счет штатных возможностей РВП-1к

было построено шлакобетонное помещение для столярной мастерской. Там же рядом с ней разместилась слесарная мастерская.

Для работы в них нужны были не временные, а постоянные рабочие должной квалификации, но препятствием к этому стало штатное расписание РВП-1к, установленное Главным управлением. Согласно этому расписанию РВП-1к могло содержать 26 плотников с окладом 400 рублей в месяц (или 40 руб. после денежной реформы 1961 г.). Однако практически это оказывалось невозможным, т. к. ни один уважающий себя плотник работать месяц за 40 рублей не хотел. Такое штатное расписание РВП-1к, может быть, удобное в условиях военного времени, сейчас совершенно не подходило для нас. Нам нужны были не плотники, а слесари, токари, сварщики и столяры к тому же не с такой низкой зарплатой, а со сделанной оплатой труда. Началась наша переписка с Главным управлением. В результате, хотя и не сразу, наша просьба была удовлетворена, нам разрешили содержать рабочих нужной нам профессии со сделанной оплатой в пределах ранее установленного фонда зарплаты. Мы свободно вздохнули, не нужно стало мурить и выкручиваться, чтобы оплатить рабочему выполненную им работу.

В начале марта 1960 г. мы вместе с начальником отдела гидрометснтии В. С. Шевченко довелось побывать в таежной деревне Вершине на севере Гаринского района. В этом пункте намечалась установка в этом году первой на Урале автоматической радиометеорологической станции (АРМС), а так как никто из метеорологов управления там не бывал, мы считали нужным посмотреть ее до того, как АРМС будет завезена в Вершину.

Место нам понравилось, и в июне я, инженер по новой технике Г. Соколовский и радиост М. Дружков вылетели в Вершину для установки АРМС. Председатель местного рыболовецкого колхоза Гусельников любезно предоставил нам небольшое пустующее помещение несуществующей школы, густо населенное комарами.

Рабочих мы не нанимали, все земляные, бетонные и плотнические работы выполняли сами, и все было бы хорошо, если бы жизнь не отравляли комары, их в Вершине было огромное множество. Спасаясь от них, прокоптились дымом от наших дымокуров, насквозь пропитались ринпудином и янтилфтолом.

Железнодорожная линия Ивдель—Обь в то время уже начала строиться, и в Вершине часто садились вертолеты. Для них даже была сделана из бревен небольшая посадочная площадка.

В начале зимы АРМС в Вершине прекратила работу. Напрасно радисты р/станции в Малом Истоке несколько дней пытались ее «поймать», АРМС в эфир не выходила.

Для выяснения состояния ее в Вершину вылетел Г. Соколовский. Причина остановки АРМС оказалась простой — разряди-

лись аккумуляторы, АРМС оказалась без электропитания. Ветров, способных вращать ветродвигатель, в тот год оказалось недостаточно, хотя условия работы его были не такие уже жесткие. Генератор АРМС при скорости ветра около 2 метров в секунду уже начинал подзаряжать аккумуляторы. В Вершину завезли передвижную зарядную станцию, раза два за зиму ездили для подзарядки аккумуляторов, а весной приняли решение перенести АРМС, в условиях Вершины мы не используем всех возможностей ее. В июне с инженером гидрометобсерватории Л. А. Сушкиной мы облетели на вертолете чуть ли не все горы севернее Ивделя. Считалось, что место установки АРМС должно быть в горах выше зоны хвойных лесов, но как можно ближе к ней, т. к. на высоколежащих гольцах АРМС может угрожать гололед и сильный ветер. Такое место было найдено на перевале в районе реки Тошемки.

Установка АРМС на Тошемском перевале была назначена на вторую половину июля силами экспедиционного отряда, в который вошли уже имеющие опыт работы с АРМС Г. Соколовский и М. Дружков, а также рабочие Вейс и Шрамко. Руководить отрядом поручили мне. По своей инициативе и, конечно, за свой счет я взял в горы четырнадцатилетнего сына и собаку-лайку.

Я тщательно готовился к этой экспедиции в горы, стараясь во всех деталях представить, как мы будем жить и работать на перевале и что нам потребуется для того, чтобы выполнить порученную работу и сохранить людей от травм и болезней. Ждать помощи на месте было неоткуда, все до мелочей нужно было предусмотреть и взять с собой. В назначенный день вылет из Ивделя не состоялся, вначале ждали поступление нашего груза, отправленного по железной дороге, а потом вертолет, улетевший в Свердловск для планового ремонта.

Наконец все было на месте, назначен час вылета. Груз, предназначенный для доставки на перевал, вертолет МИ-4 мог перевезти только в три рейса, поэтому вечером накануне вылета я предложил отобрать груз для первого рейса, придавая первому рейсу особое значение. Дело в том, что мы имели дело с авиацией — самым быстрым и самым надежным видом транспорта, а авиация, в свою очередь, с погодой и горами. Никто не мог гарантировать, что после первого рейса в горы в этот же день будут выполнены и остальные рейсы. По техническим и погодным условиям они могут быть отложены на день, на два, а может быть, и на неделю, поэтому первым рейсом должно быть доставлено все необходимое для жизни тех, кто первыми высадится на перевале. Однако погода в этот день выступила как наша союзница. Она позволила совершить все три рейса вертолета, и к 16 часам весь наш маленький отряд собрался на перевале.

Свой лагерь разбили на южном склоне метров на 40 ниже места установки АРМС и метрах в 500 от него. Лес здесь был мелким всего 3—3,5 метра, но достаточно густым, чтобы защитить лагерь от ветра и обеспечить топливом. До наступления темноты успели перенести в лагерь продукты питания, надежно укрыв их на случай дождя, и установить две палатки. Ужинали уже при свете костра.

Ночью меня разбудил злобный, напористый лай собаки. Она лаяла не у палаток, а, видно, метрах в 100 ниже по склону. Осторожно, чтобы не разбудить соседей по палатке, я вылез из нее, прихватив с собой ружье. Ночь была настолько темна, что в двух шагах ничего не было видно. В небе ни луны, ни звезд. Постояв пару минут и убедившись, что лай собаки не слышится, я выстрелил в воздух, хотя боялся выстрелом испугать сияющих товарищей, но они так крепко спали, что даже не слышали его. Собака замолчала и вскоре возбужденная возвратилась в лагерь. Какой зверь подходил к лагерю — осталось неизвестным.

Под утро начался дождь, усилился ветер и вскоре по внутренней стороне палатки потекла вода. Стало очевидным, что эти палатки не спасут нас от дождя. С рассветом разжег костер, разбудил парней. Дождь продолжался. Температура воздуха +7 градусов. Неохотно выползали мои соратники из мокрых палаток под обложной дождь. На лицах «тоска по родине», уныние. Надели плащи, покурили у костра и взялись за палатки. Одну из них переместили, поставив против другой, вход против входа на расстоянии 1,5 метра. Сзади палаток забили по длинному жолу и между ними над палатками натянули проволоку. На нее повесили отрезки руберона, и палатки оказались прикрытыми от дождя, а пространство между палатками стало как бы тамбуром с крышей из руберона. Одну открытую сторону тамбура закрыли досками от ящиков, другую от ветра закрывали плащом, в середине поставили небольшую железную печь с трубой, специально изготовленную для отряда. Когда затопили печь, в распахнутые «двери» палаток пошло тепло от печи, и палатки быстро высохли. Вместе с теплом пришло и хорошее настроение; послышались шутки, смех.

Надо сказать, что на перевале было всегда холодно и сырь. Часто выпадал дождь, нередко низкие облака наползали на перевал, и тогда все тонуло в пустом липком тумане. Неуютный был перевал в такие дни, но было у него и то, что доставляло нам удовольствие. Это полное отсутствие комаров и обилие голубики. Ее было так много, что мы ходили по ней, и чтобы сесть на перекур, нужно было поискать свободное от нее местечко.

Для бетонных работ была нужна вода, ее брали из ключа, который нашли метрах в 100 ниже лагеря или метрах 600 от

АРМС. Носить воду в ведрах было невозможно из-за нагромождения камней на пути к ключу, к тому же предательски замаскированных вечно сырьим хом. Поэтому воду носили на спине в рюкзаках, куда были заложены оболочки для шаров-зондов. Так было легче носить, а главное — освобождались руки, так необходимые для того, чтобы держаться за ветви деревьев и кустов и тем самым сохранять равновесие.

Скалистый грунт на перевале сильно затруднял выполнение земляных работ. От заглубления аккумуляторов в землю пришлось отказаться, для них сделали сруб из еловых стволов и заложили его камнями в виде небольшого кургана. Лесоматериал пришлось носить со склона на расстоянии чуть ли не в километр. Несмотря на трудности дело все-таки двигалось вперед и день ото дня близилось к концу. И вот пришел день, когда все стало на свои места. Проверена слышимость передач АРМС радиостанцией в М. Истоке, назначен день прибытия вертолета на перевал.

Но в этот день вертолет не прилетел. С утра погода в горах была явно испорченная, но мы, рассчитывая на улучшение погоды, днем начали готовиться к возвращению на «большую землю». Все, без чего можно обойтись, день-другой, перенесли на гору, оставив в лагере лишь самое необходимое. Дело осложнилось тем, что вертолет не мог сесть к нашему лагерю, а мы не могли разрушить лагерь до прилета вертолета, т. к. лагерь спасал нас от непогоды. Запас продуктов подходил к концу. Кончились жиры и тушенка, но голодная смерть нам не прозила, было достаточно ржаных сухарей и немного рожков. Наутро погода улучшилась. Наскоро завтракали чаем с сухарями и начали перебираться на гору. К полудню вертолет не прилетел, ждать его натощак — дело скучное: Решили солинить суп из маслят и рожков, но, к сожалению, попробовать его не удалось. Не успели взяться за ложки, как в небе послышался «голос» вертолета. Тут уж не до обеда!

За два ближайших года мы с помощью гидрометснаба оснастили свои мастерские необходимыми станками, приобрели электросварочный агрегат и необходимые инструменты.

С организацией мастерских мы получили возможность содержать штат постоянных рабочих, что в свою очередь позволило изготавливать не только флюгерные мачты, будки и подставки, но и расширить перечень изготавляемой продукции, в том числе и по заказам строителей и отдела материально-технического обеспечения. Таким образом, РВП-1 сейчас имела все необходимое для установки приборов на метплощадке. А сама метплощадка? С сотворения мира метеорологические площадки огораживались изгородью на деревянных столбиках. Для гидрометстанций приобретение и доставка лесоматериала всегда была проблемой, особенно в безлесных районах Курганской и Челябинской областей и Баш-

ырской АССР. В таких районах (а их очень много) за лесоматериалом приходилось ехать за 20—30 км, а иногда и за 70—80 км. а если учесть, что лесоматериал в сельских районах никогда не был в свободной продаже, то можно представить всю сложность его приобретения. Нельзя забывать, что в условиях уральского климата сосновые столбики изгороди сохраняют необходимую прочность и надежность ограждения в среднем в течение четырех лет, после чего подгнивают и требуют замены. Значит, четыре года и замена всех столбиков на изгороди, а метплощадок гидрометстанций и АМСГ в УрУГМС было в то время около 200. Отсюда видно, что для обеспечения хорошего состояния метплощадок нужно заменять ежегодно около 50 изгородей. Если к столбикам изгороди отнести менее требовательно и позволить им постоять не четыре, а пять—шесть лет, то и в этом случае объем работ по замене изгородей будет ненужительным.

Где же выход?

Выход мы видели только в замене деревянных столбиков более долговечными — бетонными. Но это была пока только идея, т. к. никто в Свердловске и области специальных для изгородей бетонных столбиков не изготавливал, значит, чтобы их иметь, нужно было самим и сделать их. Мы были согласны заняться изготовлением столбиков, но для этого нужен цемент, много цемента. Администрация управления на обеспечение нас цементом согласия не давала, несмотря на наши доводы. Пришлось пойти на хитрость. В конце года напроситься с отчетом о работе РВП на заседание местного комитета профсоюза. Там и был поставлен вопрос о бетонных столбиках, о цементе. Местком поддержал нас, возражать администрации здесь, на месткоме, было не к лицу, и в очередной годовой заявке гидрометснабу на выделение фондов на цемент наша заявка была учтена.

Весной в Нижне-Исетске во дворе мастерских был построен шавес, приобретена бетономешалка, и специально нанятые рабочие приступили к изготовлению бетонных столбиков.

Первая, к счастью, небольшая, партия столбиков оказалась тем самым первым блином, который по русской пословице бывает комом. Сами столбики получились нормальными, а вот способ крепления к ним колючей проволоки себя не оправдал. Для крепления проволоки мы в столбики заливали деревянные пробки, как рекомендовало одно из УГМС в своем информационном бюллетене. Оказалось, что после некоторого пребывания столбика под солнцем и ветром пробки высыхали и некоторые из них были не прочь покинуть свои места. Крепление оказалось ненадежным. От этого способа мы, конечно, отказались, придумали свой, простой, дешевый и абсолютно надежный.

С использованием бетонных столбиков на метплощадках деревянными остались только жалюзийные будки. Все приборы, которые прежде устанавливались на деревянных столбиках, получили свои металлические подставки. Оставалось решить еще один вопрос — как освещать флюгера?

Наставление гидрометстанциям рекомендует в электрифицированных населенных пунктах освещать флюгера электрическими лампами, укрепленными на кронштейне чуть ниже флюгера. Но этот способ не оправдывает себя, т. к. даже при умеренном вете флюгерные мачты вибрируют (деревянные и металлические), и линь накаливания лампы, находясь в раскаленном состоянии, при включением тока от вибрации часто разрывается, и лампа выходит из строя. Чтобы заменить ее, нужно подняться к флюгеру на высоту 10 метров, на что в штате гидрометстанции желающих не находилось. Местный электромонтер, видя бедственное положение метеорологов и абсолютно «не страдая» милосердием, запрашивает за эту работу такую сумму, на какую начальник пойти не может, зная, что и бухгалтер УГМС милосердием тоже не «страдает». Поэтому флюгера многих гидрометстанций годами утопали в темноте, и наблюдателям оставалось надеяться только на луну. Этот вопрос беспокоил меня много лет, еще тогда, когда сам я был начальником ГМС, и вот, уже работая в РВП, однажды просмотревшая печатную форму годовой заявки гидрометснабу на оборудование, где отпечатан перечень высылаемого, я увидел такую позицию — «Прожектор ПЗС-25». Что это такое, я вскоре узнал — это прожектор заливающего света с диаметром отражающего рефлектора в 25 сантиметров. Предназначен для освещения погружочных площадок, дворов и т. д. Насколько хорошо и далеко может осветить этот прожектор — никто сказать мне не мог, а т. к. стоимость его была всего 2 руб. 50 коп., я, не задумываясь, выписал 10 штук на пробу. Мне хотелось приспособить его для освещения флюгеров. Всюной, когда прожекторы поступили на склад, мы испытали его на метплощадке гидрометстанции Свердловск-город и нашли, что ПЗС-25 может с успехом служить для этой цели. Так неожиданно просто решилась еще одна задача, и прожектор ПЗС-25 вошел в табель оборудования гидрометстанций. Конечно, перегореть, выйти из строя электролампа и в прожекторе может, но сменить ее не трулнее, чем в будке, ведь он стоит на высоте одного метра от земли и по очереди освещает оба флюгера.

Теперь РВП-1 кат. для капитального ремонта метплощадок имела все необходимые материалы и оборудование, рабочих нужной квалификации, штат инженерно-технических работников для руководства ремонтными работами, но желаемого размаха ремонтных работ, решительного увеличения числа приведенных в по-

рядок метплощадок добиться не удавалось. Не хватало автотранспорта. В летние месяцы, когда только и можно заниматься ремонтом, автотранспорт был нужен не только нам. Он нужен был тидографическим партиям, строителям, да и хозяйственники летом повышали активность. Мы же, утяжеленные металлическими мачтами, подставками, бетонными столбиками, без автотранспорта были не в состоянии покинуть Свердловск и выехать на ГМС для ремонта. С таким желанием изготовленное для гидрометстанций оборудование мертвым грузом лежало на складе УГМС.

Выделяемая время от времени бортовая автомашина могла принять на себя материалы только на одну метплощадку, т. к. для нее требовалось 29 или 41 столбик в зависимости от размеров площадки, а столбики весили по 20 кг каждый. Для ремонта второй ГМС нужно было возвращаться в Свердловск за материалами. Но... счастье иногда заглядывало и к нам в оконце. Главное управление гидрометслужбы предложило для РВП-1 кат. автомашину высокой проходимости — ЗИЛ-157 — мастерскую с крытым кузовом, с верстаками, инструментами, электроосвещением и даже с печью. Оснащение РВП-1 кат. спецмашины значительно повысило наши ремонтные возможности, однако необходимость после каждой гидрометстанции возвращаться в Свердловск, теряя на это драгоценное время, по-прежнему осталась. При такой системе лето оказывалось слишком коротким, чтобы сделать многое.

Для следующего года была принята другая система. Во-первых, мы решили отказаться от системы выборочного ремонта метплощадок, когда из всей массы гидрометстанций выбирали несколько, начальники которых особенно настойчиво просили ремонта. Ремонтировать метплощадки решили сподряд по территориальному признаку, невзирая на техническое состояние их, т. к. вполне исправных метплощадок на гидрометстанциях не было, все они были плохие. Во-вторых, было принято решение для доставки ремонтных материалов и оборудования на ГМС использовать зимние месяцы, которых на Урале вполне достаточно. Доставлять грузы решили железнодорожным транспортом, а также автотранспортом управления, который зимой значительно меньше занят работой. Для этого в начале зимы в план включали 25—30 гидрометстанций какой-нибудь одной области, а иногда и смежной с ней территории. Эти гидрометстанции разделяли на группы или кусты по 6—8 смежных ГМС с таким расчетом, чтобы в группу попала хотя бы одна гидрометстанция на железной дороге. В ее адрес отделом материально-технического обеспечения УГМС направлялся железнодорожный вагон с бетонными столбиками, мачтами и другим крупногабаритным и тяжеловесным грузом РВП-1 кат. Необходимым для ремонта метплощадок гидромет-

станций этой группы (куста). Одновременно на эту ГМС направлялась автомашина с рабочим. Им ставилась задача разгрузить вагон, перевести весь поступивший груз на территорию ГМС-получателя, а затем, согласно нашей разнарядке, развезти груз по всем ГМС этого куста. Так за зиму отправлялось по нескольку вагонов. На гидрометстанции, не попавшие в эти кусты, но смежные с ними, груз доставлялся на автомашинах управления из Свердловска и тоже зимой.

В начале мая две выездные бригады в составе одного специалиста РВП-II, шоfera и двух рабочих в каждой выезжали на автомашинах с двухосными прицепами на ГМС, имея с собой только необходимый инструмент и такие материалы, как краску, олифу, цемент, электромонтажный материал и др. Эта система значительно сократила переезды бригад, увеличила их производительность. Бригада, закончив ремонт метплощадки на одной гидрометстанции, сразу же пересажала на вторую, затем на третью и так в течение одного—полутора месяцев после чего возвращалась в Свердловск. Здесь, пополнив запас горючего, материалов и денег, снова выезжала на сеть. За лето бригада успевала отремонтировать до 20 метплощадок, причем капитально и бетонс и металлс. Это уже был успех.

С годами техническое оснащение гидрометслужбы неуклонно повышалось, особенно в области гидрологии. Наряду с имеющимися на установке самописцами уровня воды «Валдай», управление стало получать новые самописцы уровня воды длительного действия ГР-38, а также дистанционные гидрометрические установки ГР-70 и ГР-64. Установка их на гидрологических постах была также поручена РВП-1 кат.

Сейчас, вспоминая свою работу в ремонтно-восстановительной партии, не могу не сказать о своих товарищах-единомышленниках, безотказных тружениках, годами работающих со мной — о Г. Ф. Бобылеве, С. А. Кривошееве, В. Б. Литвинове, Д. П. Ручьеве, А. Ф. Савине, Б. Ф. Семенове. Это они ежегодно с весны до осени, разъезжая по гидрометеорологической сети, без выходных дней, работая на метплощадках и постах с восхода и до захода солнца, в любую погоду трудились над повышением технического уровня сетевых подразделений, над внедрением новой техники.

Невольно вспоминаю и тех, кто нарекал мне один год работы в РВП, прогноз этот не оправдался. Я проработал в РВП 17-лет и оставил ее в связи с уходом на пенсию. Пришла пора отдыхать.

Миних Георгий Александрович —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Свою трудовую деятельность я начал 16-летним подростком в 1942 г., наблюдателем водостока р. Малый Киялим-Таганай в Челябинской области.

В декабре 1942 г. меня перевели на должность гидрометнаблюдателя высокогорной метеостанции Татанай. На метеостанции в то время велись 4 срочных наблюдения, радиостанции не было. Сама станция находилась в 30 км от г. Златоуста. Суровые погодные условия высокогорья усугублялись еще и нехваткой штата. Шел второй год войны. В начале 1943 г. на станции мы остались только вдвоем с начальником Я. П. Власовым. Дежурство несли по одному в течение нескольких недель, а иногда месяцами.

После каждой смены отправлялись, преодолевая три десятка километров горной тайги, в г. Златоуст за продуктами и на отдых.

Тот весенний период был трудным и полуоголодным не только для нас, работающих высоко в горах, но и для всего народа.

В мае 1944 г. я был призван в Красную Армию. Наша подразделения — войска Правительственной связи в составе войск 2-го Украинского фронта — в начале 1945 г. с боями вошли в Венгрию, и там мы встретили день Победы — 9 мая 1945 года.

Демобилизовался я только в октябре 1950 г. и вернулся свою родину, в г. Златоуст.

В декабре 1950 г. был принят на должность гидрометнаблюдателя гидрометстанции Златоуст, затем работал техником-гидрологом и начальником гидрометстанции.

В эти годы одновременно учился. Закончил вечернюю школу и Ленинградский гидрометинститут, получив квалификацию инженера-гидролога. В практической деятельности получил большую помощь от начальника гидрометстанции Быкова И. А., с которым мы работали первые годы.

За период работы на гидрометстанции освоил все виды работ: гидрологические, метеорологические и шароплотные. Много ездил по сети прикрепленных постов.

В феврале 1962 г. был переведен в гидрометбюро г. Уфы старшим инженером-гидрологом, а в 1964 г., с образованием Уфимской гидрометобсерватории, назначен начальником вновь орга-

низованного отдела гидрологического обслуживания. В этот период значительно возросла роль гидрологического обеспечения народнохозяйственных организаций республики. Было создано два новых водохранилища — Павловское на р. Уфе и Нугушское на р. Нугуш. Все это потребовало повышения профессионального уровня.

В гидрометсерватории ежегодно проходили производственную практику студенты различных учебных заведений страны, а с Башкирским университетом был заключен договор на прохождение учебной практики студентов, за что университет комплектовал наши вакантные должности гидрологами.

В этот период много труда было положено на содержание прикрепленной сети в надлежащем порядке. Объездил за это время большую часть Башкирии.

Хочется отметить и такое обстоятельство: до 1979 г. посчастливилось работать под руководством Никульшиной Г. А., профессионалом и очень порядочным человеком.

В апреле 1986 г. я вышел на пенсию, но продолжал работать наблюдателем Уфимского водпоста. В декабре 1989 г. уволился по состоянию здоровья.

Всего я проработал в системе гидрометслужбы — Госкомгидромете около 47 лет. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Трудового Красного Знамени и 7 медалями. Имею 30 поощрений по службе и награжден знаком «Отличник гидрометслужбы».

Сорокин Иван Степанович —
ветеран Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Я, Сорокин Иван Степанович, родился в 1919 году, 28 апреля, в семье крестьянина, в деревне Кудесиеры Урмурского района Чувашской АССР. Жил в деревне до 1930 года. После этого со своими родителями жил в Ленинградской области — ст. Рогавка, Тесовострой до начала 1934 года. Мой отец в 1932 году погиб на лесопильном заводе, а мать, домашняя хозяйка, умерла в 1933 году.

В 1934 году я переехал, т. е. направили меня как сироту в Московскую обл., Ленинский р-н, совхоз Горки Ленинские. Жил в интернате при средней школе памяти В. И. Ленина. В интернате я был до 1939 г., до призыва в Красную Армию. До построения

здания новой школы мы жили и учились в старом здании интерната. В 1936 г. при живейшем участии Надежды Константиновны Крупской построили новую среднюю школу памяти В. И. Ленина. Новое здание находилось на расстоянии примерно 50—60 м от интерната, где мы жили. В 1936 году был организован пионерский лагерь при школе, и к нам приходили М. И. Ульянова и Н. К. Крупская. Они нам, детям, приносили угощения, принимали нас очень ласково, были для нас как родные матери. У меня до сих пор остались о них самые теплые воспоминания. Они нам рассказывали о В. И. Ленине. Интернатские дети часто ходили к дому В. И. Ленина, где жил тогда Дмитрий Ильинич Ульянов, который нас принимал тоже как родной отец. Его сердечные рассказы мне запомнились на всю жизнь. В школе были различные кружки: спортивный, художественный, музыкальный. Были столярная и швейная мастерские. Я участвовал во всех кружках, и мастерских, кроме швейной. В спортивном — занимался легкой и тяжелой атлетикой, в музыкальном — участвовал в духовом оркестре, играл на баритоне 3 года. В художественном кружке я научился рисовать. За натюрморт меня наградили бюстом Сталина в 1937 году.

Для всех интернатских детей было большое горе, когда умерли Мария Ильинична и Надежда Константиновна. Мы, все дети, скорбно проводили их в последний путь.

В 1939 г. я был принят в ряды Ленинокого комсомола.

В 1939 году был призван в армию. Службу я начал в 410-м артиллерийском полку заряжающим, Белорусский военный округ, г. Старый Быков. В 1940 г. с января по апрель служил в г. Сызрани в 483-м артиллерийском полку — замковым, Приволжский военный округ. В 1940 г. перевели в другой полк, с апреля службу продолжал в 547-м гаубичном артиллерийском полку в качестве наводчика в г. Куйбышеве. 547-й гаубичный артиллерийский полк отправили в Грузинскую ССР, г. Кобулети, с 1941 года я в 1-й батарее в отделении разведки был до 1943 г., выбыл по ранению в госпиталь. Воевать начал с января 1942 года в Крыму. В апреле 1943 года под станцией Крымской на Кубани был тяжело ранен, и меня отправили в госпиталь в г. Железнодорожный, Ставропольский край. После излечения я был направлен в 28-й отдельный учебно-танковый полк, где учился на командира башни Т-34 в г. Майкопе. После окончания учебы меня направили в 258-й отдельный тяжелый танковый полк командиром башни Т-34 в ноябре 1943 г. Командиром башни был до ноября 1944 года, после ранения меня перевели заведующим завода складом боепитания полка и одновременно я лечился в этом же полку. В госпиталь идти отказался и с этим окончил войну, дошел до Берлина. В 1944 году 258-й отдельный тяжелый танковый полк был переименован на 89-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк и назван Остравский, в честь г. Остравы.

Участвовал в Великой Отечественной войне на следующих фронтах:

1. Крымский фронт — 1942 г., с января по май;
2. Северо-Кавказский — 1943 г., по апрель;
3. Ленинградский, 1944 г.;
4. III Прибалтийский, 1944 г.;
5. I Белорусский, с 1944 г. до конца войны.

В 1945 г. был принят в кандидаты КПСС.

В 1946 году в июне я был демобилизован из рядов Советской Армии и приехал в г. Москву, где устроился работать слесарем-сантехником 5-й СМЦ Мосакадемстрой Ленинского р-на.

В 1947 г. я был принят в члены партии КПСС.

В 1948 году женился и по семейным обстоятельствам уволился в январе 1949 г. и переехал в г. Тетюши Татарской АССР, где работал агентом уполномоченного.

В 1949 г. в ноябре приехали в Уральское УГМС, и нас направили работать в обсерваторию. С февраля 1950 года я работал завхозом Свердловской ГМО до 1951 года, а потом перешел работать техником станции космических лучей до июня 1964 года. С июня 1964 года стал работать вновь завхозом Свердловской ГМО до 1971 года, а 1 апреля 1971 года был назначен заместителем директора по хозяйствии Свердловской ГМО, где работал до ухода на пенсию по старости.

В 1962 году поступил учиться в Московский заочный гидрометеорологический техникум по специальности метеоролога, в 1967 году его окончил.

Мои боевые подвиги отмечены правительственными наградами, всего их 17, из них: орден Отечественной войны I степени, три медали «За отвагу», медаль «За боевые заслуги», а остальные медали за освобождение городов, за взятие городов и юбилейные.

Я инвалид Отечественной войны II группы. Был тяжело контужен в 1942 г. в Крыму, в мае месяце.

Тяжело был ранен 28 апреля 1943 г. и до сих пор ношу осколок в груди. Был ранен в 1944 году в июле и в Берлине 2 мая 1945 г.

Боевая характеристика

на командира башни танка, сержанта Сорокина Ивана Степановича, 1919 года рождения, по национальности чуваши, член ВЛКСМ с 1938 года, в РККА с 1939 года

За время пребывания в 1-й танковой роте на должности командира башни танка показал себя способным сержантом, знающим свое дело.

Дисциплинирован, энергичен в работе, находчив в бою.

Участвуя в боях по изгнанию немецко-фашистских войск из Советской Прибалтики с 17.07 по 03.08.1944 года, в районе деревни Борки, Сокулино, речки

Кунина, бесстрашно вел себя в бою — экипаж, членом которого был сержант Сорокин, отцем с танка уничтожил два противотанковых орудия, несколько пулеметных точек с расчетами, рассеял и уничтожил до 20 гитлеровцев.

Находясь на поврежденном танке на поле боя, беспрерывно вел огонь, огонь с места, уничтожая появившиеся цели. Несмотря на то, что сержант Сорокин был ранен, он отказался уходить в госпиталь, все время находился в строю.

За вышесказанные подвиги награжден правительственной наградой.

Выдан для вступления кандидатом в члены ВКП(б).

Командир 1 т. р. 2580.0. т. п. ст. л.-т (Лазерко)

20.08.1941 г.

Подпись к-ра 1 т. р. 2580.0. т. п. ст. л-та Лазерко И. А. заверю: И/ш
258 отд. танк. Острогского полка

майор (Жданов)

Печать в/ч

Черкасовский Сергей Константинович —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Прошло 45 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне, но время бессильно стереть из памяти воспоминания о трудных дорогах войны и людях, с которыми их прошел.

По окончании Высшего военного гидрометеорологического института Красной Армии я получил назначение на Сталинградский фронт. Выйдя из Главного управления гидрометеорологической службы Красной Армии, которое тогда располагалось на Пушкинской площади, я решил пройтись по Москве. Кто знал, когда еще будет такая возможность и будет ли вообще.

Совсем недалеко МХАТ, где через несколько минут начиналось представление льесы А. Корнейчука «Фронт». Посмотреть «Фронт» перед фронтом — это было даже символично. На следующий день я отправился к месту назначения. До Миасса ехал поездом, было время для раздумий. Честно говоря, беспокоило не то, что едешь на фронт, в действующую армию (с войной я уже встречался в июле-августе 1941 г. под Смоленском), а то, какие задания тебя ожидают. Еще в Ленинграде, куда был эвакуирован Высший военный гидрометеорологический институт, мы, слушатели гидрологического факультета, который был сформирован в основном из студентов пятого курса Московского гидромелиоративного института, часто задавались одним вопросом. Какие задания будут поставлены перед инженером-гидрологом в общевойсковом соединении? Более или менее мы представляли себе обязанности инженера-синоптика военно-воздушной армии или океанолога на

флоте. Я — военный инженер-гидролог и воентехник первого ранга, а свои будущие обязанности представлял весьма туманно. А тут еще одна неожиданность. Когда с помощью санитарной авиации попал в указанный мне в Главное пункте назначения, то там располагался штаб не Стalingрадского, а Донского фронта. Начальник гидрометотдела оперативного управления штаба Донского фронта подполковник Рогачев быстро связался с Москвой и получил согласие направить меня во 2-ю гвардейскую армию Донского фронта помощником начальника гидрометотделения оперативного отдела штаба армии. Теперь предстояло догнать штаб армии. По окружению армии Паулюса под Стalingрадом образовался узкий коридор шириной 8—10 км, в который и была введена заново сформированная очень сильная 2-я гвардейская армия, сыгравшая решающую роль в завершении окружения.

После разгрома в районе Верхне-Кумского танковой группы Манштейна армия быстро продвигалась к Ростову и только на третий день в начале января 1943 г. я прибыл в гидрометотделение, которое временно расположилось в станице Багаевская, где и состоялась моя встреча с Н. Н. Подгайским. Я доложил о прибытии, и высокий, стройный офицер четко мне представился: начальник гидрометотделения оперативного отдела штаба 2-й гвардейской армии гвардии капитан Подгайский. Он кратко ознакомил меня с задачами отделения, проинструктировал, как производить наблюдения, составлять телеграммы, пользоваться кодами. Мы выполняли стандартные метеорологические наблюдения и передавали информацию в Центральный институт прогнозов и метеобюро воздушной армии, выпускали ежедневные бюллетени о состоянии погоды и водных объектов по району действия армии и докладывали их командованию армии. Составляли специальные описания водных объектов, которые предстояло преодолевать войскам армии. В этой части нам очень были полезны Гидрометеорологические справочники к листам карты, составленные ГГИ в Свердловске. Спасибо за это В. А. Урываеву.

Особенно повышался интерес к прогнозам перед планированием боевых операций, перегруппировкой войск и других маневрах. От погоды зависели возможности применения авиации как нашей, так и противника, проходимость местности для автотранспорта и боевой техники, переправа через водные объекты и другие операции. В эти ответственные периоды Николай Николаевич лично докладывал гидрометеорологическую обстановку командованию. Вместе с нами он очень тщательно готовился, и его доклады были четкими. Как нам не хватало (их не хватает и в настоящее время) прогнозов погоды на 3—5 дней. Заблаговременность прогнозов на 1—2 суток, которые мы получали из метео-

бюро, была недостаточная для планирования операций таких крупных соединений, как армия.

Практическое использование гидрометеорологической информации во многом зависело от тех, кому она докладывалась. В этом отношении нам повезло. Начальник штаба армии, командующие инженерными, бронетанковыми и другими родами войск внимательно относились к нашим консультациям.

Николай Николаевич не получил специального образования, но все, что делал, он знал досконально. Он принадлежал к тому поколению работников службы, для которых метеорологические наблюдения были святым делом, и выполнял их с предельной пунктуальностью. Мне даже казалось, что все его действия в жизни были расписаны так же четко, как сроки метеорологических наблюдений. Не будучи гидрологом, он помогал мне в подготовке информации о состоянии водных объектов. Вот один из примеров.

Войска армии в середине января 1943 г. вышли к р. Миус, а все тыловые службы и базы снабжения остались на левом берегу Дона. Как обеспечивать снабжение армии в период половодья? Мы получили задание подготовить доклад о весеннем половодье на Нижнем Дону. Я выехал в Ростов. Управление гидрометслужбы еще не восстановило свою работу. Мне удалось разыскать одного из сотрудников отдела гидропротюзов (к сожалению, я забыл его фамилию) и на основании весьма скучной информации о снегозапасах составить прогноз максимальных уровней половодья и даже карту затопления поймы. Это было очень смело. Карта командованию понравилась. К счастью, уровни половодья были близкими к прогнозируемым. Это была удача.

Армия продолжала свой боевой путь через Донбасс, Таврию до Днепра, через Сиваш и Каркинитский залив в Крым, а затем по Прибалтике до Кенигсберга и Пиллау (ныне Балтийск). В меру своих сил и возможностей мы старались обеспечивать командование армии необходимой гидрометеорологической информацией.

Мне посчастливилось, что этот трудный путь я прошел вместе с Николаем Николаевичем Подгайским — начальником, другом и добрым человеком.

Его светлой памяти я посвящаю эти строки воспоминаний.

РАЗДЕЛ II

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ТРУДА

**Агапитова Нания Евгеньевна —
ветеран труда**

После окончания в 1954 году физико-математического факультета педагогического института начала свою трудовую деятельность учителем математики в средней школе г. Алапаевска. Проработала в этой должности один учебный год, по семейным обстоятельствам оставила работу.

Начался новый виток моего жизненного пути.

Первые пять лет много ездила по Украине — жила в городах Нежине, Киеве, Белая Церковь, а позднее в ГДР.

Украина в те годы еще не успела залечить свои раны, целые кварталы домов были исколечены войной.

По причине частых пересездов мужа не имела возможности работать, о чем всегда сожалела. Восполняла этот пробел общественной работой.

Хотя мое детство прошло в труде военное время, а юность — в сложный период восстановления народного хозяйства после войны, я считаю себя счастливым человеком. Счастье мое в том, что на своем жизненном пути встретила много прекрасных, добрых, интеллигентных людей. От общения с ними жить интересно и легче.

В 1960 году судьба забросила меня в родной Свердловск.

В это время в Уральском управлении гидрометслужбы начиналась огромная работа по подготовке Водного кадастра. Нужны были специалисты для обработки анализа и научного обобщения применительно к запросам практики использования водных ресурсов, фонда материалов наблюдений за режимом поверхностных вод за весь период наблюдений.

Не имея специального образования, я в 1960 г. была принята на должность техника-гидролога отдела гидрологии Свердловской гидрометеорологической обсерватории (СГМО).

Высшее физико-математическое образование, изучение специальной литературы и доброе, уважительное отношение специали-

стов отдела гидрологии, помогло мне в сравнительно короткое время овладеть новой специальностью.

Чем глубже я вникала в тайны гидрологической науки, тем больше она меня увлекала. Все чаще и чаще мне поручалась инженерная работа.

С 1962 г. я была переведена на должность инженера, а с 1963 г. — старшего инженера-гидролога отдела гидрологии Свердловской гидрометобсерватории. В 1970 г. с отличием закончила 2-месячные курсы повышения квалификации инженеров-гидрологов при гидрологическом институте. В должности ст. инженера проработала до 1972 года. С февраля 1972 года по ноябрь 1974 г. возглавила отдел гидрологии.

Коллектив, в котором мне пришлось работать долгие годы, был работоспособный, грамотный, сплоченный, трудолюбивый, дисциплинированный. Многие работники отдела имели большой опыт работы, старались свои знания и опыт передать другим. От тех лет остались теплые воспоминания о людях, с которыми работала рядом. Это Шахова Светлана Михайловна, Бикбова Р. З., Покомзрев В. И., Кац З. Г., Коробкова А. Н., Чехомова К. В., Подорожко Г. А., Пономарева Е. А., Николаенко В. В.

Отдел гидрологии располагался в комнате № 7 вместе с отделом метеорологии, общий штат составлял более 40 человек — все это создавало немалые трудности для нормальной работы. Часто приходилось работать в воскресные дни, чтобы еще раз просмотреть внимательно перед печатью материалы Гидрологического ежегодника или Кадастра в более спокойной обстановке. Делали это только ради качества выдаваемого материала, не требуя никакого вознаграждения. Каждый дорожил своей «маркой». В то время не было работ без автора, каждый работник отдела имел определенный объем работ, к выполнению которого относился ответственно, хотелось сделать грамотно и аккуратно. В отделе считалось ЧП, если вдруг проскочит в Гидрологический ежегодник даже маленькая ошибка.

Отдел гидрологии работал в тесном контакте с гидрологическими станциями. Каждая гидрологическая станция имела своего куратора в лице инженера отдела гидрологии. О состоянии дел на сети работники отдела гидрологии всегда знали из первоисточника. Старались обеспечить работу на станции так, чтобы получить надежный материал наблюдений. Знали в отделе каждого работника гидрологических станций. Это облегчало работу и станции, и отдела. Цель была одна — прежде всего высокое качество материалов наблюдений.

Надо сказать, что большинство гидрологических станций справлялись с поставленной задачей. Хотя было трудное время, было мало приборов, оборудования, наблюдатели постов чаще

всего были малограмотные люди, с ними нужно было систематически много работать.

Только высокая требовательность к себе и честное отношение к выполняемому делу позволяли получать качественные материалы наблюдений.

Подготовка материалов Водного кадастра, публикуемого под общим названием «Ресурсы поверхности вод СССР», стали основным направлением в работе отдела. Это большая, серьезная, но вместе с тем очень интересная работа.

Всего в отделе я проработала 14 лет. Хотелось сказать несколько слов о руководителях отдела гидрологии, с которыми мне чистилилось работать и которые оказали влияние на становление моих жизненных позиций.

Первым моим наставником и руководителем была Черказьянова В. Г., позднее — Шахов И. С.

Работать под их руководством было легко, хотя их требования были жесткими.

Оба — люди большой души, необыкновенной работоспособности, широкой эрудиции, обладающие прекрасными организаторскими способностями. Об этом говорит их авторитет у народнохозяйственных организаций, ГГИ, Госкомгидромета и управления.

С ними легко, интересно и в часы отдыха. В праздничные дни мы всегда вместе с отделом метеорологии устраивали мини-спектакли, где раскрывались таланты работающих. Как правило, участниками были все. И делали это все от души. А какие выпускали стенгазеты, писали стихи!

Сплощенность, душевная теплота, деликатность сглаживали многие невзгоды труда и жизни.

Работая в Уральском управлении по гидрометеорологии, много времени уделяла общественной работе, в общей сложности 25 лет. Была несколько лет профоргом отдела гидрологии, работала в комитете профсоюза СГМО, позднее — в комиссиях комитета профсоюза Уральского управления.

В 1974 году решила проверить свои способности в качестве работника аппарата управления. С ноября 1974 г. была зачислена на должность заместителя начальника оргпланового отдела. Начальником отдела был Успин Альберт Александрович. В этом отделе (если не учитывать формальных изменений структуры управления) я работала до марта 1989 г., до выхода на заслуженный отдых.

Работая в отделе аппарата управления, старалась направить свои усилия на улучшение технического состояния и повышения качества наблюдений и работ на сети. На 46 гидрологических постах смонтированы гидрометрические установки ГР-70, ГР-64, позволяющие в более комфортных условиях, с соблюдениями техни-

ки безопасности производить измерения расходов воды. Жаль, что техническое оснащение трудоемких работ сети идет медленно, мало изобретений и разработок и тем более внедрения автоматических средств измерений. Это дело будущего.

Мой 29-летний труд в Уральском управлении по гидрометеорологии отмечен многочисленными благодарностями, грамотами. Награждена медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда» и знаком «Отличник гидрометслужбы».

Беломаз Николай Михайлович —
ветеран труда

Что там наверху?

Если взять учебники по метеорологии, изданные до 60-х годов, то мы увидим, что развитие синоптических процессов описано там в основном до высоты 4-х километров. О более высоких слоях тропосфера научных сведений было мало.

Что там наверху? Какие условия для полетов? Нужны были срочные ответы на эти вопросы. Появившиеся к этому времени большие турбовинтовые и реактивные самолеты стали летать на высотах 8—12 километров. Экипажи нередко сообщали о значительной турбулентности (болтанке самолетов), электрических разрядах и обледенении. Кинетический нагрев самолетов на этих высотах за счет динамического сжатия и трения воздуха о поверхность самолета достигает 39 градусов при скорости 1000 км/ч, что приходится учитывать при конструировании самолетов и оценке обледенения.

Для изучения погодных условий полетов новой авиации как над пунктами взлета и посадки, так и по трассам полетов в 1960 г. было организовано высотное зондирование атмосферы в Свердловском аэропорту Кольцово на самолете Ил-28, ранее использовавшемся в ВВС как легкий бомбардировщик.

Самолет был частично переоборудован. Для регистрации скорости самолета, температуры воздуха и перегрузок был установлен на борту прибор К4-51. В хвосте самолета, в кабине стрелка-радиста, находился бортазролог, там была установлена приборная доска, радиостанция, а снаружи — фара для определения наличия

осадков и структуры облаков в темное время суток. Одежда борт-аэроболога состояла из меховой куртки и брюк, штанов и перчаток с рукавицами, на голову надевался шлемофон с радиоаушнниками и ларингофоном. Для дыхания выше 4-х километров надевалась кислородная маска. Метеорологические наблюдения фиксировались в специальном бортжурнале. Объектом наблюдений были облака, их форма, плотность, фазовое состояние, характер нижней и верхней поверхности, осадки, болтанка самолетов, скорость и направление ветра по участкам маршрута и другие явления погоды.

Полет по верхней границе облаков почти всегда сопровождался болтанкой и тем она сильнее, чем холмистее облака. Интересно, что даже при ясном небе полет в тропопаузе сопровождается чаще слабой болтанкой самолета в виде частых глухих ударов в обшивку.

Мне довелось на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов поработать бортовым аэрологом авиаметстанции в аэропорту Кольцово. Четыре года я летал на разных высотах над прилегающими к Уралу регионами, выполняя эту романтическую, нередко сопряженную с риском для жизни работу.

Если обычные рейсовые самолеты, выполняющие перевозки пассажиров и грузов, по существующим в авиации законам обходят опасные зоны, то наш самолет-разведчик, он же зондировщик воздушных масс, редко сторонился рискованных мест.

Работа борт-аэроболога заключается в регистрации температуры, давления и влажности воздуха, а также изменения водности облаков на различных высотах и различных участках трасс полетов.

Получаемая метеорологическая информация прямо с борта самолета передавалась по радио на землю дежурному синоптику и руководителям полетов в аэропортах.

Полет в облаках кучевообразных форм сопровождается умеренной или сильной болтанкой с провалами, так называемыми «воздушными ямами». Организм человека долго в таких условиях не выдерживает. Думаешь и ждешь, когда же все это кончится? Здесь могут выдержка и здравый смысл стать вторичными. При высотных полетах в кабину должен поступать подогретый воздух с давлением 0,4 доли атмосферного. Иногда подогрев не работал, а давление в кабине было наружное, так как не срабатывала аппаратура, поддерживающая в кабине нормальное давление воздуха.

Однажды я был в такой ситуации. Полет тогда происходил на высоте 11 километров на юго-запад от Свердловска. Ощущение неприятное: сильные боли шеи и в коленных суставах, хотя дышали мы в это время кислородом через специальную маску.

Полет часто приносит радость, приподнятость духа. На больших высотах при определенных синоптических условиях иногда наблюдается изумительная игра красок, что в обычных земных условиях не встречается. Летишь, словно в заколдованным царстве волшебных цветовых сочетаний. Помню как-то при полете сверх слоя высококучевых облаков зимой во второй половине дня, когда небо было ярко раскрашено от горизонта и почти до зенита. У горизонта небо ярко-красное, переходящее в оранжево-малиновое, желтое, зеленое, голубое, синее, фиолетовое и в зените черное.

После этого случая, готовясь к полету, я брал фотоаппарат с цветной пленкой, надеясь увидеть такое небо, но больше не видел. Была обычная раскраска у горизонта.

Говорят, что профессия летчика характеризуется повышенной опасностью. Это правда. Тому много примеров. Как-то при возвращении с задания домой, вопреки ожидаемому, началась метель на аэродроме, и видимость стала меньше посадочной. На запасных аэродромах тоже метель, до других — не хватало горючего. Было принято решение садиться на своем аэродроме. Приземлились в снежной круговерти трудно, но благополучно, только после третьего захода, на последних каплях бензина. Неприятности удалось избежать благодаря мужеству и хладнокровию пилота. Командир самолета Дрествянников Виктор Михайлович был боевой опытный летчик. Это был не только классный летчик, но и интересный человек, хороший товарищ. Он прожил чуть больше сорока...

И еще был случай, когда я летал с другим командиром корабля. На высоте более 8 километров отказала система подачи кислорода. Летчик потерял сознание, самолет стал беспорядочно снижаться со скоростью более 30 метров в секунду. И пока самолет падал, я четко планировал секунды своей жизни. Во-первых, записывал в журнал показания всех приборов. Написал, что командир не отвечает по переговорному устройству и что после достижения высоты 5 километров буду с парашютом покидать самолет. Во-вторых, включил бортовую радиостанцию, чтобы доложить на землю о причине покидания самолета, прицепил к сидению фалу парашюта, открыл предохранительную крышку вентиля пневматического открывания люка. Страха не было совсем, только быстро, быстро и очень четко промелькнула в голове вся жизнь. И что мог бы еще прожить столько же, и что мечты и планы уже не сбудутся...

На высоте 5 километров, когда кислорода в воздухе стало больше, командир пришел в себя, выровнял самолет, и мы продолжили полет по заданному маршруту. Оказывается, за наши

по радиолокатору все это время следили военные и, таким образом, столкновение с другими самолетами было исключено.

Страх появился у меня после возвращения на землю, он продолжался три дня. Через некоторое время побелел один висок, а затем и другой.

Командира корабли Янина Тимофея Николаевича не стало в прошлом году. Это был скромный и честный человек. Он воевал в рядах ВВС, участвовал во взятии Берлина. Вел примерный образ жизни, занимался оздоровительным спортом. Много рассказывал о войне, о своих боевых друзьях...

В результате полетов на высотном зондировщике ИЛ-28 было выяснено, что атмосферные фронты, разделяющие разные воздушные массы, простираются до высоты 8—12 километров, т. е. до самой верхней границы тропосфера. Выше располагается стратосфера, куда облака, пыль и влага практически не распространяются. Там небо темно-синее. Граница между тропос- и стратосферами — тропопауза — резко очерчена: ниже белесоватая дымка, а выше — прозрачная стратосфера, с температурой 60 градусов мороза.

Самолет под тропопаузой может встретиться и с болтанкой, с обледенением в вершинах грозовых облаков.

Перистые облака толщиной от 0,5 до 2 километров состоят преимущественно из столбиков льда. Если эти льдинки не покрыты инеем, то в них отражается свет солнца или луны, и тогда вокруг светил образуются яркие круги — явление гало.

При полетах в вершинах грозовых облаков, а также вблизи их может произойти разряд атмосферного электричества через самолет, при этом может быть повреждена обшивка или аэронавигационное оборудование самолета, может быть и хуже... иногда наблюдались на стеклах кабин искровые разряды в виде маленьких молний, также разветвленных, как и настоящие, но не опасных. Это скапливается на самолете избыточное статическое электричество.

Условия полета в разных формах облаков различные. Бывают полеты спокойные, это когда облака слониных форм, а в облаках вертикального развития или под них — лучше не заходить. При резких изменениях направления и скорости ветра по горизонтали или вертикали (сдвиг ветра) также бывает серьезная болтанка самолетов. Например, выяснено, что при изменении скорости ветра более чем на 10 км/ч при изменении высоты на 100 метров или на 22 км/ч на расстоянии 100 километров может быть особенно опасная турбулентность (болтанка). В этих случаях при изменении высоты полета примерно на 500 метров самолет, как правило, выходит из опасной зоны.

О том периоде жизни, когда я, будучи еще молодым человеком, работал бортовым аурорологом, стремясь постичь происходящее на верху, о людях, с которыми при этом пришлось взаимодействовать, нередко в весьма не безопасных условиях, память моя хранит самые теплые воспоминания...

Демидова Ирина Григорьевна —
ветеран труда

В 1955 году я окончила Ленинградский гидрометсурологический институт по специальности гидрология суши. Привлекла меня в этот институт романтика путешествий, желание познакомиться с новыми местами, поездить, посмотреть нашу страну. Еще во время учебы на практике я побывала в Сибири, на Енисее, в Прибалтике, в Ростове-на-Дону.

После окончания института распределилась в г. Свердловск. Послали меня работать на ГМС Сосьва, где я получила возможность набираться практических знаний у опытных специалистов. В то время работа гидролога осложнялась отсутствием дорог и отдаленностью постов, поэтому чаще всего приходилось добираться на перекладных или пешком, причем с оборудованием (нивелир, вертушка), так как не все посты ими обеспечены. Кроме того, в то время только начинали учить наблюдателей постов самостоятельно измерять расходы воды. Маршруты начальник ГМС Сосьвы т. Крымов К. Н. старался так распланировать, чтобы за одну поездку охватить измерениями расхода воды два месяца (конец одного и начало другого). Штат гидрологов на станции небольшой, поэтому практически половину месяца все были в командировках. По молодости все это увлекало, не было в тягость.

Меня, горожанку, удивляло то, что каждый дом в деревне был открыт для посетителей. Можно было зайти в любой дом с просьбой о ночлеге, никто не отказывал. А делать это приходилось часто, так как до большинства постов за сутки добраться было невозможно.

Первый свой паводок я провела на посту р. Сотрино — п. Сотрино. Река небольшая, но зарегулированная, с резкими пропусками в течение всего дня, поэтому измерять расходы воды приходилось рано утром или даже ночью при фонаре.

В конце 1956 г. меня перевели работать на ГМС Златоуст. Понравился мне коллектив на этой станции и доброжелательная об-

становка. В промышленной Челябинской области сообщение с постами было лучше. Кроме того, почти все наблюдатели постов уже самостоятельно измеряли расходы воды, поэтому командировки были в основном связанны с инспекциями постов, гидрографическими и паводочными работами.

Большим опытом работ обладал начальник ГМС Златоуст т. Евдокимов В. А. и ст. техник Миних Г. А.

В начале 1962 г. нас с мужем (Миних Г. А.) перевели работать в г. Уфу. В то время там было гидрометбюро, а в 1964 г. это подразделение получило статус гидрометобсерватории. Коллектив больше, работать интересней. Начальником ГМБ, а затем директором ГМО была Никульшина Г. А., очень демократичный, добрый человек. Большая ее заслуга в том, что в коллективе была творческая, доброжелательная обстановка. Ведущие специалисты имели полную самостоятельность.

Кроме режимных работ, группа занималась редакцией Гидрологического ежегодника басс. р. Белой. Эту работу вела Мысякова Н. П., старейший работник гидрометслужбы.

В 1966 г. Уфимской ГМО поручили ответственное редактирование всего выпуска Ежегодника басс. р. Камы. С этого времени материалы на редакцию поступали не только со станций и ГМО Уральского УГМС, а также с других управлений (Приволжское, Верхне-Волжское). Ответственным редактором выпуска назначили меня, так как Н. П. Мысякова ушла на пенсию. Оживил работу гидрологов приход в Свердловскую ГМО т. Шахова И. С. Он научил нас смотреть на поставленные задачи по-иному, более ответственно, а главное — творчески подходить к работе, винить в суть.

С переходом на редакторскую работу закончились мои полевые работы на постах. Все поездки стали связаны с инспекциями гидрометстанций и обсерваторий. Не любила делать инспекции, так как приходилось писать об ошибках, недостатках в работе, в которых зачастую работники станций по объективным причинам не были виноваты. При посещении станций старалась больше поработать с персоналом, объяснить свое понимание того или иного явления, обратить внимание на особо важные моменты, связанные с повышением качества материалов, найти общий язык.

Работа гидролога и по настоящее время очень сложная и даже опасная. За все время моей работы гидрологом мало что изменилось в методиках наблюдений за элементами режима реки, почти не облегчился труд наблюдателей и инженерно-технических работников гидрометстанций. Правда, некоторое облегчение произошло с оснащением постов установками ГР-70, которые без риска для жизни позволяют измерять расходы воды с берега. Не таскают теперь гидрологи на себе нивелир и вертушку, так как

каждый пост ими обеспечен. Но до сих пор нет специальных судов для работы на больших и средних реках, при измерении толщины льда используется зачастую все та же пешня, также кувалдой забивают сваи. Труд гидролога остается очень тяжелым.

В 1986 г. на базе Башкирской ГМО было организовано управление, но связь с УрУГКС очень тесная и по сей день, так как сохранилась общая задача по выпуску Гидрологического ежегодника басс. р. Камы.

Имею благодарности, почетные грамоты УГМС и ГУГМС, награждена знаком «Отличник гидрометслужбы СССР», медалью «Ветеран труда», в 1979 г. награждена дипломом «Лучший по профессии».

В ноябре 1987 г. я ушла на заслуженный отдых.

Дмитриева Надежда Яковлевна —
ветеран труда

Мой общий стаж работы 35 лет, из них 32 в Уральском управлении гидрометслужбы.

Первые годы не были оседлыми. В 1934 году я окончила Московский гидрометтехникум по специальности геофизика (сейсмомагнитолога). Во время учебы в техникуме 2 летних сезона участвовала в экспедициях по обследованию Курской магнитной аномалии. Направлена же после окончания была в г. Уральск Западно-Казахстанского управления гидрометслужбы синоптиком. Пришлось постигать самые азы синоптики почти самостоятельно, т. к. в штате не было квалифицированных работников. Но зато здесь я хорошо освоила техническую работу. Этому способствовало и то, что, учась в техникуме, я прошла практику по метеорологии на метеостанциях Воронежа и Павлова-Посада.

Помню учеба была организована не так, как сейчас. Мы не успевали втянуться в учебу, как приходилось ехать на практику, т. к. это чередование происходило каждые три месяца.

К моему удовлетворению, главное управление оперативно отклинулось на мою просьбу о направлении на курсы синоптиков. И в 1935 году я попала на курсы в г. Ташкент, где синоптику нам читали такие специалисты, как Дежорджио В. А. и Каретникова.

После окончания курсов работала синоптиком в г. Семипалатинске Восточно-Казахстанского управления гидрометслужбы. В штате кроме метеорологов и гидрологов нас было 2 синоптика.

Техников не было. Карты мы наносили сами, принимая на слух передачи сводок Центрального института прогнозов. После нанеских карты обрабатывали, составляли прогнозы, передавали их в областные организации, оформляли и вывешивали бюллетени.

1936 год и начало 1937 года работала синоптиком в системе Главсевморпути в г. Николаеве в школе морских летчиков, после этого началась моя оседлая жизнь.

С июня 1937 г. по конец 1969 года, до ухода на пенсию, я работала в Свердловском управлении гидрометслужбы, за исключением периода с 1942 по 1946 год, когда я была призвана в Красную Армию.

В августе 1942 года нас, 4 синоптиков бюро погоды, мобилизовали. Были это: Сухарев К. И., Покровская Н. И., Розенфельд Н. Г. и я. Работали мы в метеобюро штаба ВВС Уральского военного округа. Работали в метеобюро и 4 наших техника: Блиннова Г. И., Скоморохова, Манулова и Виноградова.

Обслуживали мы самолеты, которые перегонялись с востока на фронт, а также самолеты, курсирующие в пределах нашего округа.

Трудностей в обслуживании было очень много.

Во-первых, прогнозы составлялись по «собранным» картам, так как метеоданных с занятых немцами территорий не было, а синоптические процессы в основном идут с запада.

Во-вторых, приходилось учитывать недостаточную летную подготовку экипажей, так как в основном летали очень молодые, малоопытные пилоты. Никогда не выходит из памяти трагический случай при обслуживании группы самолетов «кобры». В то время над Уралом погоду обусловливал несколько дней сохраняющийся антициклон, а в районе Кадина был малоподвижный фронт, поэтому ночью и в первую половину дня, также несколько дней в районе Казани была облачность. Вот при такой ситуации руководитель полетов дал разрешение на вылет нескольких групп. Прогноза я не давала, а при консультации обращала его внимание на наличие нелетной погоды.

Возвратить самолеты не удалось. Большая их группа при подлете к Казани попала в облачность, сливающуюся с туманом, и разбилась. Небольшая вернувшаяся часть самолетов смогла сесть в Янауле. Это было очень страшно.

Переживали долго все. Последовало расследование, трибунал. Виновные были осуждены — штрафной батальон.

Второй врезавшийся в память случай — гибель самолета с высокопоставленными военными — произошел уже в конце войны. Полет был по трассе Пермь—Архангельск. Обслуживался прогнозом из нашего метеобюро.

В прогнозе, составленном мною, было указано пересечение фронтальной зоны, осадки и обледенение.

Выпускающие самолет из Перми пренебрегли этим. К месту назначения самолет не прибыл. Был обнаружен через несколько дней в зоне фронта разбившимся.

Многому научила работа в метеобюро. Метеорологическая и синоптическая обстановка ежегодно докладывалась командующему штаба ВВС, непрерывная информация велась как начальнику отдела перелетов, так и оперативным дежурным.

Коллектив наш был очень дружный: была хорошая сработанность и с другими службами.

В работе использовались карты барической топографии и анализировались данные радиозондирования. В 1946 году после демобилизации я вновь пришла работать синоптиком в бюро погоды.

В 1949 году окончила годичные курсы повышения квалификации при Ленинградском гидрометинституте. В 1952 году перешла работать в отдел гидрометеосети аэрологом. В это время развивалась сеть аэрологических станций и шаропилотная сеть. Были открыты аэрологические станции Пермь, Курган, Ивдель и довольно большая сеть основных бесстедолитных шаропилотных пунктов.

Нелегко проходила организация аэрологических станций. Но не менее сложным было и обеспечение сети расходными материалами (химикаты, радиозонды, батареи, бензин, керосин). В то время срыв выпуска р/з считался как ЧП. Даже за невыпуск значительно снижалось выполнение плана. Теперь же и при больших перерывах в наблюдениях тревоги нет. А какую большую работу проводили коллективы аэрологов, добиваясь повышения высоты подъема радиозондов. Много экспериментировали с оболочками, обрабатывая их и керосином, и бензином с различными выдержками при обработке и после нее. Хороших результатов по всем показателям систематически добивалась станция В. Дуброво, где начальником был Морозов В. Ф. и сменивший его Коноплинов И. Ф. Отличное содержание техники обеспечивал на этой станции инженер Зылев Ю. П. Опыт этой станции перенимали и другие. Самоотверженно работали женщины — начальники станций: в Перми т. Разумовская И. Т. и в Ивделе Верховская В. Н., которые кроме основной работы при систематическом недостатке штата выполняли большой объем хозяйственных работ. Помогала в работе и хорошая взаимовыручка между аэрологическими подразделениями. При любой просьбе одного из них на выручку приходили другие, помогая и советом, и высылкой расходных материалов.

**Ощущая недостаток подготовки по аэрологии, в 1961—62 годах я закончила 10-месячные заочные курсы при Центральной аэро-
гической обсерватории.**

Был в моей жизни и период, когда довелось работать в группе информации и распространения передового опыта. Такая группа была создана в 1967 году при Свердловской ГМО. Работать там было интересно, тем более, когда после определенной раскачки удалось к этой работе привлечь работников сети станций и ГМО. Например, ГМО Пермь и Уфа готовили полностью номера информации приемом на материале своих областей. Однако полезная эта работа была в дальнейшем свернута.

Последнее время перед уходом на пенсию в 1969 году курировала аэрологию и метеорологию, работая заместителем начальника отдела гидрометсети.

При такой долголетней работе в управлении гидрометслужбы приходилось сталкиваться со многими людьми. Хорошие контакты были с коллективом синоптиков, начальниками аэро-логических станций, другими отделами управления. Отзывчивой была начальник отдела снабжения, теперь ушедшая из жизни Холодова Е. А.

Деловые и теплые взаимоотношения были у меня с начальником отдела сети, тоже ушедшим из жизни Шевченко В. С. Он хорошо знал сеть, ее запросы. Умел по-человечески вынуждать в многочисленных проблемах всех подразделений, никогда не повышал голоса и не пользовался своим служебным положением.

На моей памяти был один случай, когда Василий Сергеевич упорно боролся и помогал человеку оступившемуся в жизни.

Из уголков памяти. Ностальгическое

С тоской и грустью всплывают воспоминания об Обсерваторской горке как об очень зеленом островке, возвышающемся среди маленьких окружающих ее частных домиков, но тоже с зелеными палисадниками, с буйно цветущей черемухой, сиренью и рябиной.

Вершину горки тогда окружали высокие сосны, прекрасная изумрудно-зеленая трава. В первые годы моей работы в управлении мы, помнится, собирали ягоды и находили грибы.

Затем сосновые деревья были вырублены, так как деревья засыхали, то ли от влияния промышленных выбросов в атмосферу, то ли их одолевал короед.

Уральский университет воспользовался этой площадью, организовав там университетский ботанический сад. Тогда территория была огорожена забором по периметру улиц Декабристов, Мичурина, Н. Воли. Работники ботанического сада на месте вырубленных сосновых деревьев посадили лиственные породы, которые сохранились и до настоящего времени. Во время же войны, когда

еще посадки были небольшими, сотрудникам управления, в основном проживающим на территории управления, там были выделены небольшие участки, где мы могли посадить картофель и другую мелочь. Это в то время было большой подмогой.

С ростом деревьев крестьянское занятие было прекращено.

Многие старые работники, наверное, с большой теплотой вспоминают яблоневую аллею, начинающуюся от самых ворот. Весной это была буйная белая кипень с тонким ароматом. Осенью же яблони покрывались множеством мелких яблок, привлекая местных ребят. Зимой ими лакомились птицы.

А круглый сиреневый садник посередине двора управления! Это было любимое место жителей горки. Отдыхали здесь в обеденный перерыв многие сослуживцы, а дежурные смены могли этим наслаждаться и в вечернее, наиболее поэтическое время. Перед темперешним входом в управление жителями горки были сделаны насаждения малины, вишни и ирги. Посадки и уход за насаждениями осуществлялись преимущественно детьми. Они же занимались сбором и истреблением урожая.

Вдохновителем посадочных работ и организацией детей был Александр Петрович Дегтярев. Им были посажены и прекрасноросли 2 голубые ели. Он так их лелеял. Его часто можно было видеть любующимися ими. Каково же было горе Александра Петровича, когда однажды под Новый год он на месте красавиц слочек нашел одни пеньки.

Но осталась память о его любви к природе — и сейчас растущие две березы у двухэтажного, ранее жилого дома. Одна из них с западной стороны здания (у входа) перед окном комнаты, где жил Александр Петрович. Вторая — с противоположной стороны дома.

И еще об одном.

Как приятно, друзья, не терять связь с бывшими сослуживцами. Это особенно остро ощущается с годами.

Я как пенсионер с 20-летним стажем со многими состою в дружественных отношениях. Нас связывают и телефонные звонки, и микровстречи. Иногда же мы собираемся с силами и организуем более обширные встречи. С массой выдумок, весельем и застольем. Не забываем навещать и чем можем помогать друзьям, не имеющим возможности личных контактов.

Ермолов Виктор Николаевич —
ветеран труда,
почетный гражданин города Туринска

Посвятив гидрологии почти пятьдесят лет и начав работу в должности техника, а позднее возглавив одну из крупных станций управления, есть что вспомнить и рассказать на страницах Воспоминаний.

К началу войны станция Туринск объединяла 17 прикрепленных постов, разбросанных на большой территории.

Но, несмотря на трудности в работе гидролога-сетевика, работа мне нравилась, и я остался верен выбранной профессии и отдал ей всего себя без остатка, не считаясь с состоянием здоровья.

В сороковых годах работа наблюдателей постов заключалась в измерении уровня температуры воды и воздуха, измерении толщины льда и визуальных наблюдений над ледовыми явлениями и водной растительностью, с информацией о состоянии крупных рек ряду заинтересованных организаций. Обработка материала наблюдений производилась на станции. Гидрологические ежегодники на станции не составлялись.

С 1940 г. работниками станции начата работа по установке на постах постоянных железобетонных реперов. До этого эта работа, как и привязка реперов к Госсети, производилась инженерным составом УрУГМС. В дальнейшем эти работы стали производиться техническим персоналом станции.

В 1941 г. количество измерений расходов воды на постах значительно увеличилось, в основном за счет измерений в период весеннего паводка. К началу Отечественной войны штат гидрологической станции Туринск был хорошо укомплектован. Производились усовершенствования для производства работ. Начальником гидрологической станции Ивановым М. К. был изобретен ледовый бур. В дальнейшем этот бур с некоторым изменением заточек был назван буром ГГИ.

Мною тогда был сконструирован штангодержатель для зимних измерений расходов воды.

На посту Туринск — р. Тура громоздкий ворот для натяжки троса через реку заменили трубцей, установленной на вкопанном столбе. В дальнейшем на всех постах вороты были заменены на трубицы.

В 1941—42 гг. (паводочные работы на р. Нице — г. Ибрит) было обращено внимание на неравномерность распределения величины расхода от уровня воды. Ник расхода проходил при наличии ледовых явлений на реке. На спаде уровня расходы воды вначале уменьшались, а затем увеличивались. Это явление, подтверждение последующими годами, послужило основанием заняться работой о наличии переменного подпора от основной реки на равнинных реках.

С октября 1942 г. гидрологическая станция была объединена с метеорологической станцией. Имеющиеся гидрологические и метеорологические посты в отдельных населенных пунктах были также объединены.

С марта 1943 г. я возглавил станцию Туринск. С этого года увеличился объем наблюдений, были введены агрометеорологические наблюдения в обширном объеме с высылкой данных наблюдений по форме БСХ ряду организаций.

Летом 1943 г. производилось гидрографическое обследование р. Туры. При этих исследованиях выявлена причина значительной мутности реки. Оказалось, что мутность воды создавали работающие в верховьях, между Нижней Турой и Верхотурьем, драги и гидромониторы, сильно взмучивающие воды при размытии берегов. При рекогносировочных работах в 1944 г. была замечена разница в потоках воды при впадении в р. Туру рек Ницы и Пышмы. На большом расстоянии потоки разной цветности не перемешивались.

В 1944 г. количество постов, прикрепленных к гидрометстанции Туринск, увеличивается за счет передачи в гидрометслужбу постов, открытых ведомственными организациями.

В 1945 г. на реках бассейна началось массовое строительство плотин для установки мелких электростанций. Свердловская область тогда была объявлена областью сплошной электрификации. Начали открываться посты на мелких реках. В конце 1945 г. было начато строительство водопоста Калтыюково на р. Ялынке. Устройство с водосливом и отдельным гидрометрическим мостиком. Руководил работами Марков В. П. из управления.

В 1946 г. во время весеннего снеготаяния выше водослива, но ниже гидрометрического мостика начало заполняться образованное водохранилище. Но затем уровень воды начал резко падать и ниже водослива на 30—40 метров вода стала быстро прибывать и была очень мутной. Сразу же представилось, что вода из водохранилища нашла выход где-то ниже плотины или под ней. Еловая ветка, брошенная выше водослива, вынырнула ниже водослива. После окончания половодья на месте водослива образовался глубокий омут. Шпунт водослива висел над этим омутом. Из печального опыта надо сделать вывод, что подобные работы должны

проводиться с инженерно-геологическим обоснованием и соответствующими гидротехническими расчетами.

С 1947 г. открытие постов начало производиться штатом гидрометстанции. До этого посты открывали работники отдела сети УГМС. К концу 1947 г. на р. Ница начала строиться Бердюгинская ГЭС, а на р. Ирбит Речкаловская ГЭС. С 1948 г. началось массовое благоустройство водомерных устройств. Деревянные сваи заменились металлическими. С этого же года станция Туринск стала постоянной базой для прохождения практики гидрологов техникумов и высших учебных заведений.

Остановлюсь особо на посещении ст. Туринск кандидатом наук ГГИ Борсуком О. Н., который заинтересовано отнесся к моим начинаниям по исследовательским работам. Одобрил проводимые мною разработки по подсчету стока при течении воды поверх льда на примере р. Ялынка — с. Калтыково и вопросу подпора на большие расстояния от основной реки на примере р. Ница — г. Ирбит. Он дал мне совет поступить заочно учиться в гидрометинститут, который открывает новые возможности и дает простор для научно-исследовательских работ. Вняв разумному совету и имея к тому времени пятерых детей, я поступил в институт и успешно окончил его, за что благодарен Олегу Николаевичу за его мудрый совет.

В 1949 г. нашей станции было поручено составление каталогов затоплений в период весенних паводков в городах Тавда, Туринск и Ирбит, а также сельской местности Туринского района. Эта работа продолжалась в течение нескольких лет.

В эти годы начинается массовое обучение наблюдателей постов измерению расходов воды, особенно в летний и зимний меженные периоды. Начались работы и по освещению расходами воды дождевых паводков. Одновременно начинаются работы по установке уклонных водпостов на более значительном расстоянии от основного водпоста с расчетом, чтобы при вычислении уклона избежать допустимые ошибки при нивелировках и измерении уровней воды.

На станции началась регулярная техническая учеба как по гидрологическим работам, так и по метеорологическим и агрометеорологическим наблюдениям.

Особо отмечаю, что большим уроном для работ было указание УГМС об увольнении работников, не имеющих специального образования. Присылаемые специалисты — женщины — из-за трудных условий и отсутствия жилья не закреплялись и, как правило, не отработав положенного срока, увольнялись.

Проводя и организуя плановые работы, я продолжал заниматься исследованиями по усовершенствованию и обеспечению надлежащего подсчета стока по длине реки. В то время я имел мораль-

ную поддержку со стороны специалистов управления Черкасской Е. А., Черказьяновой В. Г., Летиной М. Г., Шумского С. И.

В конце пятидесятых годов проходила подготовка к работам по Водному кадастру.

В 1958 г. состоялось совещание в Новосибирске, где были представлены Урал, Сибирь и Дальний Восток. От нашего управления представителями были Черказьянова В. Г. (с докладом о проделанной работе), Серегин И. А. и я. На этом совещании с информацией о проводимых на гидрометстанции разработках было и мое выступление, одобренное представителем ГУГМС т. Черказовским С. К. Частично вопросы разработки вошли в новое Поставление по гидрометрическим работам. Забегая вперед, скажу, что исследовательскими работами я занимался на протяжении всей моей работы. Это было моральное удовлетворение от результатов работ по гидрологии, которые проводились в нелегких условиях всего времени.

Для составления Водного кадастра и восстановления стока за прежние годы станции Турийск было поручено проведение анализа кривых расходов воды прежних лет по гидрометстанциям Сосьва и Курган. Поразили нас тогда большие величины экстраполяции кривых вверх.

В ноябре 1961 г. Государственным гидрологическим институтом было организовано Всесоюзное совещание гидрологов по вопросам составления Водного кадастра. От Уральского УГМС в этом совещании принимали участие Черказьянова В. Г., Бикбова Р. З. и я. Польза от этого совещания была очевидной как в практической, так и теоретической направленности.

Считаю интересной работу по влиянию поверхностных вод процессы почвообразования. Оценка ГГИ была положительной.

В последующие годы в период половодья на р. Турсе — Турийск было организовано измерение расходов воды на затопленной пойме среди кустарника в периоды подъема и спада паводков с лодки, так как эти скорости не могла учесть ни одна вертушка. На спаде скорость увеличивалась за счет уменьшения трения. Эти работы существенно помогли при построении кривых расходов воды в летне-осенний период, когда на берегах рек кустарник ниже гидроствора оказывал сопротивление течению реки, а на спаде, будучи засыпанным, уже такого сопротивления не оказывал.

В сентябре 1964 г. в Свердловской ГМО проводился семинар, посвященный вопросам изучения гидрологического режима водных объектов территории УрУГМС. Обсуждались и методические указания ГГИ управлению гидрометслужбы. Мое выступление нашло отражение в выпускаемых позже дополнениях, и материалы этой статьи использовались многими проектными организациями.

Полезным для гидрометслужбы и станции Туринск были тесные связи с общественными организациями города, которые начали интенсивно развиваться в пятидесятых годах. Деятельность гидрометслужбы и станции, в частности, популяризировалась через районную печать. Придавая большее значение экологической обстановке в районе, я регулярно выступал в местной печати в газете «Заря» и на страницах журнала «Природа и мы» по истории развития садоводства в г. Туринске и районе, по озеленению населенных пунктов, по вопросу охраны природы, заметки фенолога и др. За что награждался и поощрялся РК КПСС и райисполкомом райсовета. За время своей работы я неоднократно избирался депутатом Туринского городского Совета.

Все пройденные годы на станции трудились мои коллеги. Отмечую некоторых из них: Вялтишев С. И., Рычкова В. С., Мелешко, Суворова Н. И., Семухина Е. Н., Покушева Н. П., Давыдов, Фадеева Н. Я., Галкина Л. В., Полухина Р. Н., Пепелева Г. А. и многие другие, внесшие посильный вклад в дело изучения гидрометеорологических процессов на территории Урала.

За многолетний труд я награждался благодарностями, почетными грамотами и денежными премиями Уральского УГМС. В 1970 г. награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и знаком «Отличник гидрометслужбы».

За большую популяризаторскую работу в 1984 году мне было присвоено звание «Почетный народный корреспондент газеты «Заря». А в 1989 г. мне присвоено звание «Почетный гражданин города Туринска».

Иванова Валентина Андреевна —
ветеран труда

Одним из самых памятных событий моей жизни была дорога к месту работы после окончания Казанского госуниверситета в 1954 г., от моей Сосновки в Кировской области до Хабаровска.

Я ехала почти через всю страну на поезде и не могла оторваться от вагонного окна. Очень красивы Урал, Сибирь, Дальний Восток, особенно красивы места около озера Байкал.

И потом, проезжая по этой дороге десятки раз, я не переставала удивляться красоте природы и доброте людей, с которыми мне посчастливилось встречаться.

В Дальневосточное управление гидрометслужбы я поехала по собственному желанию и проработала на АМСГ Зея в качестве инженера-синоптика по февраль 1959 г.

Работа синоптика мне нравилась. Я вела в Зее и общественную работу — была секретарем комсомольской организации аэропорта, редактором газеты и пропагандистом. Много самостоятельно занималась синоптикой, т. к. считала себя слабым специалистом, хотя госэкзамены и диплом защитила в университете на отлично.

Работа и учеба были очень далеки друг о друга. Мне казалось, что я на работе учусь заново. В 1956 г. я окончила в Москве курсы повышения квалификации синоптиков.

На АМСГ Зея работали поочередно через день-два синоптик Ларина М. К. (после окончания техникума) и я. Мария Кирилловна была старше меня лет на 8, имела большой стаж работы и считалась бывалым синоптиком, очень красиво и грамотно обрабатывала все синоптические карты. Она приложила немало усилий обучить меня фронтанализу.

На АМСГ была сильная группа техников-синоптиков. Они же были наблюдателями, аэрологами и наносителями. Наноска Мунгаловой Д., Филипповой В., Ивановой А., Чугуновой Н. отличалась не только четкостью, но и красотой.

В темное время суток, когда не работал аэропорт, вся работа на АМСГ проводилась при керосиновых лампах. Не трудно представить, сколько усилий надо было приложить, чтобы при керосиновой лампе нанести синоптическую карту от Урала до Камчатки. Кроме этого в то далекое время техники-аэрологи производили наблюдения по теодолиту за радиозондом. Иногда в морозные ясные дни при температуре $-40\ldots -50$ градусов они стояли на морозе довольно легко одетыми, по часу наблюдая за ним, потом обрабатывали материалы и передавали данные на пункт зондирования для передачи в Хабаровск. Пункт зондирования находился в 100 м от здания АМСГ. Мы никогда не считали отработанных часов, ни у кого и в мыслях не было, что нам не так посчитали часы или зарплату.

В Дальневосточном управлении гидрометслужбы АМСГ Зея была на хорошем счету, благодаря добросовестному труду фанатически влюбленных в свою работу людей.

По семейным обстоятельствам в феврале 1959 г. я перевелась на АМСГ Кольцово города Свердловска в качестве инженера-синоптика. В декабре 1959 г. назначена старшим инженером-синоптиком и проработала в этой должности до ухода на пенсию в 1986 году.

Начальником АМСГ до 1963 г. была Монсеева Тамара Карповна. Это до педантизма в хорошем понимании этого слова исполнительный человек, аккуратный и дисциплинированный. Она заслуженно пользовалась авторитетом среди коллектива АМСГ и Уральского УГМС. Синоптиками в те далекие годы работали Кузьмина Г. Д., Кузина Т. М., Пакулина М. И., Полушкина Е. Д., Кирсанова В. Г., Мартюшева П. Д. Все они имели среднетехническое образование, были хорошими практиками. Знание ими местных особенностей аэродрома, хода фактической погоды, анализ поступления штормовой информации были залогом достаточно высокой оправдываемости прогнозов погоды. Кузьмина Т. Д. и Кузина Т. М. успешно выполняли ряд исследовательских работ по региональной синоптике.

Расчетные методы тогда только начинали внедряться в работу. За большой период моей работы в САМЦ мне приходилось работать со многими синоптиками, в основном все они оставили у меня добрые воспоминания, но я остановлюсь на двух старших инженерах-синоптиках — Прокольевой А. С. и Скачковой Е. Г., которые по разным причинам уже не работают в САМЦ.

Прокольева А. С. с отличием окончила Казанский госуниверситет в 1953 г. Она всегда отличалась добросовестностью и в школьные годы (я с ней училась в одном классе), и в университете, и в САМЦе. Она выполняла ряд исследовательских работ, хорошо знала расчетные методы. У Таси было трудное детство. Отец ее погиб на войне. Мать, малограмотная женщина, без специальности, осталась с тремя детьми в г. Уржуме Кировской области. Трудности жизни заставили Тасю уехать от матери к бабушке в Сосновку, чтобы закончить 10 классов. Бабушка была старой веры, очень замкнутой и суровой. Она не хотела, чтобы внучка после окончания школы училась в вузе. Желание учиться было велико, и Тася практически без материальной помощи училась на отлично в Казанском госуниверситете.

Зная ее жизнь, я всегда с уважением думаю о ней.

Скачкова Е. Г. приехала на АМСГ в 1960 г. после окончания Одесского ГМИ. Специалист грамотный, влюбленный в свою работу по метеорологическому обеспечению авиации, но равнодушная к выполнению исследовательской работы. Это оперативный работник высокого класса. Ей нравилось читать лекции диспетчерам и летчикам. Она находила с ними контакт. Всю авиационную метеорологию для проведения занятий она изучила досконально. Ее честолюбие не помешало, а помогло выйти в число ведущих синоптиков САМЦ.

Я не знаю, как прошло ее детство, но только отец ее был ре-пресирован и расстрелян в сталинские времена, а впоследствии

реабилитирован. И, наверное, несложно было ее матери вырастить двух дочерей и дать им высшее образование.

Эти два специалиста — Прокопьева А. С. и Скачкова Е. Г. — много сделали в период становления САМЦ (в улучшении анализа синоптического материала, внедрения расчетных методов, улучшения качества разборов неоправдавшихся прогнозов, стажировках молодых специалистов) и достойны, чтобы коллектив авиацентра по-доброму вспоминал их.

Группу синоптиков возглавляет Чмутова Л. Г., пришедшая на ЛМСГ в 60-е годы учеником техника-синоптика. Упорство в труде, постоянное стремление к знаниям позволило ей заочно окончить Пермский госуниверситет и занять ведущее место среди синоптиков. Теперь это синоптически грамотный специалист, добросовестный и трудолюбивый, скрупулезно изучающий все необходимые документы и литературу, требовательно относящийся к себе и настойчивая в достижении цели.

Много добрых слов можно сказать о Зуевой и Снетковой А. А., проработавших в САМЦ около 30 лет. Они стали синоптиками здесь, в Кольцово, после заочного окончания Пермского госуниверситета, обе — требовательные начальники дежурных смен.

Почти вся моя трудовая деятельность проходила при начальнике авиацентра Беломазе Н. М., человеке, знающем свое дело, синоптически грамотным, отлично разбирающимся в метеоприборах, человеке с неспокойным деловым характером. Он много сделал для САМЦ. Вдумчиво руководя всем коллективом авиацентра, воспитывая в людях нетерпимость даже к малейшим недостаткам, могущим как-то отрицательно сказаться на метеообеспечении безопасности полетов, он находил время для выполнения множественных хозяйственных дел, принимал участие в установке и ремонте метеоприборов, прокладке кабельных линий.

В 60-е годы по его проекту было построено здание наблюдательного пункта у взлетной полосы. Здание светлое, удобное для производства наблюдений за погодой с обзором на взлетно-посадочную полосу.

Большое внимание Беломаз Н. М. уделял анализу атмосферных фронтов. Со всеми синоптиками, особенно с молодыми специалистами, он обрабатывал синоптические карты, поясняя при этом правильность проведения фронтов. При нем на АМСГ выполнен ряд серьезных исследовательских работ, которыми он руководил лично; введено в практику систематическое применение расчетных методов, техническая учеба стала проводиться в виде семинаров, соответственно повысился ее уровень; повысилось качество разборов неоправдавшихся прогнозов; введено в практику собеседование с инженерами и техниками-синоптиками по подготовке к работе в весенне-летний и осенне-зимний период.

Ему принадлежит идея составления «Порядка производства наблюдений и доведения метеонформации до служб аэропорта», впоследствии вошедшая в Наставление по метеообеспечению гражданской авиации, и сейчас на всех АМСГ Союза сохраняется такой порядок. Он является членом комиссии по расследованиям листных происшествий и делает грамотные заключения по метеорологической части расследований. Николай Михайлович пользуется большим авторитетом в коллективе аэропорта не только как хороший специалист своего дела. Он располагает к себе широтой увлечений: имеет хорошие коллекции монет и камней, играет в шахматы, а в отпуске ходит за самоцвастами, был на Балхаше, на Кавказе, на Северном и Среднем Урале.

Начальник аппаратной связи Шевелев Г. Ф. всю свою трудовую деятельность связал с авиацентром. Когда я приехала в Кольцово, он уже работал, ушла на пенсию — он еще работал. Это специалист высокого класса. При нем вводилась система проводных авиационных связей. Я не помню случая, чтобы Герман Федорович не смог исправить вышедший из строя аппарат. Почти все время он работал без электромеханика. Я бы не сказала, что у него легкий характер, но по делу с ним всегда можно было договориться. И в работе он был надежен. Сейчас Шевелев Г. Ф. вышел на пенсию, но я думаю, что долго еще САМЦ будет чувствовать отсутствие этого специалиста. К хорошим специалистам следует относить Химич Р. М. Работать с Химич Р. М. в смысле одно удовольствие. Деласть она все быстро, грамотно, надежно. Стаж ее работы в Кольце около 30 лет. В период моей работы формировалась группа радиолокаторщиков, в которую назначались тогда только лучшие техники. Группой руководила Беломаз Н. Ф. Она приехала в САМЦ в 60-е годы техником-наносителем, затем, после заочного окончания Ростовского госуниверситета, работала инженером-синоптиком. После установки метеорадара в Кольцово стала инженером-метеорологом МРЛ. Благодаря трудолюбию и работоспособности Надежда Федоровна хорошо изучила новую работу, а затем обучила наблюдениям всю группу. В те годы в группе МРЛ работали ветераны гидрометслужбы Лаптева А. С., Рушинцева М. В., Захарова Г. А., Лагунова Т. В., несколько позже поступила Дрожжачих Л. Ю., впоследствии окончившая заочно Тюменский госуниверситет и возглавлявшая группу после ухода на пенсию Н. Ф. Беломаз.

Всем им присущее чувство ответственности, все они понимали, к чему может привести ошибка в работе, особенно в период грозовой деятельности, и старались работать с большой точностью. Эта группа была «первоходцем» по наблюдениям с помощью МРЛ на Урале и достойно справилась с этой непростой задачей. Большая заслуга в стабильной работе техники принадлежит старшему инженеру МРЛ Овчинникову В. И. В этих кратких воспоми-

наниях невозможно выразить все то хорошее, что хотелось бы сказать о большинстве людей, с которыми мне выпало счастье работать. Здесь, в своих воспоминаниях, я не останавливалась на развитии АМСГ, на ее росте из небольшой авиаметстанции в крупный авиаметцентр Союза, обслуживающий до 180 современных воздушных лайнеров в сутки, совершающих полеты более чем в 100 городов Советского Союза, на той огромной ответственности, которая лежит на каждом члене коллектива за безопасность полетов самолетов. Думаю, это вопрос особый.

Следует отметить, что за большой период моей работы в Свердловском авиаметцентре старшим инженером-синоптиком не обходилось и без ошибок с моей стороны и со стороны товарищей, но в процессе работы ошибки исправлялись, принимались меры, чтобы они не повторялись. Выбирая на пенсию, я сохраняю к САМЦ самые теплые чувства.

Несмотря на скептическое отношение большинства окружающих к слову «синоптик», я никогда не жалела, что вся моя трудовая жизнь связана с этой интереснейшей профессией, обеспечивающей полеты воздушных судов на всех высотах и маршрутах.

Знание этой профессии обеспечивает безопасность полетов и сохраняет жизнь людей. Вот почему важно, чтобы эту работу выполняли люди не случайные, а преданные этому делу.

Многие работники Свердловского авиаметцентра имеют правительственные награды:

Беломаз Н. М. — орден Трудового Красного Знамени, медали к 100-летию рождения В. И. Ленина, «Отличных гидрометслужбы СССР», «Отличник аэрофлота», «Ветеран труда», бронзовая медаль ВДНХ за научные работы.

Прокопьева А. С., Химич Р. М., Клещева А. И. — награждены медалями к 100-летию В. И. Ленина.

Иванова В. А. — медалью «За доблестный труд».

Шевелев Г. Ф., Кузьмина Г. Д., Кузина Т. Н., Касатова Т. М., Химич Р. М., Скачкова Е. Г., Кирсанова В. Г., Дежнева Ф. Е., Прокопьева А. С., Иванова В. А. — являются отличниками гидрометслужбы.

Каждый пятый работник Свердловского АМЦ награжден медалью «Ветеран труда».

Можно считать, что эти награды даны всему коллективу Свердловского АМЦ за высокое качество метеообеспечения авиации.

За время существования Свердловского аэропорта Кольцово не было ни одного летного происшествия по прямой вине работников Свердловского авиаметцентра.

Ищукова Татьяна Леонидовна — вeteran труда

В Челябинское гидрометбюро я приехала в 1959 году после окончания Ленинградского гидрометеорологического института.

Однако с коллективом я познакомилась годом раньше во время производственной практики по синоптике. В то время из 5 штатных единиц в наличии был один специалист — Валентина Леонидовна Ростовцева, еще один синоптик был в учебном отпуске, а старший инженер Надежда Михайловна Медведева исполняла обязанности начальника гидрометбюро и в паре с Ростовцевой через день работала дежурным синоптиком. Две должности были вакантными.

Понятна радость, с какой меня встретили в ГМБ, студенты на практику сюда не приезжали, а я была местная, и меня сразу же стали уговаривать, чтобы и на работу я приехала в Челябинск. Я же была настроена ехать в Арктику или на Дальний Восток, но через год обстоятельства изменились, я действительно приехала в Челябинск и с тех пор вот уже более 30 лет работаю здесь — сначала в гидрометбюро, затем в гидрометобсерватории (так стало называться наше учреждение с 1 июля 1967 года после объединения с кустовой гидрометстанцией), а последние два года в Челябинском центре по гидрометеорологии. Менялись названия, но не менялась суть работы — метеорологическое обеспечение отраслей народного хозяйства прогнозами погоды.

Начинала с рядового инженера-синоптика, через год была назначена старшим инженером, а с 1 июля 1967 года и по настоящее время работаю начальником отдела метеорологического обеспечения народного хозяйства. Наставниками моими стали Надежда Михайловна Медведева (по синоптике) и Валентина Матвеевна Андрушкино (по агрометеорологии, вернее по метеообеспечению сельского хозяйства). Пришлось вплотную изучать особенности производственной деятельности различных отраслей — энергетики и строительства, лесного хозяйства и автотранспорта, горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства.

В Челябинске пришлось посетить металлургический завод и завод ЖБИ, седьмую дистанцию пути и все строительные тресты, автовокзалы — Южный и Северный и плодоовоощную станцию. А затем пошли поездки по области — Саткинский завод «Магнезит», Бакальское рудоуправление, Катав-Ивановское автопред-

приятис, Магнитогорские электросети, Увельское райсельхозуправление. Каждая поездка расширяла знания хозяйства области, особенностей его обслуживания, позволяла находить новые пути взаимодействия с заинтересованными организациями.

Очень широко в то время использовали совместные консультации синоптиков и агрометеорологов руководители областных партийных и советских органов, управление сельского хозяйства.

Широкому использованию метеорологической информации способствовала активная популяризация метеозначений. Сначала по областному радио я начала выступать ежемесячно с обзором погоды за прошедший месяц и прогнозом на предстоящий, затем эту информацию стала помещать областная газета «Челябинский рабочий», а с 1963 года начались ежемесячные выступления по телевидению. Практически все выступления по радио, ТВ, в газетах вела я, в середине шестидесятых годов на предприятиях и в школах начала читать лекции по теме «Как прогнозируют погоду?». К середине семидесятых телевидение предложило синоптику выступать еженедельно, а некоторое время спустя и на радио начались еженедельные выступления. До сих пор они проводятся каждую пятницу по телевидению и каждый вторник по радио (запись в понедельник).

Население Челябинской области очень внимательно следит за погодой, по его просьбе прогноз на день стал передаваться в 5-55 утра (а раньше только в 7-15), к тому же первоначально радио сообщало прогноз погоды в конце передачи, а затем стало — оять-таки ориентируясь на просьбы населения — со сводками погоды начинать утренние передачи.

Надо сказать, что средства массовой информации всячески поощряли выступления, несколько раз награждали почетными грамотами (как редакция областной газеты, так и областной комитет по радио и ТВ). В 1988 году, когда исполнилось 25 лет моих выступлений, на телевидении был снят 15-минутный сюжет, а через некоторое время в живом эфире проведен часовой выпуск о погоде и ее предсказателях, вели этот выпуск журналист Людмила Шестеркина и синоптик Татьяна Ишукова.

Казалось бы, популяризация не имеет никого отношения к работе, однако вышло по-иному. Еженедельные выступления по телевидению в течение четверти века привели к тому, что меня как представителя гидрометслужбы знал практически весь миллионный город Челябинск и область, а это помогало решать производственные задачи.

Широкая известность привела и к тому, что меня как полпреда метеорологической науки привлекли к работе в методических советах общества «Знание», краеведческого музея, бюро путешествий и экскурсий, географического общества. Дважды по линии общества «Знание» я участвовала во всесоюзных семинарах лек-

торов по естественно-научной пропаганде, а с методистами экскурсионного бюро побывала на озере Зюраткуль, турбазе Сиенгорье, Карстовых пещерах на р. Сим, на Коелгинском мраморном карьере, в гг. Кыштыме и Касли, Сатке и Миассе, в Ильменском заповеднике и селе Кузнецком. Все эти поездки, общение с интересными людьми помогали и в работе.

Особый интерес вызывали, конечно, своеобразные условия погоды, особенности метеорежима, присущие лишь Южному Уралу.

Например, линиям электропередач и связи основной ущерб наносили не отложение гололеда, а зернистая изморозь. В нормативных документах гололед и зернистая изморозь приравниваются друг к другу, но не берется во внимание различие в синоптических условиях формирования, что сказалось на просчетах в проектировании. Обнаружила я эти просчеты, когда вместе с энергетиками разбирала причины аварии в магнитогорских сетях, указала на них специалистам.

Но, пожалуй, самым интересным явлением, определившим на десятилетия мои научные интересы, оказались смоги в Коркинском угольном карьере, расположенным в 40 км к югу от Челябинска.

Начатая по просьбе горняков небольшая исследовательская работа переросла затем в докторскую тему, а результаты докторской работы уже около двух десятков лет используются для метеобеспечения открытых горных разработок, для прогнозирования интенсивности естественного воздухообмена в карьерах и обоснования искусственного воздействия при вентиляции выработок.

В различных изданиях помещено 16 статей как по прогнозу смогов, так и по другим темам (ливни на Южном Урале, суточный ход температуры воздуха в Челябинске, совместно с медиками по метеотропным реакциям кардиобольных).

Вся эта работа проводилась параллельно с основной. Из 30 лет около двадцати я практически не выходила из смен, так как штат все время менялся и только в последние годы он стал более или менее постоянным, к тому же подросли дети, меньше стало больничных. Выросли опытные кадры — Нина Михайловна Федюшина (работает у нас с 1966 года), Надежда Васильевна Постнова (с 1970 года). Готовим себе смену. Сразу 4 техника-синоптика учатся в Ленинградском гидрометинституте заочно. Ежегодно 23 марта в честь Всемирного метеорологического дня приглашаем наших ветеранов на чашку чая. Внимательно и удивленно слушают наша молодежь историю давних дней и давних лет, историю становления синоптической службы в Челябинске.

Приходит Анна Александровна Крылова, проработавшая в Челябинской гидрометслужбе 44 года (пришла в 1938 году восемнадцатилетней девушкой и до самой пенсии, до 1975 года) — ра-

ботала на одном месте техником-синоптиком, а затем еще 7 лет курьером. Отмечая 40-летие ее работы, мы посвятили ей стихи:

«Для тех, кто впервые в «погоду» пришел,
Ваш труд многолетний пусть будет примером.
Живите сто лет, молодейте душой,
Мы Вами гордимся — своим дипкурьером»

Постоянно держат связь и синоптик Надежда Михайловна Медведева, пришедшая работать в 1942 году, и агрометеоролог Валентина Матвеевна Андрушко, прекрасно запомнившая чуть ли не всех специалистов, работавших еще до войны, с 1936 года.

Надо сказать, что в Челябинском центре по гидрометеорологии немало ветеранов труда, работающих после распределения по многу лет в нашем коллективе. Это и Людмила Ивановна Калишева, и Зинаида Алексеевна Жмуцкая, и Надежда Павловна Хитрякова. Все они награждены медалью «Ветеран труда», как и Н. М. Федюшина, Н. В. Постнова. Награждена была такой медалью и я, а в 1986 году новая высокая правительственная награда — орден Трудового Красного Знамени. Это была награда всему коллективу за высокое качество гидрометобеспечения, за активное обслуживание не только предприятий и организаций, но и всего населения Челябинска и Челябинской области.

Кирьянова Екатерина Ивановна —
ветеран труда

После окончания средней школы 5 сентября 1938 года я поступила на работу в Свердловское управление гидрометслужбы (ныне Уралгидромет), вначале работала в бухгалтерии.

С началом Великой Отечественной войны была переведена техником отдела обороны, где ранее прошла подготовку к работе в особый период, а затем перевели меня в штат бюро погоды.

Свердловское управление гидрометслужбы в период войны было в составе Уральского военного округа и являлось его структурным подразделением, т. к. метеорологические данные в военный период были закрытыми с целью исключения возможности использования их врагом.

В октябре 1941 года мы стали вольнонаемными работниками, а 11 октября 1941 года при управлении гидрометслужбы УралВО я приняла торжественно клятвенное обязательство. До сего вре-

мени помню это время — принятия нами обязательства служить одной цели — победе над фашизмом.

По приезду в эвакуацию в г. Свердловск Центрального института прогнозов я работала в его составе до их возвращения в Москву. Была бригадиром смены кодификаторов. Мы вместе с узлом связи обеспечивали инженеров-синоптиков данными на синкарты погоды для обеспечения военной авиации и народного хозяйства. Вместе со мной работали и наши ветераны — Чехомова К. В., Серебренникова У. Н., Кулик А. Г., Шигаева Л. А., Леснова И. С., Балакина З. И. и другие.

После окончания Великой Отечественной войны два года работала в бюро погоды руководителем группы техников.

Техника узла связи после окончания войны была далека от той, которая сейчас, и мы ближайшим подразделениям передавали данные на синкарты по телефонному каналу путем диктовки телеграмм работнику, который наносил эти данные на карту для дальнейшей обработки их синоптиком.

В сентябре 1947 года была переведена в I отдел управления, где и работала до ухода на заслуженный отдых в июне 1986 года.

За время работы в управлении выполняла различные общественные поручения. В 1946—47 годах была секретарем комсомольской организации, затем членом партийного бюро; в течение длительного времени меня выбирали секретарем участковой избирательной комиссии; была депутатом Октябрьского райсовета г. Свердловска и выполняла ряд других поручений.

Следует отметить, что общественная жизнь в управлении ранее была очень бурная, и мы никогда не считались, что у нас нет времени, и все поручения выполняли в нерабочее время. Но и после ухода на заслуженный отдых я по-прежнему выполняю общественные обязанности — являюсь председателем ревкомиссии профкома.

За свой почти 50-летний труд в управлении награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейными медалями, медалью «Ветеран труда», знаком «Отличник гидрометслужбы», имею ряд благодарностей и премий от Госкомгидромета и начальника уральского управления.

Я часто вспоминаю свою молодость, которая прошла в стенах управления, и своих друзей, с некоторыми из них мы до сего времени встречаемся и вспоминаем прожитое трудное, но счастливое время.

Коровин Аркадий Федорович —
красавец, член Союза журналистов СССР

В. А. Батманов в Боярке

Владимира Алексеевича Батманова знает весь образованный мир. Но мало кто знает о его одиссее времен сталинщины. Мы даем только маленький штрих из его двадцатилетнего скитания.

Об улочки деревни Боярки узки и тянутся с полуденной стороны к северу по правому берегу реки Пышмы. Боярка — одно из первых русских поселений на Среднем Урале, возникла около 1660 года. Ее основали кержаки, выходцы с реки Керженец. Почти все жители носят одну фамилию Боярских. Еще с середины XIX века эта полуесенняя деревушка стала подгороднодачной. Например, один из ведущих художников старого Урала Алексей Денисов имел здесь свою дачу и мастерскую, в которой рисовал этюды природы, по заказу местных жителей изготавливая из подслючных и даже цветных камней иконы. Предполагается, что Денисовские картины «Косачинный ток», «Февральский полдень», «Лесная чаша», многие другие этюды и пейзажи написаны именно в Боярке.

В середине нынешнего века с этой деревушкой более десяти лет была связана жизнь известного уральского фенолога Владимира Алексеевича Батманова. В 1952 году в Свердловске вышел «Календарь природы Свердловска и его окрестностей» В. А. Батманова. Отрадно, что родился этот замечательный календарь именно в Боярке. Весь цикл фенологических наблюдений и явлений в природе весною, летом, осенью и зимою выведены из личных наблюдений В. А. Батманова в Боярке за 1944—1952 годы.

При встрече на первой областной конференции по созданию Свердловской областной организации охраны памятников истории и культуры, что проходила в Доме профсоюзов у плотины, в разговоре со мною Владимир Алексеевич сказал: «Я хорошо знаю ваши белоярские леса. Более 10 лет я вынужден был жить в Боярке, и леса служили мне вместо лаборатории. За это тяжелое для меня десятилетие удалось собрать богатейший фенологический материал для «Календаря природы». Я сам боготворю эту книжицу.

Я годами подбирал все, что выходило из-под пера этого ученого. А наследие его богатейшее. Летом 1988 года встретился я с

Михаилом Ивановичем Крыласовым, рабочим Баженовской геофизической экспедиции, от которого удалось узнать многие подробности из отшельнической жизни В. А. Батманова в Боярке.

Как политический ссыльный В. А. Батманов появился в Боярке в 1944 военном году. До 1952 года он и создавал свой «Календарь природы». М. И. Крыласов и есть тот паренек Миша, который тайно уходил с пакетом из Боярки в Мезенку на почту (в пакете -- рукопись Календаря).

Чуть позднее, в 1955 году, в Свердловске вышла книга В. А. Батманова «О том, что не каждый знает», тоже о природе и фенологии, которую он написал в Боярке, используя свои наблюдения над природой. Живя в Боярке, В. А. Батманов систематически и регулярно вел дневник, на основе чего и появилась данная книга. Он писал, например, об оттепели 8—13 марта 1954 года: «Днем температура поднималась выше шуля градусов. 10 марта она достигла 7 градусов тепла. Снег в поле и в лесу заметно увлажнился: зимние дороги и поля начали подниматься над снегом. Кое-где на пригреве, с крутых склонов побежали ручейки. Песчаные дороги местами стали проваливаться. Появились грачи, на стенах изб проснувшиеся мухи».

А вот еще авторское замечание: «В Беляевском районе, например, период весны в 1949 году тянулся двадцать дней, а в 1951 году всего восемь». Любаясь природой, Батманов писал: «Невысокая Беляевская гора, только на несколько десятков метров поднимается она над долиной реки Пышмы, но видно с нее на 10—15 километров».

За свою жизнь В. А. Батманов собрал коллекцию бабочек Среднего Урала, куда вошли около полутора тысяч ее видов. Интересно, что еще в 1924 году он открыл, что из Европы в Сибирь через Урал перебиралась бабочка-капустница, которую сейчас хорошо знают все садоводы и огородники.

Глава, посвященная грибам, написана настолько лирически, иначе не назовешь, как гимн грибу и грибной еде. До настоящего времени для любого агронома настольной книгой служит «Краткий агроклиматический справочник по Свердловской области 1957 года» В. А. Батманова. (Его стоило бы пересиздать).

Владимир Алексеевич Батманов — основатель современного направления в науке о сезонном развитии в природе. Его исследования широко используются в сельском хозяйстве страны, садоводстве. Они вошли в золотой фонд уральского краеведения. Батманов отдал более 50 лет фенологии и за это время написал больше 150 работ, больших и малых. Патриарх фенологии — так его именуют в науке. Доктору Батманову писали в Свердловск со всех концов СССР и мира, видя в нем крупнейшего ученого мирового масштаба.

Родился он 11 декабря 1900 года в Екатеринбурге в семье политического ссыльного народовольца А. Н. Батманова, который был арестован в 1884 году и выселен на 5 лет в Архангелогородскую губернию, затем поселился в Екатеринбурге, где и умер. В Екатеринбурге А. Н. Батманов открыл нотариальную контору, со-заял городскую библиотеку им. Белинского, ныне областную, имел и личную библиотеку в несколько тысяч томов.

В юности, еще реалистом, Владимир увлекся фенологией. Слова «охрана природы» для В. А. Батманова как фенолога были его жизнью и деятельностью. Изучая уральскую природу, он искал пути ее охраны. К 1924 году имя В. А. Батманова было знакомо среди фенологов уже всей России. В двадцатые годы он создал на Урале общественную краеведческую массовую организацию добровольцев фенологов-наблюдателей. К 1930 году количество их выросло до тысячи и составило 60 процентов всех фенологов страны. В 1934 году Батманов опубликовал биоклиматическую карту Урала «Весенное развитие растительности на Урале». Во всем мире не было равной этой карте.

Итак, В. А. Батманов стал создателем новой методики фенологического картографирования не только в СССР, но и в мире. Ему принадлежит учение о методике фенологических наблюдений, что позволяет фиксировать динамику сезонных процессов во времени целиком, а не по случайным фактам.

Еще в юности В. А. Батманов вступил в члены УОЛЕ (Уральское общество любителей естествознания) и до 1928 года возглавлял в нем секцию фенологии.

Так Урал стал пионером фенологии. Еще в 1780 году на Чусовой велись наблюдения над ледоставом и началом весны. В 1811—1826 годах за погодой в Башкирии наблюдал С. Т. Аксаков. Затем краевед А. Ф. Теплоухов собрал такие же данные за 50 лет. После возникновения УОЛЕ с 1870 года эти наблюдения приобрели системный характер. Сгруппировавши целую сеть наблюдателей, УОЛЕ приобрело уже официальное лицо фенологии. Например, в Каменском заводе с 1850 по 1900 год фенологические, погодные данные собрал член УОЛЕ Василий Григорьевич Олесов, заводской служащий, краевед. Его исследования с 1895 года продолжает В.-Дубровская метеостанция.

Сегодня дело Батманова продолжают его ученики. Хорошо известны имена уральских советских фенологов, таких, как М. К. Куприянова, З. Г. Щеникова, Т. И. Кузнецова, Ю. М. Малофеев. Сегодня все советские фенологи работают по методу В. А. Батманова.

Чем же вызвано, что этот выдающийся уральский исследователь погоды и климата в 1944—1958 годах жил в Боярке? В. А. Батманов в 1936 году был незаконно и несправедливо арестован, якобы за вражеские действия. Сослан на Колыму, затем в Магадан.

дан, где он остался без ноги, которую ему ампутировали. Затем его поселили в Шадринске и по просьбе многих свердловских ученых, знающих о ценности исследований и наблюдений В. А. Батманова, ему разрешили жить в пригородной зоне и поселили в Боярку.

Огромный лоб, мягкая волна седых волос, белая борода, лучистые глаза с каким-то лукавым, ясным взглядом, исключительная интеллигентность — таким запомнился нашему поколению краеведов этот патриарх фенологии СССР. Не зная его тяжелой судьбы, не поверив, сколько пришлось пережить этому человеку. Он остался жизнерадостным, общительным.

Столько сделать и так глубоко изучить «берендеево царство», как познал его Батманов, не под силу одному человеку. А он смог!

В условиях ссылки он составил календарь природы Магадана, расчитал увидания иван-чая на Колыме. Умер Владимир Алексеевич Батманов 17 января 1980 года в Свердловске на 80 году жизни, оставил о себе самую теплую память как о человеке и как о редкостном ученом.

М. И. Крыласов вспоминает: «На краю Боярки находилась лесная станция СНИЛОС (Свердловская научно-исследовательская лесная опытная станция). Мои родители работали на этой станции и жили в одной из комнат станции. Когда из Шадринска приехал В. А. Батманов, то его приняли сторожем и устроили на жительство в небольшой комнатке этого здания. В Свердловске жили его отец Алексей Николаевич, сестра Ольга и брат Модест. Мне не раз приходилось исполнять различные поручения Владимира Алексеевича: то рукопись отвезти, то из домашней библиотеки привезти книги. Первым вопросом отца всегда было: «Как там Владимир живет?»

С 1954 года В. А. Батманову разрешили жить в Свердловске, но вскоре опять высыпали в Боярку. При втором возвращении в Боярку Батманов имел должность научного работника Свердловского ботанического сада. Владимир Алексеевич вновь вел в Боярке постоянные наблюдения над фенологическими явлениями в природе. Тот же М. И. Крыласов вспоминает: «На сей раз Батманов поселился на частной квартире у матери — Корнильцевой Марии Ефимовны, у ших и питался. Они заботливо относились к ученному».

Семья Владимир Алексеевич не имел. Один из его братьев, арестованный вместе с ним в 1936 году, погиб на Колыме. Батмановых полностью в 1958 году реабилитировали как незаконно репрессированных. А сколько потеряла наука от того? Долгие годы Батманов вместо научной работы провел на Колыме. Но судьба не сломила его духа. Себя он полностью отдал фенологии. И маленькая пригородная деревенька Боярка не мало сыграла в его жизни как фенолога.

Крымов Константин Николаевич —
пензенский труда

В дополнение к своему повествованию о жизни и многолетнем труде в гидрологии, помещенному в первой книге «История в воспоминаниях», Константин Николаевич прислал свою попытку изобразить в стихах любимую тему.

ЛЕДОХОД

Одно из красивых явлений природы —
НА РЕКАХ ВЕСНОЙ ЛЕДОХОД!
Когда после теплой весенней погоды,
С верховьев взломавшийся тронется лед.
Сверкая изломом и злобно мерцая,
Плынет он по рекам, преграды не знай:
Срывает деревья, срезает кусты,
Ломает, уносит и топит мосты;
И слышны в то время удары глухие,
И грохот, и шелест, и стоны немые.
Громадные льдины, водой обмываясь,
Плыют великаны, безмолвно качаясь.
Плыют величаво, свободно, красиво,
Блестят, улыбаясь, водой обливаясь!
Вот подняло льдину, толчок — и она
Упала, разбилась, под воду ушла;
Остались только осколки от ней,
И больше ничто не напомнит о ней.
Плынут между льдин унесенные бревна,
Деревья с корнями и лежа, и стоя,
Плененные сильным могучим потоком,
Колышатся ветви в стволе одиноком,
Как будто прощаясь, качая ветвями,
Ствол, поднимаясь, не хочет упасть,
Но снова ушел в ледоходную пасть...
Часто бывает льдом лодку сорвет,
Она среди льдин одиноко плывет,
Пробиты бока, затопила вода,
Уж скоро от ней и не будет следа.
Громадные льдины, водой обмываясь,
Плынут молчаливо и важно качаясь.

И так от верховьев, где жил он зимой,
Прощаясь с рекою, плывет он весной.
Идет он лавиною несколько дней,
К устью стремится прибыть поскорей.
Встречает он братьев с притоков широких,
Воют они с ними в сраженьях жестоких,
Толкая друг друга, шепча «Пропусти,
Нам хочется тоже до устья дойти».
В сраженьях за место такое бывает,
Что льдину на берег соперник толкает.
Лишенная братом стихии родной,
Она погибает, оставшись одной.
До устья она никогда не дойдет.
Ослабнет, растает и в землю уйдет.
Она не достигла своего предела,
Не сделав природою данного дела...
Порою плывут и поля ледяные.
Врезаясь краями в изгибы крутыс.
Для льда создается большая преграда,
И образуется мощный затор ледовой,
Теряется здесь силу ледяная лавина.
Но и: надолго такая картина:
Могучим напором срывая затор,
Лед выпускает воду на простор!
Плывет он опять все дальше и дальше,
Уж скорость не та и уклоны упали,
Стало просторнее в русле речном.
Поля ледяные отдельными льдинами стали.
Льдины обтерлись и все потеряли,
И как на параде, спокойно идет
Чистый, сверкающий, блинчатый лед!
Путь их кончается, близится устье,
Скоро закончит он длинный путь,
Но не придется ему отдохнуть:
Выбросит льдины в морскую пучину,
Где и найдут они жизни кончину.

Матвеева Серафима Васильевна — петеран труда

После окончания школы я была твердо уверена в своем выборе — буду энергетиком. Заявление в техникум подано, экзамены сданы. Жду результатов.

Сидим в садике с подругой, решили газету почитать «Уральский рабочий». Читаем объявление: «Открываются 6-месячные курсы метеонаблюдателей при Уральской обсерватории. Учащимся будет выплачиваться стипендия в размере 100 руб.» Мы с подругой переглянулись, я говорю: «Это же здорово, стипендия 100 рублей, да и вообще это так загадочно. Наверное, интересная работа». На другой же день собрали свои документы и отправились на Плещивую гору. Она, эта гора, действительно соответствовала своему названию. Большая территория была занята лесом, кругом сосны прямые, высокие, и только на самой верхушке площадка без растительности. На этой верхушке стояло три дома, два из них впоследствии были соединены, вдали магнитный павильон и рядом метеоплощадка.

Принял у нас документы Жданов Павел Павлович — инспектор-метеоролог, очень симпатичный, добродушный молодой человек лет 30.

Начались занятия. Нашиими учителями были: Александр Петрович Дегтярев — всегда улыбающийся, доброжелательный, таким он остался до конца своих дней; Александр Петрович Дьяконов, Жданов Павел Павлович, Вершинин Михаил Аркадьевич, Лиссев Михаил Владимирович, Ежов Андрей Александрович, Нина Михайловна Бессонова, Александра Ивановна Пермякова. Зав. курсами был Иван Прохорович Добрынин — коммунист с 1917 года. Вечная память этим товарищам, вложившим в дело метеорологии свои знания, свой добросовестный труд.

На этих курсах наблюдателей учились вместе со мной Николай Георгиевич Щелканов, Артёмий Ипполитов, Владимир Армашев, Зинанда Петровна Елькина и другие, всего, наверное, человек 20. Время летело с невероятной быстротой, уже 3 месяца учились на курсах, и вот однажды прихожу домой, а там извещение: «Вы приняты на первый курс энергетического техникума». Боже мой! Бегу к т. Жданову, рассказываю ему, а он говорит: «Вам придется выплатить неустойку». Где же я возьму такие

деньги? У бедных родителей? Вот эти деньги и задержали меня в гиromетрслужбе.

Уже распределение. Куда-то пошлют? Несколько человек остались в управлении и меня в том числе. Я заплакала, говорю, хочу в Саранул. «Да почему?» — спрашивает меня Михаил Аркадьевич Вершинин, старший инженер сектора обработки, член комиссии. А я отвечаю: «Потому, что туда едет (как ее фамилия не помню, но девица, которая прошла огонь и воду)». Михаил Аркадьевич полуотцовски отнесся ко мне. Он резонно сказал: «Будешь работать в секторе климатологии».

Впоследствии я очень была благодарна Михаилу Аркадьевичу. Был он очень суровым, требовательным. В секторе обработки была наименее строгая дисциплина. Позднее я ближе узнала Михаила Аркадьевича (после Ленинградских курсов, которые были в 1939 г., я работала под его руководством).

Первый рабочий день кончился. Я счастливая шла домой. Во-первых, сознанием, что теперь могу помогать семье, во-вторых, и работа меня увлекла, а главное — у меня такая обаятельная начальница, у нее приятный, ласковый голос, она так меня приветливо встретила, так просто и понятно объяснила мою работу. Одним словом, все во мне ликовало.

Начальница моя была среднего роста, стройная, с длинной толстойрусой косой, которую забирала в красивый узел, и было ей всего 29 лет. Я к ней питала большую симпатию и думаю, что не ошибаюсь, если скажу, что это было взаимно. Уважение друг к другу мы пронесли через всю жизнь. Это была Александра Ивановна Пермякова, она находила к нам, молодежи, подход. Была строга на работе, но это нам не мешало ее искренне уважать. Она научила нас трудиться добросовестно, честно и с бережливостью. Готовили материал для первого климатического справочника. Однажды приходил на работу Александра Ивановна, такая изумленная, говорит: «Смотрите, девочки, летописи мокнут под дождем. Их выбросили под навес, где ветер их треплет и дождь мочит». Не помню, кто распорядился так по-варварски выбросить такой ценнейший материал. И мы, девчонки, — Раи Смертина, Зина Кац, Сима Матвеева — со своей начальницей в дождь спасали эти летописи, собирали некоторые буквально по листочкам, раскиданным по всему двору. Сушили на солнце, часть подклеивали, а потом носили в шкафы, которые с трудом выхлопотала Александра Ивановна. Мы были рады, что наконец-то собрали год за годом все летописи. В дальнейшем нам пришлось много с ними работать. Недавно я читала журнал, и вот там удалось прочитать следующее.

Из рассказа русских летописей

Первый дошедший до нас метеорологический трактат «Слово о падре» в «Русские хронограммы» (22 тома русских летописей) стали предметом изучения Главной геофизической обсерватории им. А. Н. Весникова.

В результате был составлен тысячелетний «справочник» (742—1914 г.) экстремальных природных явлений. Ученые проанализировали данные о более чем 350 засухах, 200 дождливых летних сезонах, 300 чрезвычайно холодных зимах, 185 эпидемиях, 160 землетрясениях и 350 голодных годах в России. Судя по летописям, климат Древней Руси был сравнительно теплым.

Для XVII и XVIII веков характерны суровые зимы, а с серединой XIX столетия начинается потепление.

(Журнал «Наука и религия», № 12, 1988 г., стр. 13)

Вероятно, и мы не напрасно потрудились, сохранив те материалы наблюдений.

Жизнь тогда была трудной. В стране решалась материальная проблема. Страна переживала кризис во всем, как в продуктах, так и в промышленных товарах. Жилось очень трудно, мы были рады куску хлеба. Заберемся, бывало, в нерерыв мы с Раей Смертиной (Добринской) на вышку, где были установлены актинометрические приборы, достанем по куску черного хлеба с солью, запиваем водой, а сами фантазируем. Рая говорит: «Не стесняйся, бери колбасу и ешь сколько хочешь, да сырь бери». А я ей: «Понюхай, как пахнет, аромат-то какой». Вот так и находимся от души и кажется, что мы действительно очень сытно поели.

Хочу сказать, что в то время в управлении была ужасная теснота. Комнатки были маленькие, сидели очень уплотненно. Если хочешь причесаться, неизбежно ты и соседа причесашь. Возможно, я утрирую, но что-то близкое к этому было. Работали в две смены.

В правой стороне здания, где размещался отдел метеорологии и гидрологии в последние годы, в 1936 году находился отдел гидрологии и климата. Там была отгорожена небольшая комната, где стояли два шкафа с летописями, стол и два стула. За одним столом сидели двое. В этом закуточке работали техник актинометрической группы Лена Поздеева и я. Однажды сидим, работаем, и вдруг я чувствую, что меня кто-то взял двумя пальчиками прямо под коленом и сжимает до боли. Я замерла от боли и возмущения. У меня промелькнула мысль, что я этому «нахалу» дам по роже. Повернулась — а никого нет. Я приподняла платье — о ужас! — огромная крыса, задними лапами стоит на полу, а передними сжимает мне под коленом. Я закричала от ужаса и, видимо, дернула ногу, крыса подпрыгнула прямо на стол. Лене в лицо. Кричали мы в один голос, как говорят, «мертвых можно поднять». Своим видом испугали всех собравшихся на крик сотрудников, не знавших причины нашей истерики. Мы с ней кричали несколько минут, а потом заплакали. Только по истечении какого-то времени стоял сплошной смех.

Посмеяться мы любили, молодежи в то время было много, а где молодежь, там и жизнь, любовь и разочарование.

Я очень подружилась с Соней Рыбаковой (Софьей Федоровной Силиной). С первых дней знакомства нас, как магнитом, тянуло друг к другу. Мы с ней были комсомолки-активистки.

Комсомольцы всегда и везде первые, чего бы это ни касалось: строительство Уралмаша, управленческие вечера, строительство трамвайной дороги, коллективный поход в театр, самодеятельность, западные танцы, раскулачивание, чистка партии, которая проходила в 1936 г. в здании облэо (областной земельный отдел). Комсомольцы были на переднем плане. Присутствие наше было обязательным. По молодости как-то несерьезно это все воспринималось. нам было по 18 лет, возраст любви. Такие серьезные дела, как чистка партии, плохо до нас доходили. Но я помню, называли фамилию, просили рассказать, где родился, где учился, как женился, сколько детей накопил (народил). После этого задавали вопросы. Видно было, что люди волновались, краснели, потели. Просили высказаться, кто что знает об этом человеке хорошего, плохого. Одного партнicha обвинили в том, что он плохо работает с женой: она у него ходит нарядной, как буржуяка, даже часы купила. Другого обвинили в том, что он по работе не выдвигается. Время стерло из памяти было. Вернувшись к более ранним годам. В то далекое время (30-е годы) работали практики, людей образованных было мало, можно было, как говорится, по пальцам всех пересчитать. На сети большинство работали малограмотные и малокультурные люди. На одну из метеостанций (не помню название) послали фонарь, название которого «летучая мышь». Получаем письмо от наблюдателя, где он сообщает, что фонарь получил, а «летучей мыши» не обнаружил. Метеорологические таблицы приходили разрисованные куличками, яйцами, бутылками и написано поздравление с рождеством христовым. В 1934 году была реорганизация областей. В числе командированных в Челябинскую область и мы с Соней Рыбаковой — комсомольский авангард. Начались сборы, собирались очень основательно. Начальник управления в то время был Барышников Матвей Андреевич, очень милый человек, помню, как он нас, комсомольцев, на-путствовал перед дорогой.

Расскажу одну смешную историю. Однажды мы ехали в одном вагоне трамвая с начальником управления Барышниковым Матвеем Андреевичем и, когда вышли из трамвая, он оказался впереди нас. Моя подруга Зина Елькина, которая была неравнодушна к начальству, решила его догнать и поприветствовать, схватила меня за руку и потащила. Когда мы с ним поравнялись, она, по-видимому, от волнения забыла его отчество, и у нее получилось так: «Ах! Здравствуйте, Матвей... в одном вагоне ехали». Мы с ней

оцепенели, а он похлопал ее по плечу: «В одном вагоне, в одном, мила дочь».

Мы его очень уважали за его доброту и внимание, с каким он относился к молодежи.

В Челябинск поехали начальник управления т. Руденко (забыла имя, отчество), Шумский Степан Иосифович — гидролог, в то время комсомолец, Лилеев Михаил Владимирович — инспектор-метеоролог, Гусева (Лилеева) Галина Афанасьевна — синоптик, Клещева Екатерина Ивановна — синоптик, Костромина Мария Гавриловна — метеоролог, Рыбакова Софья Федоровна — метеоролог, Матвеева Серафима Васильевна — климатолог и другие.

Хорошую, добрую память о себе оставил Ежов Андрей Александрович, в то время комсомолец, очень серьезный и деловой человек, можно было его назвать комсомольским вожаком, без него ничего не обходилось. Мы всегда и во всем были с ним солидарны,казалось, что он читает наши мысли. В наших «затеях» он тоже участвовал и любил повеселиться.

Свободное время проводили очень весело. В управлении был организован драмкружок, руководителем был Петров — гидролог, в прошлом артист. Мы с увлечением принялись разучивать роли, выходило плохо, но доставляло нам большое удовольствие. Ставили водевиль «Медведь» по Чехову, главные роли исполняли Александра Ивановна Пермякова (нач. сектора климата) и Соколовский-гидролог, начальник отдела. Как-то на репетиции Соколовский сказал: «Александра Ивановна, я Вас по-настоящему буду целовать». А она: «Только посмеяйте». Соколовский выполнил свое желание (на сцене получилась «драка»). Этот шаг был поводом к скане, и отношения их испортились окончательно. Ставили «Мазепу», гетманом был Ежов А. А., Марию играла Зельц Галина Александровна. Собирались на литературные читки, руководителем был Захаров Борис Никифорович (нач. отдела сети). Слушателями были Ксенофонтов А. И., Корешков С. А., Зельц Г. А., Ежов А. А., Рыбакова С. Ф., Матвеева С. В. и другие. Помню, мы ставили пьесу о Парижской коммуне, где Зинаида Григорьевна Кац играла роль пажа. Зиночка Кац в то время была очень изящной девушкой. Раиса Григорьевна Добринская была Матильдой, Софья Федоровна Рыбакова играла Изольду, я — Клотильду. На сцену выходили под бурные аплодисменты. Одно время из ТЮЗа привлекли артистку руководить нашим драмкружком. Она — Галина Алексеевна, дочь нашего сотрудника Ксенофонтова Алексея Ивановича от первого брака. Очень красивая женщина. Отца она называла только по фамилии. Однажды в присутствии всех она высмеяла одного молодого человека, объяснившегося ей в любви. Дело чуть не обернулось трагедией, не буду называть его фамилии. Я тоже была влюблена в Галину Алексеевну, и мне хотелось чем-нибудь быть на нее похожей. Я купила точно такую же шляпу,

как у нее, и мне казалось, что она очень мне к лицу. Большой, желтый бархатный берет, да еще с пером. Пришла на работу, пошла ко мне Ежов А. и сказал: «Сними эту шляпу и больше ее надевай». Просто оншеломил меня, но я послушалась. Я хочу этим подчеркнуть, какие дружеские были у нас отношения.

А какие были вечера, между прочим, это были по-настоящему праздниками! Ждали такого дня молодые и постарше. Синектаки, волшебные фонари, танцы... Была атмосфера дружбы и уважения. К учебе у нас была большая тяга, но это упиралось в материальную проблему, уж очень мы бедно жили. Но самые смелые из нас оказались комсомолки Зина Елькина и Вера Еремина, они поехали сдавать экзамены в гидрометтеинкум. Экзамены сдали, а вот как жить? Стипендию не выдавали, от родителей — ждать было нечего, а голодный желудок требовал пищи. И вот Зина и Вера пошли воровать картошку, которую еще днем заметили в углу двора вблизи от общежития. Выскочили в одних ночных рубашках и только набрали картошки, как их тут «застукали» милиционер и попал по главному проспекту с картошкой в подоле, они плакали. Сжался милиционер, отпустил их, и у а картошку взял себе. Приехали обратно «не солено хлебавши».

В 1936 г. при начале юбилея управления т. Березине И. К. отмечали 100-летний юбилей обсерватории. Приготовлений было много, чертили диаграммы, писали плакаты, строили макеты, экспонаты. Все это было установлено в здании филармонии, где проходил банкет, все было организовано на высшем уровне.

Год 1937 был очень страшным и тяжелым годом. На здании горсовета висел плакат «Возьмем врагов Советской власти в ежовые рукавицы». В то время председателем народного комиссариата внутренних дел был Н. И. Ежов, ставленник И. В. Сталина, и действительно, началось...

В управление, как ураган, ворвался Михайлов — зам. нач. Главного управления гидрометслужбы и пошел чистить всех подряд. Можно сказать, основные кадры были разогнаны. Александру Ивановну Пермякову попросили уйти с работы по собственному желанию только потому, что она выступила в защиту сотрудницы своего отдела ст. инженера Софии Ниловны Ничкевич и ее мужа, начальника отдела сети Бориса Никифоровича Захарова. Их включили в список «врагов народа». И даже придрались к Сергею Ивановичу Мартынову за то, что он помог «врагу народа» Софье Ниловне нести ее сумочку с продуктами с базара. А мы все молчали, было очень странно и исполнительно.

Этого Михайлов собирали всякую ложь, а откуда он ее брал? Значит, в наших рядах были агенты, которые старались выслушаться. Позднее некоторые из сотрудников восстанавливались на работу через суд, а было уволено человек 30.

Начальником управления тогда был Суслов Георгий Иванович, его первой женой была Александра Николаевна Коробкова.

В конце апреля 1939 г. я уехала в Ленинград на курсы повышения квалификации при Главной геофизической обсерватории. Группа наша состояла из метеорологов по обработке наблюдений и инспекторов метеостанции, учившись по одной программе. Всего нас было 53 человека из всех управлений — 28 человек обрабочиков и 25 инспекторов. Вернулась в управление я после октябрьских торжеств с удостоверением, что могу работать специалистом по обработке метеорологических наблюдений. Меня определили в сектор обработки метеонаблюдений к Михаилу Аркадьевичу Вершинину. Итак, я стала работать под руководством Вершинина и учила его доброе сердце и улыбку, которую он прятал в своих длинных усах (умер он в 67 лет).

22 июня 1941 г. Война... Ужас обуял всех. Все в прошлом, все мечты рухнули... что будет?

Мужья ушли на фронт, мы остались с детьми на голодном пайке. Подсобного хозяйства тогда ни у кого не было. К этому времени на горе красавицы сосны вырубили, сказали, что завелся вредный жук и надо этот лес убрать. На этом месте разбили участок, где сажали картошку, а картошка на целине родилась на радость всем, «как поросняк».

21.IX.41 г. — меня перевели в первый сектор. Все секретно, все зашифровано. День и ночь в две смены работали, работать надо было быстро, внимательно.

Наши парни, молодые люди, еще не жившие по-человечески, получали повестки, скромно собирались и уходили на фронт. Прощдов не было, тороп спустилось на всех неотвратимо. Так ушел Вершинин Филипп Антонович — зам. начальника управления, Володя Арамишев — метеоролог, Пласкоев — гидролог и многие, многие, которых мы уже больше не видели. Силин Федор Михайлович родился под счастливой звездой — вернулся. Он нам писал: Держитесь, война затяжная».

Много погибло друзей, товарищей за наше счастье.

В конце 1942 года, 25 ноября, я вынуждена была просить уволиться, так как с фронта вернулся больной муж, которому врачи посоветовали свежий воздух и тишину. У него часто было обморочное состояние. Но уволиться мне не удалось. Начальник сети Михаил Игнатьевич Ильинич не хотел меня увольнять, и я убежала, скрылась. Меня разыскивали, чтобы судить. Стулова — инспектор сектора кадров несколько раз приходила к моим родителям и находила спрятки, где я могу находиться. В войну очень строго судили. Потом обо мне забыли. А может быть, меня спасло то, что начальником кадров тогда была Борисова Наталья Ивановна, которая мне симпатизировала и не хотела, чтобы меня судили. Только в 1949 г. я вернулась в управление, в отдел метео-

рологии, в должности старшего техника. В отделе к тому времени были уже молодые образованные инженеры.

Много лет я работала со старшим инженером отдела метеорологии Софьей Гдалевной Луцкиной в группе по подготовке к печати Ежегодников. Много полезного от нее получила и была очень благодарна ей и всем молодым инженерам, с которыми мне приходилось работать, за доброжелательное ко мне отношение.

Работать мне удалось с Минчуриной Валентиной Николаевной, Тараможениной Валентиной Александровной, Серебряковой Риммой Николаевной. По до конца (до пенсии) отделу метеорологии была верна Римма Николаевна Серебрякова.

С большой теплотой вспоминаю ст. инженера-синоптика Пономарева Мануила Дмитриевича.

В гидрометслужбе я проработала 32 года. Моя трудовая книжка полна благодарностей.

Я уже писала, что муж вернулся с фронта больным, надо было для укрепления его здоровья выехать в сельскую местность. Да и семью, состоящую из 6 человек, надо было поддерживать. Муж устроился работать в лесничество. Это было в 1943 г. Однажды ночью стук в дверь. Муж пошел открывать. Кто там? (Как всегда первый вопрос). Слышит: «Откройте. Охотники. Пустите переночевать». Вошли трое, муж заспятил лампу. Я услышала какую-то возню, взгласы и ужасно перешугалась. Выскакиваю в кухню ишужу своего Леонида в объятиях мужчины, оказывается, они в первые дни войны вместе уезжали на фронт, у этого друга в бою выбило глаз. Много вопросов, воспоминаний и удивлений. Этот товарищ предложил моему мужу перейти на работу в охотовхозяйство при УралВО. Осенью 1944 г. наша семья переехала на приписаное хозяйство УралВО оз. Шугуняк, где муж стал начальником этого хозяйства. Озеро Шугуняк Челябинской области и леса на его берегах в 40-е годы было очень богато дичью. Приезжали охотиться только военные по путевкам.

Было это осенью 1948 г. Приезжает на хозяйство майор Борис Семенович Мухачев (он председатель окружного совета военных охотников) и говорит, что нам надо готовиться к встрече маршала Г. К. Жукова. У нас дрожь по телу... Ну, как всегда, при ожидании гостей начинается капитальная уборка. Кругом флаги, вплоть до самой пристани. Большой плакат «Добро пожаловать!».

Леониду Павловичу Колпакову (так звать моего мужа) вручили приказ, что ему лично поручается сопровождать на охоте маршала Жукова. Приказ за подписью председателя окружного совета Б. С. Мухачева. Наша семья и друзья очень переживали за благополучный исход. Озеро трехметровой глубины, и было много неприятных случаев.

Долгожданный день настал. Смотрим: пыль клубится, идет машина. У нас сердце замирает. Вышел военный, сказал, что через

несколько минут прибудет маршал. Подъехала машина прямо к веранде, вышел Георгий Константинович, поздоровался, и вспышки как рукой сняло. Все военные-охотники высыпали на веранду. Начались непринужденные разговоры. Все подошли к схематическому плану, где были указаны перелеты уток. Товарищи тыкали пальцем, указывали, кто куда на какой плес поедет.

Погода портилась, налетал порывистый ветер. Снать не хотелось, но надо себя заставить уснуть. Зорька начиналась рано в 2 часа ночи. Леонид Павлович отрекомендовался маршалу. «Значит — утром буди», — сказал Георгий Константинович. В 2 часа ночи Леонид (напивший) хотел, как договорились, будить маршала, но не тут-то было. Альтютаев сказал: «Будить не будем, не положено». Георгий Константинович после этого проснулся через полчасика и дал разгон: «Что я снять сюда приехал?» Подал Леониду чемоданчик и спросил: «Где новое ружье?» Леонид ответил: «Запрещено». — «Иди, возьми». И вот они в лодке. Еще кое-кто пожелал охотиться на озере, а большинство ушли на «слывки». Боялись и страховали себя. Озеро большое, камышовое. При таком свирепом ветре лодку было двигать очень трудно. Дичь в такую погоду вся попряталась, ее надо было кому-то поднимать, а охотников на озере почти не было. Маршал начал подшучивать: «Ну, где же ваши хваленые утки?» Колпаков молчал весь в поту. Он знал, где они гнездятся, но туда плыть очень рискованно, лодку может опрокинуть этот бешеный ветер. Леонид сказал маршалу о своей обеспокоенности. Тогда Георгий Константинович спросил его: «А ты, парень, на фронте был? Ну, значит, все преграды преодолеем». С большим трудом, пока стоял наветренной стороной, удалось выбраться на большой плес, где отдыхали утки и прятались от ветра. А уток было видимо-невидимо. Маршал сказал: «Вот это да! Целый базар, а у меня мысль мелькнула — закрыть ваше хваленое хозяйство». Георгий Константинович был очень страстным охотником. Он на время забыл все на свете и не думал об опасности. Леониду приходилось все время лавировать, чтобы не опрокинуться.

Удовольствие было получено преогромнейшее.

Подъехали к пристани. У охотников было по 2—3 утки. Маршал отбросил брезент, а там красавицы утки всех пород. «Оставьте мне десяток», — сказал Георгий Константинович. — А остальное вам, чтобы женушки не ругались». Твердой походкой пошел к дому приезжих.

Я очень хотела с вами поделиться, дорогие товарищи, тем, что я видела маршала Жукова на расстоянии трех шагов. Еще хочу сказать, что он посмеялся над таким большим количеством флаглов и сказал: «Я понимаю, что это все для меня».

Муж, работая в тресте Уралспецстроя, получил в г. Свердловске благоустроенную квартиру, это было в мае 1960 г.

1961 год решили встретить всем коллективом отдела метеорологии вместе с мужьями и женами.

Началась подготовка. Нашиими снабженцами были инженеры отдела метеорологии Е. П. Милославская и А. С. Сурина, в то время уже пенсионеры. Одна комната была празднично украшена, кругом елки, падает снежок, собираются гости, идут в зал ожидания уже в масках, полумасках, в платочках, шляпках. Гости друг друга не узнают, спрашивают, кто куда сел, знакомятся. Кто с чем, все с какой-нибудь покладкой: корзинки, чемоданы, узлы, зонты. Софье Глалевне Лункиной (ст. инженер отдела) досталась большая заплеснутая, как ребенок, кукла. Она приняла это за насмешку, но вовремя подошел ее муж Богатырев Г. Д. (бывший ведущий краистера «Афорора») и сказал: «Соня, как хорошо, как красива ты с ребенком». И Соня заулыбалась. Собирались гости, но некоторые с небольшим опозданием. Приходилось объявлять, что несетчал погола и вылет самолета задерживается. Много смеха. Но вот все в сборе, надо открывать ресторан, который закрыт на небольшой амбарный замок с цепью. Прибегает директор ресторана (Лыжина Тамара Васильевна). Такое надо было видеть. Ее никто не чищает. Она в больших серых подшитых валенках, в шароварах, в белом кителе с огромными карманами, в которые католками рюмки, стаканчики, из другого кармана торчит колбаса, на голове белый колпак и очень смешно выделяется большой красный нос. Директор извиняется за опоздание и говорит, что всем надо, тетке — надо, знакомым — надо. Открывается со звоном замок, чуть приоткрывается дверь — и на глазах у всех юркнул в ресторан Арсений Николаевич Мальцев. Общий шум, смех. Плутышку вытаскивают. Становится жиная очередь. Маски сняты, узлы в уголочке.

В 9 часов вечера садимся за праздничный стол. На эту пропедику отпущен 1 час. Все по программе, но о ней никто не подозревает. Через час приглашаются все из художественное представление, тут разыгрываются разные сценки. Много веселья, смеха. Все передут себя раскованно, каждый выносит что-то свое.

И такие мужчины, как Арсений Николаевич Мальцев, Григорий Леонтьевич Полганов, Михаил Павлович Мицурин, Павел Иванович Лыжин, Юрий Александрович Серебряков, Иван Павлович Кузнецов, Леонид Павлович Колпаков, Василий Никитович Кулик и наш постоянный Дед Мороз — Петр Кронидович Тарамженин, преображаются из серьезных, какими мы их видели каждый день, в шаловливых мальчиков. Это прелесты! Раскрываются чудесные способности перевоплощения.

Вот выходят исполнители «Танца маленьких лебедей», как говорится, «косая сажень в плечах». Смех до слез! Исполняют танец Павел Иванович Лыжин и Михаил Павлович Мицурин.

На доморощенных артистов смотреть интересное.

Приглашение к столу. Время 23 часа — поздравления и пожелания на Новый год.

Около 2—3 часов ночи начинается маскарадный парад. Костюмы для маскарада мы брали в управлении с разрешения председателя МК Адриана Яковлевича Майзенберга, который всячески старался нам помочь.

Репетиции после работы устраивали в кабинете Петра Крониновича.

Таким образом в течение 4-х лет мы встречали Новый год коллективом отдела метеорологии, приглашали гостей из других отделов. На наших вечерах были Капитолина Федоровна Строгина с мужем, Аида Григорьевна Кулик с мужем.

Я описала очень коротко один из наших вечеров, которые кончались в 7—8 утра. Сейчас, по истечении многих лет, когда мы стали бабушками и дедушками, особенно с искренней теплотой вспоминаются наши молодые годы. Мы постарели, но душа наша осталась молодыми, и сейчас в такие лета хочется встремиться. По инициативе Надежды Яковлевны Дмитриевой и Валентины Григорьевны Черказьяновой в 1980 г. был собран первый «симпозиум» ветеранов труда на квартире Сергея Ивановича Мартынова. Предварительно была заготовлена анкета с вопросами, на которые приглашенные на «симпозиум» должны были ответить. Вот где поистине открылись таланты, так виртуозно было отвечено на вопросы. В. Г. Черказьянова читала стихи собственного сочинения, а мы и не знали, что у нее такие способности. Устраивали лотереи, награждали грамотами за лучшие ответы на анкету, за торты, за хорошее самодельное вино, за закуски. Ведь женщины такие искусницы.

Николай Николаевич Подгайский веселился, как юноша, с прекрасным настроением принимал всю программу.

Собирались мы три раза и каждый раз с новой программой.

Присутствующие на вечерах: Н. Я. Дмитриева, С. И. Мартынов, Н. И. Подгайский, Е. А. Черницкая, В. К. Черказьянова, Е. И. Кирьянова, П. К. Тарамженин, А. Л. Подгайская, З. А. Жильцова, З. Г. Кац, Е. П. Милославская, А. Д. Уласович, Т. В. Дыжина, В. А. Тарамженина, С. В. Матвеева, И. Г. Качева, А. Я. Майзенберг, А. А. Воробьева, М. Ф. Челлан, Р. Н. Сребрякова, Л. П. Колпаков, С. Г. Лушкина, С. А. Лебедев, У. Н. Сребренников, М. Г. Летцина, Н. Д. Степанов, А. Г. Кулик, Л. А. Санакоева, О. И. Флакова, В. П. Овчинникова, В. А. Зыкова, Г. А. Зельц.

Возраст и болезни унесли из наших рядов уже многих дорогих товарищей, но светлая память о них остается в наших сердцах.

Хочется пожелать нашей молодежи много счастливых дней.
Мы с Колпаковым Л. П. в августе 1989 г. отметили золотую
свадьбу.

**Мичурин Валерия Николаевна —
ветеран труда**

В августе 1952 г. после окончания Воронежского госуниверситета была направлена на работу в г. Свердловск. Дорога от Москвы была долгой, а леса за окном вагона казались премудрими.

В Свердловском управлении гидрометслужбы на работу меня определял Лебедев С. А., замещавший начальника отдела сети станций управления. 14 августа я приступила к работе в отделе изучения метеорологического режима, где начальником был Кузнецов И. П. Отдел размещался в комнате № 7, народу там сидело много, и половину комнаты занимали гидрологи. В отделе, особенно во время приезда людей с сети, было шумно и много народа.

Первыми моими наставниками были опытные специалисты Милославская Е. П. и Сурикова А. С., а я была в отделе первым инженером с высшим образованием.

В конце 1954 года меня направили в г. Ленинград на 2-месячные курсы редакторов при Главной геофизической обсерватории им. А. И. Всевикова после окончания которых мне было присвоено звание ответственного редактора по подготовке Ежегодников.

В это послевоенное время нам пришлось поднимать «залежи» — материал, накопившийся во время войны, требующий проверки, критпросмотра и подготовки к опубликованию. Это были материалы по снежному покрову; солнечному сиянию, плювиографу и др. За время подготовки материалов за старые годы с какими только таблицами нам не приходилось встречаться. Нельзя без смеха вспоминать таблицы наблюдений на посту, наблюдатель которого непременно поддавался «ухажеру за дождеметром».

Во второй половине 50-х — начале 60 годов шла интенсивная подготовка к изданию Ежегодников за 1936—1960 гг., так что работы было много. С 1961 года начал осуществляться выпуск Метеорологических ежемесячников, первыми редакторами которых были мы с Луцкиной С. Г. Надо сказать, что дисциплина бы-

ла очень строгая, особенно 50-е годы — сталинские времена с его почти аракчеевским режимом.

Вспоминается добрым словом Мартынов С. И., с которым я поехала в первую инспекцию станции Кузино. Позже, будучи директором Свердловской гидрометеорологической обсерватории, Мартынов С. И. живо интересовался и направляя наши первые шаги в научно-исследовательских разработках.

Именно в отделе изучения метеорологического режима я начала заниматься исследованием особенностей снежного режима бассейна р. Тобол, а потом тепловым режимом земляного полотна ж.-л. линии Ираль—Обь.

Результаты исследований по снежному покрову были доложены на Всесоюзной конференции по физике снега, снежному покрову и лавинам (г. Нальчик) в 1968 году с последующим опубликованием в Трудах ВГИ, а по тепловому режиму на Всесоюзной конференции в 1973 году (г. Свердловск) с опубликованием в Трудах ЦНИИ МПС. Интересной была не только работа, но и общественная жизнь УГМС. Какие вечера проводились в комната № 7, когда столы и стулья в сторону и комната превращалась в праздничный зал! А как весело отмечали в отделе дни рождения, праздники, то чего же были горды на выдумки наши коллеги Матвеева С. В. и Лихинина Т. В. В ноябре 1968 года я перешла на работу в бюро расчетов и сплавок (БРиС) того же управления, возглавляемое Силиним Ф. М., в отдел метеорологических исследований и расчетов. Это была пора расцвета БРиС. Энергичный и неутомимый Федор Михайлович Силин создал отдел с большим и разносторонним объемом работ, такой был размах деятельности! Казалось, не было такой отрасли, которую бы ни обслуживал БРиС. — авиация, энергетика, автомобильный и ж.-д. транспорт, сельское хозяйство, горноподъемные разработки, нефтяные и газовые промыслы. Работа в БРиС была очень интересной и разнообразной. Чем только не пришлось заниматься за годы работы — это и разработка карт гололедных и ветровых нагрузок Урала и Тюменской области, изучение эффективности конструкции лесных полос на снегозаносность автодорог, изучение теплового режима земляного полотна Южноуральской, Свердловской и Куйбышевской железных дорог, проведение микроклиматических съемок на полях совхозов и в крупных комплексах (г. Березники), исследование микроклимата карьеров и др.

Так да пройдет 25 лет БРиС систематически занимался разработкой и уточнением региональных карт нормативных гололедных нагрузок Урала и Тюменской области, которые используются при проектировании и эксплуатации ЛЭП и повышают надежность и качество энергоснабжения. Отсутствие таких карт в прошлом приводило к серьезным и многочисленным поврежде-

ниям и авариям на линиях электропередачи и связи из-за проскитирования их по зараженным районам гололедности.

Изучение теплового режима земляного полотна и особенностей условий промерзания грунтов на Свердловской железной дороге и линии Ивдель—Обь были использованы ЦНИИ МПС при разработке противопучинных мероприятий.

Таким образом, все наши разработки представляли не только научный интерес, но находили практическое применение в народном хозяйстве. В БРиСе умели не только интересно трудиться, но и весело отдыхать. Коллектив всегда был дружный, жизнерадостный. Какие вечера, какие незабываемые праздники устраивали!

Еще работая в Свердловской ГМО, в 1967 году я была избрана депутатом Октябрьского районного Совета народных депутатов и до 1985 года являлась депутатом (избиралась на 9 созывов).

В 1970 году награждена юбилейной медалью «За доблестный труд».

В 1971 году награждена знаком «Отличник гидрометслужбы СССР», в 1981 году — медалью «За трудовую доблесть», в 1984 году — бронзовой медалью ВДНХ за достижения в области народного хозяйства и медалью «Ветеран труда».

В 1984 году мне была назначена персональная пенсия, но жизнь продолжается, и хочется еще творить и приносить пользу.

•Нежиховский Meer Фроймович —
ветеран труда

50 лет в практической гидрологии

Советской гидрометеорологической службе как единой структуре около 70 лет.

Содержание и формы ее работы, успехи и трудности в области практической гидрологии на Урале хорошо знаю за последние 50 лет. Я был активным участником, заинтересованным свидетелем многих событий. Кроме того, последние 35 лет я был по характеру своей работы потребителем гидрологической продукции и непосредственным участником проектирования водохозяйственных сооружений для систем внешнего водоснабжения и канализации.

Тридцатые годы... В стране идет создание единой сети гидрометеорологических станций и постов, ранее находившихся в веде-

или разных ведомств (мелиорация, гидроэнергетика, транспорт и др.). Большинство ведомственных постов — уровненные. Требуются приборы, оборудование и устройство гидрометрических станций и створов и квалифицированное изучение стока воды, паводков и качества воды. Нужны инженеры и техники-профессионалы по гидрологии.

В Ленинградском, Московском и Казанском университетах начали выпуск географов-гидрологов. В 1930—32 гг. в Москве и Харькове на базе университетов организуются инженерно-гидрометеорологические институты. В эти годы проявляется повышенный интерес среди молодежи к гидрометеорологическим специальностям. Это было вызвано успехами в авиации, в освоении северных морских путей, в гидротехническом строительстве.

В 1939 г. в третьем выпуске Харьковского инженерно-гидрометеорологического института я стал инженером-гидрологом сущ. Я получил хорошее по тому времени профессиональное образование, слушая лекции Чеботарева Н. П., Аполлова Б. Д., гидрометрическая практика под руководством Соломенцева В. Я., гидрологические расчеты и прогнозы в гидрологическом институте под руководством Львовича М. И., Воскресенского К. П.

Начинаю работать в Свердловском управлении гидрометслужбы в секторе гидрологических прогнозов и информаций. Первым прогнозистом в УГМС был Северов, впоследствии профессор МГУ. Во второй половине тридцатых годов ведущим специалистом была Змиева Е. С. (мой учитель), впоследствии доктор географических наук в Гидрометцентре СССР. Я вместе с ветераном сектора Калининой Н. В. составляю первые режимные характеристики по рекам Урала.

Тридцатые годы на Урале характеризуются исключительным маловодьем рек: продолжительность периода около 10 лет, годовой сток в 3—4 раза ниже нормы. Это вызвало затруднения в судоходстве и сплаве леса. Именно этим объясняется, что большинство потребителей гидрологических прогнозов и информации в тридцатых годах — это технические службы путей судоходства и лесосплавных рек.

С 1939 г. начинаются мои личные контакты с потребителями гидрологических прогнозов и информаций. Я узнал, что прогнозы минимальных летних уровней используются путеплавцами и сплавщиками для планирования сроков и объема дноуглубительных и берегоукрепительных работ, сроков и объемов лесосплава.

Много заявок поступало в конце 30-х годов от местных исполнительных органов, промышленных предприятий на прогнозы и информацию меженного стока малых рек — источников водоснабжения. В 1939 г. мне было поручено вместе с молодыми специалистами Гап-

левской Н. Я., Камеристым И. В. организовать регулярное обеспечение этих потребителей.

Сороковые годы... В первой половине периода я военный гидролог. Выполняю ряд задачий военного командования. Расскажу о наиболее важных.

Зимой 1941—42, 1942—43 гг. составляли по заданию штаба УралВО многолетние и текущие характеристики (включая прогнозы) ледяного покрова некоторых озер для временных аэродромов и рек для перевозки военной техники. Весной и осенью 1943—44 гг. я проводил по заданию штаба Волжской военной флотилии реконносцировочные обследования ледяного покрова с самолета для расчистки от льда некоторых участков реки Камы. Весной 1945 г. по заданию ГУГМС (заявка Минвоенморфлота) я сопровождал и обслуживал командование отряда подводных лодок, которые буксировались из г. Горького в г. Баку и обратно в г. Ленинград. Это было ответственное задание: буксир двигался со скоростью, соответствующей времени добегания пика половодья. А эта скорость добегания определялась расчетами по ежедневной информации постов.

Размещение на Урале эвакуированных с западных территорий Союза предприятий и людей вызвало рост потребления воды в городах и поселках. В управление УГМС поступают новые запросы о характерных высших и низших уровнях воды, толщине льда озер, водохранилищ и рек за многолетний период. В заявках требовалось эти данные в абсолютных отметках высот, между тем как большинство водомерных постов в то время не было еще привязано к абсолютной системе высот. Я и мои коллеги продолжаем контакты с организациями и предприятиями-заявителями этой информации. Оказывается, что по величинам об экстремальных уровнях воды и толщине льда будут располагаться новые или перестраиваться старые водозaborные сооружения, строительные и монтажные площадки на берегах. По нашей заявке гидрологи станций приступают к массовым нивелировочным работам по высотной привязке постов к реперам государственной сети. Большой вклад в это дело в сороковых и последующих годах внесли инспектора Шумский С. И., Челпан М. Ф., Мартынов С. И. и гидрологи станций. Одновременно привязываются площадки и барометры метеорологических станций.

По нашей рекомендации гидрологи станций значительно увеличили количество стоковых постов на малых реках, приступили к равномерному ежедекадному измерению расходов воды в меженный период и оперативную передачу результатов в управление. Разработаны были практические приемы долгосрочных прогнозов средних месячных расходов зимней и летней межени. Начинается регулярное обслуживание новой значительной категории потребителей-водопользователей речной воды. Равномерные измерения

расходов воды в устойчивом беснаводочный и зимний периоды значительно упростило методику определения и улучшило качество ежедневных расходов воды.

Впервые в 1939—40 гг. в управлении пропедено курсовое обучение техников-гидрологов из числа опытных наблюдателей и выпускников средних школ. Я — один из преподавателей курсов. Многие выпускники курсов успешно работали на инженерных должностях. Среди них Байнова А. А., Чехомова К. В. и др.

В сороковых годах на многих реках Урала зафиксированы очень большие половодья и паводки. В некоторых городах они вызвали катастрофические последствия для населения и хозяйства.

В результате деловых контактов гидрологов управления и станций с работниками коммунальных отделов местных исполнкомов, с членами заводских паводочных комиссий устанавливаются последствия наводнений. Гидрологи станций в некоторых случаях проводят по нашим рекомендациям опросы старожилов, обследования участков рек и инструментальную высотную привязку затопляемых мест и сооружений к реперам водомерных постов. Большое участие в этом деле проявили — Крымов К. Н., Матвеев В. М., Балдин П. А., Пацков А. А., Евдокимов В. А., Банинков В. Е., Санников П. А., Ложкин В. А. и др.

Я и Синегуб Е. С. изучали в библиотеках Перми, Свердловска, Кургана, Уфы, Челябинска старые газеты, журналы, вестники за годы с выдающимися половодьями и паводками. Именно с 1942—43 гг. начинает внедряться в практику новая качественная характеристика «Критическая или опасная отметка уровня воды». Устанавливается новый, прогрессивный порядок активного обслуживания потребителей долгосрочными прогнозами высших уровней половодья с текущими оперативными предупреждениями. Это был еще один прорыв в новое состояние обслуживания народнохозяйственных потребителей.

В 1941—42 гг. в Свердловске находился эвакуированный из Ленинграда гидрологический институт (размещался в здании горисполнкома). Мне довелось слушать некоторые интересные лекции и речи видных ученых: Бремгана Г. Р. по военной гидрологии (исторические факты), Львовича М. И. — о состоянии гидрологии в США (по результатам его командировки в 1941 г.), дискуссии между Соколовским Д. Л. и Огневским А. В. о нерешенных проблемах гидрологической науки.

В конце сороковых годов вновь увеличилось количество и значительно изменился характер заявок: потребовалась режимные данные по годовому, месячному стоку, по максимальным и минимальным расходам воды, по взвешенным наносам, по испарению воды, по атмосферным осадкам. Бюро расчетов и справок делает выписки из монографии Соколовского Д. А. «Водные ресурсы рек промышленного Урала и методика их расчета».

Из контактов с новыми заказчиками нам становится ясно, что идет ускоренное проектирование новых дорог и мостов в бассейне р. Сосьвы, водохранилищ на реках Каме, Чусовой, Косьве, Уфе, Целим и др. Ускоренными темпами были построены гидроузлы на р. Чусовой для г. Свердловска (Волчихинское водохранилище), на р. Миасс для Челябинска (Аргазинское водохранилище) и др.

В конце этого периода я (как руководитель отдела наблюдательной сети) стал одним из организаторов нового для гидрометслужбы вида гидрологических изысканий — гидрографических описание рек. Опытный гидролог Старостин П. С. (один из первых выпускников Ленинградского университета) инструктирует специалистов по новому Наставлению, проводит сбор и обработку топографических, гидрогеологических и водохозяйственных данных. Первыми исполнителями этих работ стали Матвеев В. М., Смирнов А. А., Серебренников Г. И., Челпан М. Ф., Ложкин В. А. и другие.

Пятидесятые годы... В первой половине я работаю в бюро расчетов и справок. Продолжает расширяться объем запросов, усложняется содержание договорных заказов. Штат БРиС возрос до 10—15 человек. Кроме ветеранов гидрометслужбы (Добринская Р. Г., Осовская Д. Г., Кац З. Г.) привлекаются опытные гидротехники — Гвоздев В. С., Генесин Н. Е. — и молодые гидрологи. Выполняются заказы на гидрологические очерки рек для проектирования новых малых сельских ГЭС, реконструкции старых заливских гидроузлов, водозаборов и др. сооружений. По этим материалам построены гидроузлы на р. Косьве, Туре. Но из контактов с заказчиками выясняется, что профессиональные возможности инженеров-гидрологов ГМС не удовлетворяют проектировщиков. Их не устраивают конечные и промежуточные сроки выдачи расчетных параметров, их неконкретность (не привязаны к расчетным створам проектируемых сооружений), невозможность оперативно варьировать створы, ограниченность территории деятельности управления ГМС, чрезмерный объем отчетной документации и завышения стоимости работ. В некоторых институтах Свердловска (Лесметпроект, Гипротранс, Водоканалпроект) проектировщики сами выполняют гидрологические расчеты «по Соколовскому» (был такой модный термин), т. е. по эмпирическим обобщенным формулам, без учета фактических гидрометрических наблюдений.

Я стал свидетелем появления в 50-х годах на некоторых оборонных предприятиях в Свердловской и Челябинской областях своих специалистов гидрологов. Появились свои гидрологи в проектных институтах Гипросельэлектро (Санников П. А.), Уралгипротранс (Слободянник А. М.), Водоканалпроект (Силунский Г. П.), Теплоэлектропроект (Соколовский А. М., Чел-

пап М. Ф.). В более поздние годы создаются гидрологические группы в проектных институтах Гипротюменьнефтегаз (Свердловское отделение — Шамеков К.), Уралэнергосельпроект (Москвина Э. Т., Русаков Г. Г.), Гипроводхоз (Поторочник С. А.), в изыскательском тресте УралТИСИЗ (Еремин М. А., Ворончихин Г. А.), Уралгидроэкспедиция (Владимиров Ю. И.), Росторфразведка (Петропавлов В. П.).

Я перевелся (тогда можно было только так) из Свердловского управления гидрометслужбы в институт Гипросельэлектро в 1954 г. по указанию Свердловского обкома КПСС в связи с выполнением программы электрификации сельского хозяйства. Через год поступил в институт Водоканалпроект. К концу этого периода здесь сформировался дружный и квалифицированный коллектив гидрологов из бывших опытных работников УГМС (Богород А. В., Николасенко В. В., Музюков П. Н., Балдин П. В., Рубинский А. Л.) и молодых специалистов — Горновых Н. И., Силунский Г. П., Русаков Г. Г., Пушкарёва Е. И. и др.

В начале 50-х годов в Уральском университете я читал курс гидрологии суши (с гидрометрической практикой) студентам 4 курса географического факультета. Из первых выпускников стали профессионалами гидрологи Горновых Н. И., Москвина Э. Т., Русаков Г. Г., Головко М. А. и др. Затем географический факультет переместился полностью в Пермский университет, а там начался регулярный выпуск гидрологов. Многие из них успешно работали в УГМС и в других организациях (среди них Холкин А. А., Серебренников Г. И., Еремин М. А. и др.), это стало началом решения проблемы инженерных кадров по гидрологии на Урале.

Возникновению, развитию и укреплению ведомственных гидрологических подразделений в проектно-изыскательских институтах способствовали изданные ГУГМС СССР единые для Союза «Наставления гидрологическим станциям и постам». Гидрологические выпуски этих уникальных Наставлений действуют и по сей день, являясь для нас обязательным пособием.

В конце пятидесятых годов устанавливаются деловые контакты с подразделениями УралУГМС. Отдел гидрологии (Черницкая Е. А., Черказьянова В. Г.) проверяет наши отчеты и выводы из них помещает в Гидрологические ежегодники. Мы регулярно получаем от отдела снабжения (Майзенберг А. Я.) бланки, бюро поверки (Щелканов Г. А., Мальцев А. Н.) тарирует наши приборы.

Шестидесятые годы... Для меня и моих коллег по практической инженерной гидрологии самым важным событием в эти годы является появление официальных общесоюзных строительных норм. (СН) по определению максимальных расходов воды рек и годового стока при строительном проектировании (1963,

1968 гг.). Мы, гидрологи, справедливо можем гордиться тем, что Государственный гидрологический институт стал ведущим научным учреждением по составлению таких нормативных документов. К этому периоду относится также выпуск в свет Климатического справочника по нашему региону, затем и описания метеорологических станций и постов на Урале. Мы высоко ценим заслуги старшего поколения климатологов во главе с Пермяковой А. С.

В институте Водоканалпроект в 60-х годах расширяется диапазон инженерно-гидрологических изысканий и выдаваемых в проекты расчетных характеристик для строительного проектирования. Гидрологи нашей группы из контактов с проектировщиками определяют, какие конкретные параметры необходимы для проектирования водохранилищных и водоподъемных плотин, ограждающих ламб, подпорных стенок, бесплотинных водозаборов, люксерных и мостовых переходов, канализационных выпусков стоков. Обширны и разнообразны полевые работы, выполненные группой в то время: гидрометрические посты (от 1 года до 15 лет), испарительные и метеорологические площадки, химические анализы воды, гидографические обследования рек и т. д. Объекты гидрологических изысканий в эти годы самые различные: от Волги (Балаковский химкомбинат) до р. Чара (Удокамский ГОК), на границе с Якутией и р. Конда (водозабор Кондинского лесохимкомбината). Одновременно ведутся гидрологические изыскания на местных водных объектах.

В конце этого периода в институте Водоканалпроект начинается новый вид работ — составление и согласование (в том числе с УГМС) «Правил использования водных ресурсов водохранилищ». Я и мои коллеги освоили в эти годы все виды водохозяйственных расчетов, включая определение полезных отдач подпорных уровней, водобалансовые расчеты, включая построение проектных графиков диспетчерского регулирования водохранилищ.

Создание отдела гидрометеорологических фондов в УралГМС (Подгайский Н. Н., Санакоева Л. А.) оказало существенное влияние на нашу деятельность. Мы стали получать полную информацию о всех режимных изданиях ГМС, о поступлении в Гидрометфонд отчетов, о планах научно-исследовательских и гидрологических работ других организаций. Все это новый и очень полезный этап в обслуживании наших потребителей.

Семидесятые годы... Самым актуальным событием в истории практической гидрологии на Урале в этом периоде (ложи, за все 50 лет) я считаю воплощение в сооружениях гидрологических наблюдений и расчетных параметров. Редкое (повторяемость 1 раз в 50 лет) маловолье 1972—74 гг. на реках Урала вызвало трудности водоснабжения многих городов и поселков. Гидрологические разделы в составе проектов новых водохранилищ оочно

рассматриваются в экспертных комиссиях Госплана СССР в которых, как правило, участвуют представители Гидрометслужбы СССР. Эти проекты утверждаются к срочному строительству. В заключениях компетентных экспертов отмечается основополагающее значение исходных параметров стока воды рек по опорным гидрологическим постам гидрометслужбы на Урале.

В 70-х годах еще раз проявляется ведущая роль в инженерной гидрометеорологии Государственного гидрологического института и Главной геофизической обсерватории. Выпускается (1973 г.) в помощь нам и потребителю «Ресурсы поверхностных вод» и Справочник по климату. Мы получаем новые усовершенствованные строительные нормы и правила (СНиП) по определению почти всех расчетных гидрологических и климатических характеристик, включая такие элементы, как волновые и ледовые явления, глубина промерзания грунта. Большую пользу нам, следовательно строительному проектированию, приносят изданные Уральским УГМС в эти годы метеорологические данные за отдельные годы. Построены и успешно действуют водохранилища на р. Уфе и р. Чусовой для г. Свердловска, на р. Какве для г. Серова, на р. Ревде для г. Первоуральска, р. Тагил для г. Нижний Тагил, на р. Малая Сатка для г. Бакал и другие за пределами Урала. Построены и действуют крупные бесплотинные водозaborы на р. Каме для г. Вотkinsка, р. Томь для г. Новокузнецка и т. д.

Уникальная система гидротехнических сооружений (5 водохранилищ, каналы, насосные станции и др.) на 3 реках разных бассейнов (Исеть, Чусовая, Уфа) в чертежах, содержащих гидрологические параметры, демонстрировалась на ВДНХ.

Результаты многолетних наблюдений гидрометрических постов гидрометслужбы, кратковременных наблюдений наших постов и рассчитанные на этой прочной основе параметры определили в этих сооружениях физические величины: высоту и длину плотины, объем водохранилищ, размер водосбросных отверстий, величину потребления воды, санитарного пропуска, качество воды.

Восьмидесятые годы... Для меня настало время обобщения опыта, извлечения уроков из практической работы в области гидрологии суши на Урале.

Были в моей профессиональной работе, кроме успехов, также ошибки, недостатки, неудачи, неудовлетворенность.

Работа в отделе сети УГМС (4 года начальником отдела) меня не удовлетворяла. Неудачно завершилась кампания по сооружению гидрометрических водосливов на малых реках и ручьях потому, что я не привлек проектировщиков-гидротехников. Делали сами гидрологи без изысканий и проекта. Ни одно измерительное устройство водосливного типа не работало. Я не организовал гидрологов сети и отдела на широкое использование ре-

зультатов наблюдений на водосбросах гидроузлов потому, что тогда недооценил эту возможность. Я по инерции увлекся в первые годы (в Гипросельэлектро, Водоканалпроекте) объемными «очерками», в которых по действующему тогда шаблону вписывалось все возможное от ежедневных уровней и расходов воды до геологического описания бассейна. Это вызвало конфликты с потребителями, которые требовали только расчетные параметры и минимум текстовых пояснений в общую пояснительную записку к проекту. С годами объем отчетной документации неуклонно сокращался. Как главный специалист я в ранние годы (1954—1960 гг.) допускал недостаточно обоснованные изыскания основных расчетных параметров, заложенных в проектах ранее (моими предшественниками) или даже моими коллегами и мной на предыдущих стадиях. Повышение максимума стока, толщины льда, уменьшение годового или месячного стока вызывало конфликтную ситуацию: проектировщик протестовал, и вопрос решался экспертизой. Были у меня некоторые конфликты с экспертами, заказчиками проектов по отдельным принципиальным вопросам: о влиянии лесистости на норму годового стока (Минводхоз РСФСР), о потерях воды на ледообразование при транспортировании по руслу из водохранилища к водозабору, о влиянии малых водохранилищ на микроклимат, качество воды и др.

Мне довелось периодически контактироваться с гидрологами многих УГМС и со специалистами разных профилей УралУГМС постоянно. Своевременное получение Гидрологических ежегодников, текущих отчетных данных, гидрологических прогнозов, информации и консультаций, бланков, тарированные вертушки и секундометров, своевременное согласование проектов, временное использование редких приборов — все это характеризует деловые контакты с уральскими коллегами. Не было ни одного случая недоразумений, подобных таким, которые случались с коллегами в других УГМС. Так, например, Верхне-Волжское УГМС отказалось обеспечивать предприятие — нашего заказчика — прогнозами весеннего стока по длиннорядному пункту из-за отсутствия «методики». В Забайкальском УГМС нам не разрешили выписать на станции сведения о текущих уровнях и расходах воды из-за того, что не «прроверены» отделом.

Однако я не удовлетворен тем, что отдел гидрометфона персонально ограничивается только регистрацией наших постов, получением отчетов. К сожалению, мало было инспекций наших работ. Поступающие в гидрометфонд от многих предприятий-владельцев гидроузлов таблицы ежедневных уровней воды на малых водохранилищах мало используются для подсчета стока через отверстия гидроузлов. Я убежден, что положение о порядке регистрации в ГМФ ведомственных изысканий требует пересмотра.

Гидрологическая наука всегда оказывала мне и моим коллегам практическую помощь. Я был трижды на курсах усовершенствования (по прогнозам, расчетам в ГГИ, по организации наблюдательной сети в ГУГМС). Я был делегатом 2 гидрологических съездов и юбилейной сессии ГГИ. Трижды получал заключения ГГИ по расчетным параметрам. Пять моих коллег окончили заочные 10-месячные курсы гидрологов в ГГИ. Мы получали наравне с УГМС и применяли многочисленные методические рекомендации и указания ГГИ.

Значительную помощь нам оказывали труды Свердловской гидрометеорологической обсерватории под редакцией Шахова И. С., его личные консультации и семинары для свердловских гидрологов, проводимые им в рамках Географического общества.

Я рассказал о некоторых этапах и событиях моей профессиональной деятельности. Около 50 лет я член КПСС, вступал в партийной организации УГМС. События прошлого и переживаемого теперь — это отдельная большая и очень трудная для меня тема.

Мне посчастливилось: меня окружали в подавляющем большинстве умные, честные и порядочные люди, патриоты-интернационалисты, относившиеся ко мне доброжелательно, с уважением. Я горжусь знакомством и сотрудничеством с ними.

Спасибо им за все хорошее!

Овчинникова Валентина Петровна —
ветеран труда

Косулино — Высокая Дубрава — Верхнее Дуброво. Последнее наименование поселку присвоено в мае 1972 года.

Первый период становления обсерватории характеризуется организацией наблюдений. В связи со строительством в 1930 году трамвайных линий в г. Свердловске магнито-метеорологическая обсерватория из города (с Плещивой горы) была перенесена в Косулино, в 30 км к востоку от Свердловска, приблизительно в 2—3 км на юго-восток от железнодорожной станции Косулино. Местность — поляна среди леса размером 450—500 м. Было построено четыре павильона, где размещались магнитометры, построена и метеоплощадка.

Первым директором здесь, в Косулино, был Роберт Германович Абелс. Он же был главный магнитолог. В штате магнитного от-

дела были Липшина Марфа Алексеевна, Глебов Петр Александрович, Кузинчевская Лидия Ивановна.

Вторым этапом в организации наблюдений было открытие метеорологической станции. С 16 августа 1936 года метеорологическая станция существовала с названием Косулино по июль 1937 г. С августа 1937 по апрель 1972 года она называлась «Высокая Дубрава».

В мае 1936 года в Высокую Дубраву из Нижне-Исетска были перенесены аэрологические наблюдения. Таким образом, в Высокой Дубраве создался целый комплекс геофизических наблюдений. К 1938 году метеорологическая станция уже была оснащена как станция второго разряда.

Метеорологическую часть работ возглавлял Ежов Андрей Александрович (1938—1940 гг.). Это был требовательный, душевный, прекрасный руководитель, коммунист. Вспоминается такой случай. Приезжал к нам на практику студент Величко Митя, у него не было обуви, и вот мы, работники станции, собрали деньги Мите на женские тапочки. Андрей Александрович вызвал меня в кабинет и сделал внушение, что мы Митю обули в девичью обувь. Приходя утром на работу, Андрей Александрович чистым носовым белоснежным платком проверял чистоту приборов. Если обнаруживал пыль на приборах, делал строгое внушение. При Андрее Александровиче любая работа была на высоком уровне. Андрей Александрович и до сих пор остается для меня кумиром.

Аэрологическую часть наблюдений в период с 1936 по 1949 год возглавлял Ипполитов Артемий Николаевич. В 1940 г. судьбы наши с Ипполитовым соединились. У нас появился сын Борис. Он физик, живет в Москве.

В 1940 году были организованы актинометрические наблюдения, вдохновителем организации актинометрических наблюдений был Лилеев Михаил Владимирович.

К началу войны в 1941 году весь комплекс наблюдений составил Свердловскую научно-исследовательскую геофизическую обсерваторию. В отчете директора СНИГо за 1949 г. обсерватория состояла из семи групп: метеорологии, аэрологии, актинометрии, атмосферного электричества, земного магнетизма, агрометеорологии, и административно-хозяйственной части. В этот период были выполнены исследовательские работы: «Радиационная характеристика г. Свердловска» — исполнитель Лилеев М. В., «Аэрологическая характеристика г. Свердловска — исполнитель Ипполитов А. Н., «Связь между атмосферно-электрическими и метеорологическими характеристиками», «Методика определения кажущейся проводимости коллекторов» — автор Николай Алексеевич Парамонов. В 1945 году он переехал жить и работать в Воецково, где защитил докторскую диссертацию.

Выполнены и другие исследовательские работы: «Проверка способов предсказания почных заморозков на Урале» — авторы Л. А. Ежов и А. П. Дегтярев, «Местные признаки погоды на Урале» — автор Антонина Дмитриевна Уласевич и Галина Афанасьевна Липеева, «Определение нижней границы облаков» — исполнитель Ипполитов Артемий Николаевич. Формула из этой работы, по которой определяют высоту нижней кромки облаков, и теперь используется на сети станций. Разворачивались работы по методическому руководству сетью. Обсерватория была базой практики для студентов вузов и техникумов. Мирную жизнь и слаженную работу изменила Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Из нашего небольшого коллектива в первые же дни войны ушел на фронт Черепанов Илья Степанович. Воевал под Сталинградом, стал инвалидом. Ушли на фронт Неустроев Сергей Петрович, позднее кандидат философских наук. Рожков Николай Николаевич погиб в Белостоке. Буторов Аркадий Николаевич вернулся инвалидом, долгое время работал в обсерватории конюхом — это был безупречный труженик. Не вернулись с войны Парашевин Виктор Алексеевич и Татаринов Александр Александрович — оба были молодые специалисты-агрометеорологи. Арефьев Алексей Васильевич, Шмелев Иван Яковлевич, Киселев Александр Александрович, Вьюхин Алексей Степанович, Васьков Степан, Глухов Петр Романович также не вернулись с фронта.

Жизнь и работа в обсерватории за годы войны претерпела большие изменения. В 1941—42 гг. из Ленинграда частично была эвакуирована Главная геофизическая обсерватория. Приехавшие из Ленинграда специалисты были изнурены голодом, да и одежда была только то, что на себе.

Наш дружный обсерваторский коллектив старался как-то по-доброму, тепло отнестись к горю людей, хоть и сами жили впроголодь. Все приехавшие были устроены с работой и жильем. Всем, чем могли, старались помочь, облегчитьчасть людей, хлеб и соль делили пополам. Среди эвакуированных были профессора: Калитин Николай Николаевич — основатель актинометрической науки в СССР, Нездюров Дмитрий Филиппович — по его методике проводились инспекции сети станций, Березкин Владимир Александрович — занимался вопросами прозрачности атмосферы, Селезнева Евгения Семеновна — аэролог, Кирюхин Борис Викторович — в годы войны был директор обсерватории. Научные работники: Щербакова Любовь Федоровна, Заторский Александр Дмитриевич, Гущина Мария Васильевна, Пастух Василий Пантелеимонович, Кобелев Иван Якимович — секретарь нашей партийной организации. Третьяков Василий Дмитриевич — он здесь у нас изобрел осадкомер вместо дождемера с защитой Нифера. Этот осадкомер до сих пор эксплуатируется на сети станций Союза. Работы ГГО в это время были направлены на обслуживание нужд

военного времени и народнохозяйственных организаций, авиации. Вся работа была направлена на Победу над врагом. В 1942 году сюда же в В. Дубраву был эвакуирован из Павловска (под Ленинградом) Институт земного магнетизма. Директором был Пушкин Николай Васильевич. Организована ионосферная станция, ее первый руководитель — Лещинский Юрий Яковлевич.

Дома для магнитологов строились из леса, который тут же на месте рубили. Было построено два двухэтажных дома, дом для ионосферной станции и дом для хозгруппы. Эти здания и сейчас используются. Общими усилиями ГГО и Земного магнетизма было организовано подсобное хозяйство. Сеяли овес для лошадей, садили картошку, овощи. На основе подсобного хозяйства функционировала столовая, где один раз в день получали горячие обеды. Это являлось весомым подспорьем в питании людей. А по карточкам выдавалось только 600 г хлеба на работающего и 400 г на пожилых (детей и стариков). Для детей были организованы детские ясли, куда принимались дети от рождения до школьного возраста. Вот так все вместе переживали тяготы военного времени. Но дружба между людьми была крепкая, добрая. И, вправду в народе говорят, горе объединяет людей.

9 мая 1945 года — это было ликование всего нашего народа. Буквально утром 9-го мая все собрались в красном уголке на митинг, а после организовали общий праздничный стол, кто что мог принес: картошку, свеклу и т. д. Это были слезы радости и горечи утрат.

В сентябре 1945 г. ленинградцы поехали обратно в Ленинград, а часть работников ГГО под Ленинград (пос. Всейково).

Директором Свердловской обсерватории был назначен Михаил Владимирович Лиссев. В 1946 г. по инициативе комсомольской организации (секретарем тогда была Чрепанова Валентина Михайловна) заложили фруктовый сад, посадили смородину, яблони, груши, вишню. Садоводом была Жевакина Елизавета Николаевна. Этот сад еще и теперь плодоносит.

Военные и послевоенные годы были трудными, но молодость есть молодость, и добрые надежды брали верх, народ был дружный, трудолюбивый, дисциплинированный, на любые коллективные мероприятия шли с охотой: косить, сеять, садить картофель, убрать урожай на нашем небольшом подсобном хозяйстве.

У нас была неплохая библиотека. В красном уголке — шахматы, шашки, билльярд, и затем в 1951 году приобрели небольшой телевизор «КВН» с водяной линзой, там вокруг телевизора собирались стар и мал. Это было приятное общение всех нас, живущих на обсерваторском пятаке. А с каким наслаждением вспоминают наши праздники, вечера, обязательно с выступлениями художественной самодеятельности. Застрелщиками в этом деле были

немолодые супруги Лидия Ивановна Кузнеццевская и Николай Ефимович, Долгановы Наталья Михайловна и Григорий Леонтьевич, Кузнецова Анастасия Георгиевна и много наших добрых, милых людей. Вспоминается такое, когда в розвальнях на лошадке мы с программой художественной самодеятельности выезжали в соседние поселки. Участвовали в смотрах нашего поселка при Косулиńskом абразивном заводе. На уборку урожая в подшефный совхоз «Косулинский» ездили на открытых грузовых машинах с песнями. Сколько было радости, что будем жить мирно!

Ранее эвакуированные к нам магнитологи уехали обратно под Москву (Красная Пахра). Магнитный отдел под руководством Липиной Марфы Алексеевны остался в В. Дубраве. В домах, где размещался Институт земного магнетизма, в апреле 1947 года была организована Свердловская гидрометшкола, первым ее директором с 1947 по 1954 год был Силин Федор Михайлович. Второй директор Кирина Ольга Васильевна работала с 1954 по 1969 год. Шашков Борис Григорьевич — с 1960 г. и по настоящее время. Первыми преподавателями в ГМШ были работники обсерватории: Ипполитов Артемий Николаевич, Лилеев Михаил Владимирович, Попов Орест Степанович, Лаврова Лидия Александровна, Овчинникова Валентина Петровна и другие.

Ионосферная станция до 1970 г. оставалась здесь, в В. Дубраве, ее начальниками были Каминер Наум Семенович и Куликов Николай Николаевич.

В 1970 году ионосферная станция и магнитный отдел были переведены в Арти (под Красноуфимск) в связи с электрификацией железной дороги Владивосток — Москва.

16 августа 1956 г. Свердловская научно-исследовательская обсерватория была ликвидирована, и на ее базе организована гидрометеорологическая обсерватория с центром ее в г. Свердловске. Директором стал Жуков Иван Михайлович — очень инициативный, энергичный руководитель.

С 1960 г. отдел метеорологии и климата обсерватории значительно расширил работы: организованы наблюдения за общим содержанием озона, градиентные наблюдения на 2-х уровнях — на 0,5 и 2 метрах. Начаты работы по определению химического состава осадков, радиометрические наблюдения. Расширены наблюдения по актинометрии. Проводились испытания новых приборов, в частности, пиргелиометра с круглым отверстием, изотопного снегомера М-31 и других.

В 1973 г. с 16 ноября в связи с переходом на новую систему оплаты труда было проведено объединение отделов: аэробиологии, актинометрии, метеорологии в один отдел наблюдений. Возглавлять его довелось мне.

Работа отдела наблюдений проводилась по двум направлениям — это непосредственные наблюдения, о чем было сказано выше. И второе направление — методическое руководство сетью аэрологических и актинометрических станций Урала.

С января 1970 года впервые была введена механизированная обработка данных наблюдений, получение итоговых таблиц через ЭВМ. На базе отдела наблюдений создана группа перфорации с 5 мая 1975 года.

Отдел наблюдений с 1976 по 1979 г. возглавлял Купов Константин Николаевич, с 1979 по 1983 г. — Фирюков Николай Иванович. В 1983 г. в связи с реорганизацией отдел наблюдений Свердловской ГМО вошел в состав объединенной гидрометеорологической станции Верхнее Дуброво, состоящей из групп аэро-логической, метеорологической и хозяйственной. Станцию возглавлял Иван Фомич Коноплин.

За всю мою трудовую деятельность я встречалась в работе с очень порядочными, добрыми людьми, прекрасными организаторами. Я уже выше упомянула, но особо хочу отстричь Ивана Семеновича Шахова — требовательный, принципиальный, но и очень душевный человек. Прекрасный организатор.

Обсерваторский поселок является одним из микрорайонов поселка городского типа Верхнее Дуброво со своими бытовыми службами: магазин, библиотека, здравпункт, баня, почтовое отделение, общежитие для учащихся на 100 мест, котельная, служебные и жилые дома. Все это вдумчиво, по-хозяйски, вписано на лесной поляне среди девственного леса. Ведь Верх-Дуброво — реперная станция, и очень важно сохранить здесь естественные условия, не нарушенные урбанизацией. Неописуема красота и зимой, и летом, чистейший воздух, напоенный ароматами сосны и березы. Эту красоту приходится тщательно охранять, ограничивать дальнейшую застройку поселка, строительство дорог и все другое, что меняет микроклимат лесной поляны и может исказить естественный ход составляющих радиационного и теплового баланса атмосферы от десятилетия к десятилетию.

Подорожко Галина Алексеевна —
ветеран труда

Что же написать о работе гидролога? Это такая профессия, что если ее выбрал не случайно, а по призванию, то уже никуда

от нес не денеешься. Будешь упрекать себя, что надо бросить и искать более безопасную и легкую, но слова останутся словами, а сам останешься ее пленником. И это на всю жизнь.

В гидрологии я человек не случайный. Мое место в ней определилось по наследству от деда, а потом сестры. Вначале носила на почту телеграммы, помогая больному деду и соответственно получала «зарплату» — 20 копеек в праздник, заплатки на сапоги и, конечно, стрижку под мальчика. Потом детская любознательность и жалость к больному перешла в потребность, любовь и увлеченность гидрологией.

Когда впервые самостоятельно провела паводок в 1947 г., считала себя самым нужным человеком в гидрометслужбе. Не скажу, что работа наблюдателя в Ромнах была для меня очень разнообразной и интересной. Конечно, когда я большого не знала, то и это было хорошо. Провела 14 весенних паводков — река равнинная. Весной ширина с поймой 1,0 км. Здесь же впервые был измерен расход на пойме. В 1961 г. я уехала на Верхне-Днестровскую бассейновую станцию. Это уже коллектив, причем многократно удерживающий звание подразделения коммунистического труда. Работать стало интереснее. Было у кого учиться и главное — все доброжелательны. А разве можно быть равнодушным к красоте Карпатских рек?! Горные, быстрые, опасные. Постоянный риск. Какой же широкий, величавый и строгий Днестр! Половодье в этих краях явление единичное, а вот дождевые паводки — многократны. Итого за 4 года работы в Стырю четыре весенних половодья и восемь дождевых паводков, сродни половодью. Настроение праздничное от полученных благодарностей за качественно выполненную работу. Стала сама понимать цену достоверных данных, нужда в которых была большая.

И вот по воле судьбы я в 1964 г. переехала в г. Свердловск. Сразу очень трудно без знакомых, друзей. Нет жилья. Оглядываться некогда, надо работать, потому что штат на гидростанции Свердловск не укомплектован. Правда, что работа лёгкая, именно это и случилось. Можно было работать днем и ночью, осмысливая дальнейшее.

Чудо свершилось. Первый паводок на Чусовой в Староуткинске (могу сказать, кто не видел Чусовую во время весеннего половодья, тот не видел Урала) вызвал такие эмоции, что я ужас не смогла не думать о нем и ежегодно мечтала побывать именно там. К сожалению, это удавалось не всегда. Да это и к лучшему, потому что были и северные реки. Незабываемые паводки на Сосьве. Это река спокойная, красивая, со своеобразным режимом. На станции Сосьва постоянно был недоукомплектован штат. В штате оставались только сильные духом, те, кто полюбил суровую красоту того края. Это старший техник Голованова Э. И.,

приехавшая после окончания Ростовского техникума, инженер Касьянова И. С., которые более 200 дней в году бывали на постах. А с какой скрупулезностью они подсчитывали сток, глубоко анализируя каждое отклонение расхода воды.

С чувством какой-то своей вины я вспоминаю начальника ГМС Верхне-Чусовецкого городка Холодилова Н. С. Он работал на пределе, делая часто невозможное.

Чувство глубокого уважения испытывала от взаимодействия с начальником станции Кулымкар Шипиным Г. Д. Это был человек, преданный своему делу, большой практик, грамотный специалист. Он умел сочетать хозяйственную деятельность с практическим руководством всеми видами работ на станции — гидрологии, метео и агро. Его долголетию работы на одном месте может позавидовать не один специалист. Во время половодья он принимал участие на многих створах. Женщин-гидрологов (полевиков) всегда жалел, считая, что этим нелегким делом должны заниматься мужчины.

Под стать своему начальнику был у него и наблюдатель поста Гайны-Харини, этот наблюдатель-рационализатор сделал штангу со специальным креплением, изготовил особый ящик для перевозки посуды с пробами, производил инвентировки и контролировал изменения отметок свай. Такого наблюдателя стихия не застанет врасплох.

Работники гидрометстанций — это труженики-первоходцы, ибо трудности закладывают в человеке все хорошее, что сопутствует ему потом всю жизнь.

Итог полевых работ: 29 весенних половодий и 12 дождевых паводков. Да, была и Решетка, Косой Брод, Черемшатка, Зотино, Сергеевский, Колюткино, Кипрушкино, Баранча, Сосьва, Лобва и многие, многие другие.

Затем была работа в Уральском управлении в отделе гидрологии, где начальником была Черказьянова В. Г. Эта женщина твердо знала, что хотела в жизни. Кроме того, что это был высококвалифицированный специалист, она была еще и психологом. Да, да. Именно так. Валентина Григорьевна чувствовала душу, настроение и нужды каждого работника. Коллектив был разномастный по возрасту и характеру, и она могла поддерживать необходимый режим жизни и работы людей.

Во время работы по составлению Справочников нагрузки были максимальными. Никогда никто не услышал от нее жалоб о трудностях. Валентина Григорьевна имела мужской характер. Если поругает, так за дверь, и никто не узнает, о чем был разговор. Ей можно было доверяться во всем. В общем, это был и львица, и на дузочек игрец, заводила всех мероприятий в отделе. Всех начальников сетевых подразделений она хорошо знала и поддержи-

вала с ними тесные контакты. Под стать ей в отделе гидрологии была ст. инженер Шахова Светлана Михайловна. Прекрасный специалист и человек. Терпеливо и грамотно передавала другим все свои знания и опыт работ.

Да, я самый счастливый человек на свете: имела любимую работу, победила смертельный недуг, имела и имею много друзей.

Я люблю Урал, и в этом тоже счастье!

Покровская Наталья Ивановна —
ветеран труда

Первые месяцы войны

1937—1938 годы — у меня маленький, грудной ребенок, я не могу ехать работать в полевые геофизические партии.

Я безработная. Наконец объявление в газете — требуется инженер с высшим образованием для работы в гидрометуправлении в г. Свердловске.

И вот 1938 год, я приступаю к работе синоптиком в Уральской управлении гидрометслужбы.

Для меня, инженера-геофизика, многое было незнакомо, ново. Как много на первых порах значило участие и помочь таких известных в то время специалистов, какими были начальник бюро погоды Торбина Н. В., старший инженер Уласевич А. Д. и Персона Е. Г. Последняя была руководителем моей стажировки.

1939—1940 годы — мы начинаем готовиться к обслуживанию авиации. Кроме АМСГ мы даем прогнозы погоды, штормовые предупреждения по трассам и квадратам нашей территории, составляются колышевые карты. Чувствуется военная подготовка, мы вовсю совершенствуем свои знания.

В 1940 году я получаю в приказе по управлению «на вид» за непредсказанные туманы по трассе Свердловск — Петропавловск. Главная обслуживаемая трасса на колышевой карте была Казань — Омск. Это было первое и последнее наказание в моей практике. Чувствовался недостаток знаний и, главным образом, опыта.

В мае месяце 1941 года меня и старших инженеров Корешкова С. А. и Сухарева К. И. направили в Ленинград на курсы повышения квалификации. Мы должны были выехать заранее и прибыть 1 июня в Ленинград. Из-за задержки оформления финансовых до-

кументов мы выехали с опозданием и прибыли в Ленинград 5 июня. Занятия на курсах уже шли быстрыми темпами.

Впервые мы здесь слушали т. Пагана, о его работах по прогнозам на естественный синоптический период и прогнозам на три дня.

Я, прожившая в Ленинграде несколько лет, учась в Ленинградском университете, считала себя обязанной показать город товарищам, приехавшим со мной. Поэтому мы решили «подшажать» с занятиями на курсах и 22 июня использовать для посещения Петроворта, с чего и начать знакомство с Ленинградом.

Утром 22 была назначена встреча на причале, откуда по Неве уходили пароходы на Петергоф. Пришедший заранее Корешков С. А. уехал первым пароходом и один из нас увидел довоенный Петергоф. О войне он узнал в конце линии с приходом парохода за нами из Ленинграда. С парохода бежали им навстречу люди и что-то кричали. Они не понимали еще, что им кричали: «Война! Война с немцами!».

Я простояла выступление т. Молотова, спля на скамейке у подножия Исаакиевского собора, после чего немедленно поехала к Сухареву К. И. Уже в этот же день у него в доме, где он остановился, мы таскали песок из чердака и горячо обсуждали создавшееся положение, войну.

На следующий день, прия на курсы, мы увидели страшную картину. Большинство на курсах состояли женщины. Женщины из Бреста, Минска (где уже бомбили), Киева и всех других городов на западе СССР, горько плакали, метались, стремясь как можно скорее выехать к своим почам, семьям и детям.

Сухарев К. И. и Корешков С. А. скоро уехали в Свердловск из Ленинграда по Северной дороге, а я пыталась выехать через Москву, так как из Москвы должна была забрать свою dochь, оставленную у родственников на время прохождения курсов.

В Ленинграде мы переживали воздушные тревоги, налеты фашистских самолетов, рвали щели, если в Стрельну смотреть сбитые самолеты, радовались серебристым аэростатам, лежурили на крыльях, во дворах. Наконец, выезд в Москву, а затем в Свердловск.

Свердловск произвел после Ленинграда странное впечатление. Тихо, затмения нет, тревог тоже, лишь много на улицах новых лиц, да старые женщины, пережившие войну 1914 года, стоят в очепеди за мылом, спичками, солью.

Явилась на работу. Что же здесь изменилось? Да, здесь многое изменилось. Штат техников здорово поросел, так как многие уехали на шифровальную работу. Новички многие путают, но, учтивая обстановку, очень стараются. Синоптики как-то стали подтянутые, меньше разговоров, больше оперативности. От бюро по-

годы в АМС в Арамиле работают синоптики, только что окончившие и приехавшие в августе. Они часто приезжают к нам или консультируются по телефону. Что в них военного? Разве что пилотки на головах да гимнастерки, заправленные под ремень, да еще изображенные разговоры о их деятельности.

Жизнь же в бюро погоды идет в основном обычным порядком, а ведь это уже сентябрь 1941 года.

15 сентября я решилась идти в Красную Армию. Нужны опытные специалисты, синоптики вообще и особенно по районам Урала. В то же время в управлении военными становятся у нас Сухарев К. И., Пономарев Э. Л., которые по тем или иным причинам не были призваны в армию.

Итак, Сухарев К. И., Дмитриева И. Я., Розенфельд Н. Г. и я становимся военными без звания, костяком обслуживания при штабе Уральского военного округа. Мы одеты в военное обмундирование, за исключением ног, ходим в своих гражданских туфельках.

Помню свой первый «военный» выход. Иду в штаб по глухим улицам, так как я еще не освоилась, не умею как следует приветствовать военных и вообще чувствую, что все на меня смотрят и видят, какая я «военная». И, как изло, встречаю на улице Хохрякова капитана, который сначала прошел мимо, я его приветствовала, а потом он остановил меня, спросил, поправил на спине заправку шинели ремнем и приказал обо всем доложить моему старшему командиру, что я и сделала, придя в штаб рассказала все Сухареву.

Первое время синоптическая карта составлялась один раз в день, и мы, обработав ее в бюро погоды, сами приносили в штаб и лежали доклад командующему или начальнику штаба. Текущую же погоду принимали по телефону, в чем со временем приобрели необычайную быстроту. Работать по такому материалу было чрезвычайно трудно, но нужно было и работали, привлекая все свои знания, опыт в выяснении изменений погоды.

Такое положение продолжалось недолго. Нам отвели отдельную комнату в штабе, мы ее оборудовали, организовали соответствующий прием материалов и даже имели возможность в любое время разговаривать по телефону с гидрометстанциями.

Во время обслуживания вылета боевых самолетов мы имели погоду через полчаса, что было важно при обслуживании истребителей с их большой скоростью и малыми запасами горючего. А самолеты шли и шли на запад. Наша задача заключалась в умелом, быстром обслуживании, а главное без ошибок в прогнозах. Этую задачу было не так уж трудно выполнять в начале обслуживания, летели «асы», «миллионеры», т. е. опытные летчики, летавшие в гражданской авиации.

Но вот полетели юнцы, летчики, обучавшиеся в школах, без достаточного опыта и умения, они перебазировались ближе к фронту. При обслуживании их было очень много работы, а еще больше переживаний за них. Нужно было выбирать «идеальную погоду», хотя бы на несколько часов для того, чтобы пролетел благополучно полк по нашей территории. А, как известно, мы обслуживали не равнину, а местность, связанную с Уральским хребтом.

Наш маленький коллектив из четырех человек был дружный, отлично понимал задачи, поставленные перед нами, и относился ответственно к своей работе. Большую помощь консультациями оказывал нам коллектив бюро погоды, за что мы им были очень благодарны. Я лично за всю эту работу приобрела многое, стала совсем другая, более оперативная, энергичная, настойчивая. Да, наша армия дает многое ее участникам.

Строгина Капитолина Федоровна —
ветеран труда

На работу в Свердловское управление гидрометслужбы я приехала 30 августа 1952 года после окончания Одесского гидрометеорологического института.

Улицы города, особенно прилегающие к Лысой горе, показались настоящими деревенскими улицами. Сплошь деревянные частные дома, соединенные серыми дощатыми заборами. А с улицы Народной Воли к зданию УГМС вела чудесная аллея. По обе стороны дорожки — ветвистые дикие яблони, увешанные мелкими красными и желтыми яблоками.

После недолгой беседы в кабинете начальника управления Анохина Павла Митрофановича решилась дальнейшая судьба — оставили работать инженером-синоптиком в бюро погоды. Мою сокурсницу Гайворонскую Е. Г., приехавшую вместе со мной, направили аэрологом в Иведель.

Первое знакомство с начальником ОСП Сухаревым К. И. и начальником бюро погоды Покровской Н. И., два дня на поиски частной квартиры и устройство с жильем, а дальше — начало трудовой деятельности.

Руководителем моей стажировки, или, как сейчас принято говорить, моим первым наставником, был старший инженер-синоп-

тик Пономарев Мануил Дмитриевич. Человек обширных познаний, теоретически очень грамотный, с большим практическим опытом работы, требовательный и хороший педагог. Организация работы в смене, подготовка рабочего места, журналов для записи прогнозов и информовых предупреждений, взаимные консультации с дежурными синоптиками АМСГ Кольцово и АМСГ Свердловск — с этого начиналось каждое наше совместное дежурство. Представляя полную самостоятельность в работе, в конце дежурства проводил строгий контроль и оценку сделанного, давал практические советы. О нем у меня остались самые добрые воспоминания. Через месяц, пройдя собеседование, приступила к самостоятельной работе. Были и удачи, и промахи.

До сих пор остался в памяти первый разбор неудачного прогноза. Температура воздуха по Свердловской области оказалась на 10—15° ниже ожидавшейся по прогнозу. Сказался малый опыт практической работы и недостаточное знание местных особенностей Урала, когда, несмотря на юго-западный ведущий поток, сильно выхоложенный приземный слой атмосферного воздуха с Полярного Урала начинает стремительно опускаться по Зауралью к югу. Температура воздуха понижалась прямо на глазах.

Добрими словами хочется вспомнить синоптиков, проработавших в службе много лет, искренне преданных ей, трудолюбивых, добросовестных, достойных всякого подражания. Это Корешков Сергей Александрович, Уласевич Антонина Дмитриевна, Иолева Галина Ивановна, Федоров Леонид Александрович, Гребенкина Вера Григорьевна, работавшие бескорыстно с полной отдачей сил.

В 1953 году меня направили на двухмесячные курсы синоптиков-долгосрочников при Центральном институте прогнозов. По окончании курсов в 1954 году я была переведена инженером в группу долгосрочных прогнозов, где трудились Корешков С. А. и Уласевич А. Д. Снова стала ученицей хороших специалистов, знающих, имеющих за плечами большой опыт оперативной работы, отзывчивых и доброжелательных. Они щедро делились своими знаниями, оказывали помощь в любой трудной ситуации. Сергей Александрович всегда был очень вежливым и предупредительным. Свои замечания к прогнозу и свое мнение по развитию атмосферных процессов излагал ненавязчиво и деликатно. Он был врожденный интеллигент.

Антонина Дмитриевна отдавала синоптике много времени и сил. Она никогда не останавливалась на достигнутом, во все вникала, работала творчески. Всегда была в курсе последних достижений в области долгосрочных прогнозов и прогнозов малой заблаговременности, прочитывала все, что публиковалось по этому вопросу в Трудах ЦИП и специальных журналах. Меня всегда удивляла поразительная память Антонины Дмитриевны. При очень

сложном развитии атмосферных процессов она часто вспоминала, в каком году и в каком месяце наблюдался аналогичный процесс, что от него можно ожидать. Это помогало при прогнозировании.

Наряду с составлением прогнозов в свободное время от дежурства выполняли совместные исследования по региональной синоптике. Статьи публиковались в Сборнике работ по региональной синоптике Урала, а также в Трудах свердловской ГМО. Статья «Условия формирования продолжительных осадков на Урале» была напечатана в «Сборнике работ по региональной синоптике» (№ 7, 1962). Работа по исследованию волн холода и тепла на Урале, выполненная по данным многолетних наблюдений в Перми и Свердловске, используется синоптиками-долгосрочниками в повседневной работе и регулярно пополняется данными последних лет.

В 1966 году я была переведена на должность главного синоптика бюро погоды и проработала в этой должности 17 лет, до выхода на пенсию. Начальником отдела метирогнозов была Соломеня Г. М., с которой мы работали в тесном контакте.

С конца 50-х и начала 60-х годов коллектива синоптиков бюро погоды значительно обновился за счет выпускников Одесского и Ленинградского гидрометеорологических институтов, а также университетов. В эти годы заметно ожила методическая работа в бюро погоды. Одним из первых инициаторов ее был Гаринопольский А. Г. Наряду с качественными стали применяться количественные методы прогнозов. Синоптикам бюро погоды стали систематически проводиться испытания расчетных методов прогнозов температуры воздуха, количества осадков, гроз, туманов, гололеда, а позднее ветра и шквалов. Учитывалось влияние местных особенностей Урала, вводились соответствующие поправки. Методы, показавшие наиболее высокую оправдываемость, внедрялись в оперативную работу синоптиков бюро погоды, ГМО и АМСГ. Обучение синоптиков АМСГ, ГМО и ГМБ проводилось на семинарах, а также во время методических инспекций. В помощь синоптикам на сеть ГМО, ГМБ и АМСГ были разосланы методические пособия по прогнозу опасных явлений погоды. В их подготовке и издании принимали участие ведущие специалисты бюро погоды. Так, грозами в основном занимались Гудкова Л. И. и Евстигнеева Л. Н., туманами — Устинова Г. А., осадками и низкой облачностью — Пряхина Л. Д. и Халевицкий З. З., ветрами и шквалами — я и Носкова А. Д. Работали творчески. Учились сами и учили других.

Трудолюбие, взаимопонимание, сплоченность коллектива синоптиков помогали преодолеть многие трудности.

За время работы неоднократно награждались почетными грамотами, денежными премиями. Награждена знаком «Отличник

гидрометслужбы», орденом «Знак Почета», медалью «Ветеран труда», занесена в Книгу почета ГУГМС.

Проработав 30 лет в бюро погоды, в 1982 году по состоянию здоровья вышла на пенсию, но связь с коллективом не теряю до настоящего времени, испытываю к нему самые дружественные и теплые чувства.

Сухарев Константин Иосифович

ветеран труда

В 1925 г., окончив 8 классов общеобразовательной средней школы, я поступил учеником в аптеку. В 1926 г. должность ученика в аптеке была сокращена, и я продолжил учебу. Закончил среднюю школу, Московский индустриально-педагогический институт и был направлен работать в г. Свердловск, где в 1933 г. был зачислен преподавателем математики педагогических курсов при горюю, затем преподавателем математики старших классов средней школы взрослых.

В школе работал с 1933 по 1938 гг., причем все время по совместительству.

15 декабря 1933 г. я поступил практикантом-синоптиком в сектор службы погоды областного Свердловского управления единой гидрометслужбы, теперь Уральского территориального управления по гидрометеорологии.

С 1 июля 1934 г. приступил к самостоятельной работе специалиста-синоптика сектора погоды. Наставниками моими были: начальник сектора (бюро погоды) А. Д. Уласевич и отличные профессисты того времени — ст. специалист С. А. Корешков и В. Г. Гребенкина, за что я им очень благодарен.

В 1936 г. я закончил курсы высшей квалификации синоптиков при Московском гидрометинституте и до сентября 1941 г. был на должностях: ст. специалиста бюро погоды, заместителя начальника отдела службы погоды и одновременно начальником метецентра бюро погоды, в то же время уже Свердловского управления гидрометслужбы (СУГМС).

В начале июня 1941 г. был командирован в Ленинград на курсы синоптиков-долгосрочников, по закончить их не удалось: началась Великая Отечественная война, пришлось вернуться в СУГМС.

Период с 1930 по 1941 гг. характеризовался бурным развитием народного хозяйства по всей стране, в том числе и на Урале.

Требования народного хозяйства на использование гидрометеорологических материалов с каждым годом возрастили. Это заставило гидрометслужбу развивать научно-исследовательскую и оперативную работу, в основу которой брать запросы народного хозяйства и тем самым отойти от установившейся традиции бывшей обсерватории, которая была далека от жизни, занимаясь «чистой наукой», «академизмом», оставаясь «тишайшим», «сне от мира сего» учреждением.

В этот период быстро развивалась сеть метеорологических, гидрологических, агрометеорологических станций.

Создались возможности быстрее и полнее организовывать сбор гидрометеорологических данных и передавать их отраслям народного хозяйства за счет развития внутри службы средств связи (телефон, радио, телеграф). В эти годы был освоен синоптический метод составления прогнозов погоды. Разрабатывались методики составления гидрологических и агрометеорологических прогнозов и т. д.

Параллельно с ростом объемов работ по удовлетворению запросов народного хозяйства общими режимными материалами начинает развиваться специализированное оперативное обеспечение отдельных отраслей его, в первую очередь железнодорожного транспорта, гражданской авиации (ГА), сельского хозяйства.

Оперативные прогнозы погоды составлялись по участкам железных дорог, по автотрассам; гидрологические прогнозы по водным объектам и т. д.

С целью повышения качества гидрометобеспечения изучалось влияние погодных условий и формирующих их синоптических процессов на железнодорожный транспорт (ст. специалист Е. Персова), выявлялись наиболее заносимые участки железных дорог и т. д.

Для составления прогнозов вскрытия и замерзания рек и агрометпрогнозов внедрено в работу сектора службы погоды составление прогнозов перехода температуры воздуха через 0° весной и осенью методом Кондратьева.

Эту работу выпала честь проводить мне.

Развитие гражданской авиации (ГА) на Урале заставило гидрометслужбу наиболее быстро развивать оперативное специализированное метеорологическое обеспечение ее работы, открыть по соглашению и действовать до 1941 г. 5 авиаметстанций — гражданских (АМСГ). Организацию сети АМСГ и работы по метеообеспечению авиации провел начальник сектора по метеообеспечению авиации Молчадский А. Р.

Специально для метеообеспечения ГА был организован сбор метеоданных с гидрометеостанций и передача их по радио для составления специальных кольцевых карт погоды на аэродромах в метеоцентре через каждые 2 часа.

Началось изучение метеорологических условий полетов воздушных судов на обслуживаемых авиатрассах. Первое описание по авиатрассе Омск — Свердловск — Казань составила А. Д. Ульевич.

Нельзя забыть Рыбакова П. Ф., старейшего работника гидрометслужбы Урала, осуществлявшего метеообеспечение полетов самолетов и известного летному составу ГА Урала в 30, 40, 50-е гг. в качестве отличнейшего авиа прогнозиста.

Впервые СУГМС было проведено непосредственное метеорологическое обеспечение перелетов боевых соединений самолетов ВВС в связи с событиями на реке Халхин-Гол в 1939 г. и в период финской войны в 1940 г.

Для этого СУГМС организовало оперативную синоптическую группу в составе двух человек: синоптика (Сухарев К. И.) и радиостанции-наносителя (Демиховский В. С.). Группа для метеообеспечения перелетов самолетов выезжала на 2—3 недели на аэродром ВВС. Нельзя не отметить самоотверженную работу радиостанции-наносителя оперативной группы Демиховского В. С., он в течение суток обеспечивал одновременно прием на слух по радио и наноску метеоданных на 2 основные и 3 кольцевые синоптические карты в сутки с отличным качеством.

Приобретенный опыт метеообеспечения боевых соединений самолетов ВВС послужил основой в дальнейшем для метеообеспечения вылетов самолетов ВВС в период Великой Отечественной войны. Вначале гидрометслужба страны была включена в состав Красной Армии, а СУГМС в состав Уральского военного округа (УрВО).

После 22 июня 1941 г. специалисты бюро погоды СУГМС проводили ежедневные консультации командования штаба ВВС УралВО о метеообстановке на территории деятельности штаба и за его пределами. Однако, в связи с интенсивным развитием перелетов авиации ВВС, такое метеообеспечение командование штаба ВВС не устраивало, и СУГМС в сентябре 1941 г. организовало специальную оперативную синоптическую группу (ОСГ) и перевела ее из здания СУГМС в здание штаба ВВС УрВО, оставив ОСГ в штате управления.

В сентябре 1941 г. я и синоптик Покровская Н. И. были призваны в ряды Красной Армии в числе воентехников 2 ранга и зачислены инженерами-метеорологами ОСГ. В ОСГ также были зачислены вольнонаемные техники-наносители: Блинова Г. Н., Скоморохова М. и Виноградова.

Материалы для составления основных и кольцевых карт, а также штормовых телеграмм с сети ГМС и АМСГ передавались в ОСГ из бюро погоды по прямому телефону, с военных аэродромов непосредственно по телеграфу в ОСГ.

В сентябре 1942 г. ОСГ была выведена из состава СУГМС и на ее базе было организовано метеорологическое бюро штаба ВВС УрВО. Штат метеобюро был увеличен на 2 инженера-метеоролога за счет призыва в Красную Армию синоптиков Розенфельд Н. Г. и Дмитриевой Н. Я. Начальником метеобюро штаба ВВС УрВО был назначен я. В этой должности оставался до демобилизации из рядов Красной Армии.

Основной задачей ОСГ и метеобюро было метеообеспечение командования штаба ВВС УралВО для осуществления им руководства единичными и учебными полетами самолетов ВВС на территории УрВО, а также перелетами больших авиационных подразделений на фронты.

Кроме этого метеобюро обеспечивало командование штаба различными климатическими и другими необходимыми данными.

Руководство метеобюро проводило также инспекции метеостанций штаба ВВС УрВО.

Из прошедших в работе метеобюро лет особенно трудным было метеообеспечение перелетов авиаподразделений в период подготовки и проведения бесевых действий наших войск под Москвой и Сталинградом. Погода в эти периоды на Урале была неустойчивой, летний день самый короткий (осень, зима). Приходилось для перелетов искать и использовать все возможные самые короткие промежутки благоприятной погоды на трассах. Однако, несмотря на эти трудности, усугублявшиеся отсутствием метеоданных за линией фронта, инженеры-метеорологи в основном со своей задачей справились, а техники-синоптики обеспечили своевременный сбор необходимой метеонформации.

После демобилизации я вернулся в СУГМС и был зачислен старшим инженером-синоптиком, потом временно исполняющим обязанности начальника бюро гидрометпрогнозов, а с 25 марта 1948 г. — начальником отдела службы прогнозов (ОСП), переименованного в 1973 г. в отдел гидрометобеспечения народного хозяйства (ОГОНХ). 13 мая 1984 г., проработав в Уральском УГКС 50 лет, я в возрасте 75 лет, вышел на пенсию (персональный пенсионер местного значения).

Послевоенный период характеризуется дальнейшим развитием гидрометообеспечения народного хозяйства, особенно начиная с 5-й пятилетки, когда капитальные вложения в народное хозяйство Урала увеличились в 2 раза в сравнении с 4-й пятилеткой.

Гидрометобеспечение народного хозяйства продолжало развиваться в трех направлениях. Первое направление традиционное

— продолжение изучения гидрометрежима территории Среднего и Южного Урала, накопление фонда этих материалов, обобщение результатов изучения и издание их в виде Справочников с последующим распространением по отраслям народного хозяйства, а также выдача по запросам различных сиравок народнохозяйственным организациям на основании обобщенных и изданных службой материалов по гидрометрежиму.

Второй путь, зародившийся в конце 30-х и начале 40-х годов, — это изучение гидрометрежима районов и водных объектов, которые не были изучены или изучены, но не в том объеме, который требовался для той или иной отрасли народного хозяйства, на основе договоров за средства заказчика. Для проведения таких работ необходимо было проводить специальные обследования, организовывать экспедиции и т. д. В связи с этим потребовалось создать специальное подразделение — бюро расчетов и справок (БРиС). В СУГМС БРиС был создан в конце 30-х — начале 40-х годов. Однако в первой половине 50-х годов почти прекратил свою деятельность.

Вновь большой размах своих работ, благодаря инициативе начальника СУГМС Бабченко В. Н., БРиС приобрел в конце 60-х годов и начале 70-х, когда его возглавил Силин Ф. М.

Развитие работ БРиС продолжили Вдовенко С. М. Денисов А. Ф.

В 1946 г. мне пришлось в качестве руководителя и синоптика выделенной СУГМС оперативной группы в составе синоптика, радиооператора и техника-наносителя проводить синоптическое обеспечение экспедиции БРиС ГГО, которая по запросу народного хозяйства изучала гидрометеорежим одного из районов Южного Урала. Необходимо отметить отличную работу радиооператора Соломенна А. В. и техника-наносителя Кулик А. Г., которые в полевых условиях быстро развернули работу по радиоприему и наноске на синоптические карты и бланки метеорологических и аэрологических данных и обеспечили вдвое круглосуточно в течение недели все необходимые материалы для выполнения задач оперативной группы.

Третье направление — оперативное специализированное гидрометеобеспечение непосредственно производственной деятельности ведущих отраслей народного хозяйства с учетом специфики их деятельности прогностическими и режимными материалами службы.

Элементы этого направления гидрометеобеспечения закладывались в конце 20-х годов и в течение 30-х годов, но интенсивное развитие оно получило в послевоенный период, особенно после 50-х годов.

К 50-м годам оперативное специализированное гидрометеобеспечение народного хозяйства окончательно было оформлено в службе в самостоятельное направление.

К этому времени в СУГМС был организован отдел службы прогнозов, реорганизованный из отдела службы погоды, в ведении которого находилась сеть оперативных органов: ОМС, АМСГ, бюро погоды (БП). На отдел службы прогнозов (ОСП) возлагалось оперативное обеспечение производственной деятельности ведущих отраслей народного хозяйства Урала прогностическими и режимными гидрометеорологическими материалами. Были изданы положения (Наставления) о гидрометобеспечении железнодорожного транспорта, метеорологического обеспечения гражданской авиации, гидрометеорологического обеспечения речного флота и других отраслей. В 1953—1956 годах отдельные положения по каждому виду гидрометобеспечения народного хозяйства: метеорологическому, гидрологическому и агрометеорологическому, которыми руководствовались в дальнейшем оперативные органы гидрометслужбы СССР по обеспечению метео-, гидро- и агрометеорологическими материалами народного хозяйства.

В связи с развитием оперативного специализированного гидрометеобеспечения народного хозяйства развивалась сеть СУГМС и к 50-му году в ее состав входило 14 АМСГ. 3 областные метеорологические станции (ОМС): Пермская, Челябинская, Уфимская, реорганизованные впоследствии в гидрометеорологические бюро (ГМБ) и бюро погоды при СУГМС.

Много труда, энергии в развитие оперативной сети, организацию работ по гидрометеобеспечению народного хозяйства вложили начальник отдела службы прогнозов (ОСП) Пономарев М. Д. и начальник сектора метеообеспечения авиации Денисов Г. В. В частности, под руководством Пономарева М. Д. начались исследовательские работы по изучению синоптических процессов на Урале. В бюро погоды проводилась подготовка специалистов-синоптиков для сети.

Денисов Г. В. приложил большие усилия в развитии сети авиа-метстанций (АМС) и организации их работ, что способствовало улучшению работы сети по метеообеспечению гражданской авиации.

К началу 50-х годов не только увеличилось число запросов от народного хозяйства на оперативное специализированное гидрометеобеспечение его отраслей (крупных народнохозяйственных объектов), но и повышалась к СУГМС требования по оперативности, большей специализации и качеству передаваемых народному хозяйству материалов. В последующие годы эти требования непрерывно возрастали. Для решения этих задач ОСП с участием других отделов и производственных подразделений нужно было

организовать и пропустить целый комплекс работ. Остановлюсь только на некоторых, на мой взгляд, наиболее важных.

Прежде всего решался вопрос о развитии оперативной сети, которая могла бы обеспечить запросы народного хозяйства и руководства каждой области (республики).

С этой целью ОСН 28 сентября 1920 г. в г. Кургане открыл и организовал работу по оперативному специализированному гидрометеообеспечению народного хозяйства и руководящих органов Курганской области — Курганское гидрометбюро (ГМБ) III разряда. Первым начальником ГМБ был Шестаков Д. М., в последующее время Марченко Ю. Г., Базердеревский К. М., Янов А. А.

С этого времени на территории деятельности СУГМС каждая область (республика) имела свой оперативный орган (ГМБ) по оперативному обеспечению народного хозяйства и руководства области (республики).

С 1973 года, на базе ГМБ, метеостанций, агрометстанций, аэрологических станций, расположенных в областных, республиканских центрах, были организованы гидрометобсерватории (ГМО), в состав которых вошли отделы, выполняющие оперативное, специализированное гидрометобеспечение народного хозяйства и руководства области (республики).

Развитие до первой половины 80-х годов авиатрасс местного значения, развитие работ ГА по применению авиации в народном хозяйстве в малоосвещенных метеорологическими данными районах, ввод в эксплуатацию новой авиационной техники от АН-2 в конце 40-х годов до ТУ-154 начала 80-х годов, а также открытие новых аэропортов как местного, так и союзного значения побудило СУГМС (УрУГМС) развивать и укреплять на территории своей деятельности сеть АМСГ.

За этот период ОСП (ОГОНХ) открыл на Урале одну АМСГ I разряда, 3 АМСГ III разряда, 7 АМСГ IV разряда и реорганизовал в высшие разряды 11, а внераразрядную АМСГ Кольцово — в Авиационный метеорологический центр (АМЦ).

Немало вложили сил и энергии в работу по расширению и реорганизации существующей оперативной сети ст. инженер-инспектор ОСП (ОГОНХ) Жильцова З. А., ст. инженер-инспектор ОГОНХ Пономарев В. И., коллектив синоптиков Свердловского бюро погоды под руководством начальника Халевицкого З. З., начальник АМЦ Кольцово Беломаз Н. М., начальник АМСГ Б. Савицко Чернышев В. В., начальник АМСГ Уктус Епишин К. И., начальник АМСГ Кудымкар Смирнов К. И. и др.

Практика организации и проведения оперативного специализированного гидрометеообеспечения народного хозяйства показала, что без знаний специфики производственной деятельности каждой ведущей отрасли народного хозяйства (крупного народнохо-

зяйственного объекта), влияния на производственную деятельность отдельных метеофакторов труда организовывать, проводить и улучшать оперативное специализированное гидрометеобеспечение.

С целью более высокого качества оперативного специализированного гидрометеобеспечения отраслей народного хозяйства из Урала ОСП организовала на сети ГМБ работу по изучению специфики производственной деятельности основных отраслей в каждой области (республике), расположенных на территории деятельности СУГМС.

К началу 60-х годов результаты были обобщены по каждой отрасли в технические записки, которые стали основой при организации, а также при проведении специалистами оперативных органов СУГМС специализированного гидрометеобеспечения народного хозяйства на Урале. В дальнейшем эти технические записки дополнялись в связи с изменениями производственной деятельности той или другой отрасли народного хозяйства, а при необходимости и пересоставлялись. При организации оперативного специализированного гидрометеобеспечения новой отрасли народного хозяйства (которого крупного народнохозяйственного объекта) техническая записка составлялась для этой отрасли (объекта).

В составлении технических записок участвовали все ведущие специалисты сети ГМБ и Свердловского бюро погоды под непосредственным руководством начальников соответствующих оперативных органов. Необходимо отметить начальника Пермского ГМБ Матвеева В. М., начальника отдела метеобеспечения народного хозяйства (МОНХ) Челябинского ГМБ Ишукову Т. Л., начальника отдела МОНХ Пермского ГМБ Голикову И. Ф., начальника ГМБ Уфа Никульшину Г. А., которые не только организовывали работу в их подразделениях, но и сами участвовали в составлении технических записок. Начальник отдела метеопрогнозов Свердловского бюро погоды Соломенина Г. М., начальник отдела гидрологических прогнозов Свердловского бюро погоды Летина М. Г., начальник отдела агрометеопрогнозов Свердловского бюро погоды Прохоренко О. Т. не только участвовали в составлении технических записок по ведущим отраслям народного хозяйства Свердловской области, но принимали участие в редактировании технических записок, составленных сетью ГМБ.

На сети АМСГ, как и на сети ГМБ, ОСП организовал и провел работу по изучению климатических и метеорологических условий в районах обслуживаемых аэропортов, анатрасс и районов полетов. Результаты обобщены и изданы в виде климатических описаний анатрасс и аэропортов по каждому базовому аэропорту, которые используются специалистами АМСГ при оперативном метеобеспечении полетов самолетов и работниками ГА при планировании работ. В этой работе участвовали все ведущие специа-

листы, в том числе и начальники АМСГ. Техники сети АМСГ готовили табличные материалы, а синоптики их собирали и делали выводы. Энтузиастами этой работы были: начальник АМСГ Пермь Ковалевская Т. П., начальник АМСГ Кольцово Монсеева Т. К.

В связи с введением в эксплуатацию на авиалиниях ГА новой авиатехники ранее составленные описания аэропортов не отвечали новым требованиям. На сети АМСГ была организована работа по составлению климатических характеристик аэропортов ГА, которая была закончена в 70-х годах изданием типографским и машинописным способом климатических характеристик. Эти климатхарактеристики были разосланы в АМСГ своего и соседних УГКС, а также в соответствующие аэропорты Уральского управления гражданской авиации (УрУГА) для использования в производственной работе специалистов АМСГ и работников ГА.

В составлении и издании климатических характеристик аэропортов непосредственное участие принимали начальник АМЦ Кольцово Беломаз Н. М., старший инженер-синоптик АМЦ Иозова В. А., начальник АМСГ Уфа Кострочина А. Н., начальник АМСГ Челябинск Мусин Р. Ф., начальник АМСГ В. Савин Чернышев В. В. Начальник АМСГ Свердловск-Уктус Епкишин К. И. обеспечил составление и издание климатической характеристики не только своего базового аэропорта, но и аэропортов местного значения, приписанных к базовому.

Большой вклад в эту работу внесла ст. инженер отдела климата Свердловской ГМО, а потом начальник этого отдела Халевицкая Г. С., которая сделала существенные замечания при редактировании климатических характеристик основных аэропортов УрУГА, что и было учтено при их издании.

Следует отметить, что работа по составлению технических записок по гидрометеобеспечению отраслей народного хозяйства и описания авиастрок и районов аэропортов, а также климатических характеристик выполнялась коллективами оперативной сети с большим энтузиазмом и в основном за счет уплотнения своего рабочего времени, а в ряде случаев — за счет личного времени.

Развитие в послевоенный период отраслей народного хозяйства, в первую очередь авиационного транспорта, привело к необходимости создания дистанционных приборов для оперативного получения информации о состоянии физических параметров атмосферы. Со второй половины 50-х годов подобные приборы начали поступать в УГКС, и началась работа по их внедрению прежде всего на сети АМСГ.

До 60-х годов вся оперативная сеть была оснащена приборами АРМЭ, ДМС-49, до 65-го года — измерителями высоты облаков (ИВО), до 70-х годов — регистраторами прозрачности ат-

мосферы (базовые АМСГ, обеспечивающие полеты турбореактивных и турбовинтовых самолетов), до 80-х годов — комплексами радиотехническими, автоматическими метеостанциями (КРАМС) в основных аэропортах ГА: Кольцово, Челябинск, Уфа. КРАМС облегчила работу техников-наблюдателей АМСГ — дала им возможность проводить наблюдения, не выходя из рабочего помещения, за скоростью и направлением приземного ветра, горизонтальной видимостью вдоль взлетно-посадочной полосы (ВПП), высотой облаков на старте и на ближних приводах (БПРМ), температурой и влажностью воздуха, атмосферным давлением в районе старта. Данные о погоде вдоль ВПП диспетчеры службы движения и спионтики аэропорта стали получать не только от наблюдателя по телефону, но видеть их на табло, установленном в их рабочих помещениях.

К началу 80-х годов в аэропортах Кольцово, Челябинск, Уфа, Магнитогорск, Б. Савино и на ГМС Серов были установлены метеорологические радиолокаторы (МРЛ), которые давали информацию о наличии, развитии и смещении зон облачности, грозовых очагов, ливневых осадков и града. Для диспетческого состава и спионтиков АМСГ аэропортов, в которых установлены МРЛ, составлялись специальные радиолокационные карты МРЛ и передавались им, а в экстременных случаях по телефону — штурмовые оповещения.

В целях более полного использования радиолокационной информации сети МРЛ, расположенной на территории деятельности УрУГКС, отделом ГОНХ был организован сбор результатов наблюдений с 6 МРЛ, составление стыкованных карт на АМЦ Кольцово и передача их по факсимильным связям через Свердловский РМЦ для всей сети АМСГ и ГМО УрУГКС, соседних УГКС и народнохозяйственных организаций.

Активное участие в организации этой работы принимал начальник АМЦ Кольцово Беломаз Н. М. и коллектив МРЛ АМЦ Кольцово, который добровольно взял на себя дополнительную большую нагрузку без увеличения штата и под руководством старшего инженера МРЛ Беломаз Н. Ф. хорошо с нейправлялся. Следует также отметить руководство территориального центра связи (ТЦС) — Коновалова Г. П. и ст. инженера ТЦС Редикорцеву Е. Д., которые оказали большую помощь отделу ГОНХ в организации передачи сборных карт по факсимильным связям.

В начальный период поступления новых измерительных приборов и оборудования на сеть АМСГ внедрение их в эксплуатацию проходило в тяжелых условиях, поскольку личный состав сети АМСГ не был готов эксплуатировать их. Инженеры и техники сети АМСГ, окончившие гидрометеинституты и гидрометтехникумы, не были подготовлены учебными заведениями к работе с но-

выми приборами и оборудованием. Техники-наблюдатели АМСГ, подготовленные на местах из числа окончивших 8—10 классов общеобразовательных школ, тем более не были готовы к эксплуатации новых приборов и оборудования.

Пособий по установке, ремонту и эксплуатации метеорологических дистанционных приборов не было. Рекомендации по ремонту новых приборов, имеющихся в заводских технических описаниях, прилагаемых к приборам, методических указаний по их эксплуатации были совершенно недостаточны для оказания помощи работникам сети по ремонту и эксплуатации приборов. Первое пособие по ремонту и эксплуатации новых приборов поступило на сеть только в 1966 году, хотя эксплуатация их на сети АМСГ началась со второй половины 50-х годов.

Эти обстоятельства заставили организовать и одновременно проводить техническую учебу личного состава ОСП, сети АМСГ, обеспечивать установку и эксплуатацию поступающих на сеть новых приборов.

Установка приборов и их ремонт был возложен на местах на начальников радиоаппаратных. На АМСГ IV разряда, в штатах которых не было радистов, по договоренности с управлением ГА, эти обязанности возлагались наadioоператоров аэропортов, которые в то время в сравнении с другими специалистами АМСГ имели более высокие знания по электротехнике и по технике безопасности работ с электросиловыми установками.

Первопроходцами в установке и ремонте новых приборов следует отметить, например, начальника радиоаппаратной АМСГ Пермь—Бахаревка Конылова П. Н., начальника радиоаппаратной АМЦ Колыово Шевелева Г. Ф., начальника радиоаппаратной Свердловск — Уктус Красноярова О. А.

Контроль за правильностью установки и эксплуатации приборов возлагается на ОСП.

К концу 60-х годов на крупных АМСГ были введены должности техников-прибористов, которые укомплектовывались радистами или работниками связи гражданской авиации, а в последующем были введены должности инженеров-прибористов.

Эти мероприятия позволили своевременно внедрить и успешно эксплуатировать новые приборы и оборудование на сети АМСГ.

В конце 60-х годов и начале 70-х годов при ГУГМС было организовано техническое управление, и после этого в УГКС начали организовываться мастерские по ремонту метеоприборов (МРП) и отделы техники. Начали прибывать инженеры и техники-прибористы, окончившие гидрометинституты, техникумы, курсы.

Первым инженером-прибористом, окончившим гидрометинститут, в УГКС (АМСГ Колыово) прибыл Романец И. Г., который

с организацией технического отдела при УрУГКС был назначен его начальником.

С организацией МРП и отдела техники при УГКС трудностей при установке, эксплуатации и ремонту новых измерительных приборов и оборудования на сети АМСГ стало меньше, что способствовало более успешному внедрению новой техники. В результате внедрения приборов АРМЭ, ДМС-19 и ИВО на сети ГМС повысилось качество их информационной работы, используемой оперативной сетью для метеообеспечения народного хозяйства, и в первую очередь авиации.

Продолжение воспоминаний было прервано скоропостижной кончиной Константина Иосифовича 12 января 1988 года.

Уласевич Антонина Дмитриевна —
ветеран труда

10 января 1930 года я приехала в Свердловск на работу из Казани. Поезд пришел поздно вечером, поэтому я ночь промучилась на вокзале, а утром отправилась в Свердловскую обсерваторию. Трамваи ходили только по одному маршруту — от вокзала к улице Ленина, на пл. 1905 года и, кажется, на ул. 8-е Марта. Поэтому я сошла и примерно от ул. Толмачева шла пешком на горку. Мороз около 40°, а я в туфлях и мелких калошах. Поплутав по Сенной площади (сейчас это сад Павлика Морозова), я паконец добралась до обсерватории. Ворота закрыты, калитка тоже. Я потоптаясь и с трудом пробралась на территорию обсерватории, а потом со страхом и в самом здание, не встретив ни одной живой луши. Вход был примерно там же, где был до недавнего времени (пока не стали ходить нижним коридором), лишь входили с запада, а не с севера. Там, где сейчас радиоузел, была большая проходная комната, где в витринах помещались метеорологические приборы, висели барометры, в т. ч. старый промздкий чашечный барометр. Ни в этой комнате, ни в вестибюле (комнатка в радиоаппаратной, примыкающая сейчас к комнате техников), я никого не встретила. И пока шла до большой комнаты (из которой отгорожена комната отдела кадров и нач. метеоотдела), было тихо, лишь слышен был размах маятника старинных часов (которые сейчас в Косулино), тогда они находились в отделе наблюдений.

В большой комнате стояли 2 стола (там сидели бухгалтер и секретарь — это была вся канцелярия обсерватории, по-моему, не было даже машинистки). Там мужчина (бухгалтер Круль) указал мне, как пройти в бюро погоды. Был помещалось в той же комнате, где сейчас сидят синоптики. За одним большим столом сидели 4 человека — Мартенс, Ганнот (он считался тогда заведующим БП) и 2 вычислителя — Изможеров и Вершанина, еще была вычислитель Гусева Г. А. Корешков С. А. был в Ленинграде на стажировке и по приезде уже работал синоптиком. Вдалеке стоял еще большой стол (где сидят Соломенкин, Строгина) — там сидела зан. сейсмической станцией Вейс-Ксенфонтова.

Обсерватория состояла из трех отделов: отдел наблюдений, отдел метеообработки (большой отдел), бюро погоды и магнитная обсерватория. Сейсмическая станция уже тогда не подчинялась обсерватории и отошла после организации Единой гидрометслужбы.

Меня приняли на должность адъюнкта и временно устроили в кабинете отсутствующего зам. директора обсерватории, а потом помогли (в основном Мартенс) устроиться на частную квартиру.

Директор обсерватории М. В. Ситнов жил и работал в 2-х больших комнатах, Мартенс жила внизу, где сейчас машинистки.

В первые дни я познакомилась с работой бюро погоды, где составлялась одна синоптическая карта, масштаб примерно 1:20000000 или 1:15000000 — от Скандинавии до Дальнего Востока. Сеть станций была редкой, особенно к востоку от Свердловска. Кроме синоптической карты составлялись карта суточных изаллобар, карта суточных изаллотерм и карточка осадков. Ежедневный бюллетень охватывал наблюдения Урала и Западной Сибири, т. к. в Новосибирске тогда еще не было бюро погоды.

Летом 1929 года я была на практике в Московском бюро погоды, которое и тогда помещалось на Красной Пресне, в угловом двухэтажном доме, напротив Центрального института (в большом здании, что составляет основу здания ЦИПа, была Метеорологическая и аэрогеологическая обсерватория, где я впервые увидела аэродинамическую трубу). Заведовал бюро погоды профессор Сергей Иванович Небольсин, синоптики были Горожанкин, Матвеев и тогда еще не окончившие Московский университет Хромов, Курганская, видной фигурой был Абрам Исаакович Аскназий — непосредственный руководитель нашей практики. Масштаб карт, с которыми работали в Московском БП, был небольшой, протяженностью на восток примерно до Кургана — Тобольска, при анализе карт пытались проводить фронты, но нас, практикантов, почти с этим не знакомили, хотя Аскназий пытался с нами использовать Гофмайерские атласы для характеристики воздушных масс.

Так вот, в Свердловском бюро погоды материал для прогнозов составлялся почти такой же, лишь насыщенность карт в Москве была лучше. До приезда Марии Александровны Мартенс карты из аллютерма и из аллогипса в Свердловском БП не составлялись, и это новшество было введено по настоянию Мартенс. Прогнозы в Свердловском БП составлялись в основном для железной дороги и передавались в ПГМ — Мохову и для общего пользования. По радио они не передавались. Доставлялся ли ежедневный бюллетень какими-либо свердловским организациям — не помню. Знаю, что рассыпался по почте обсерваториям. В штате БП был всего лишь один радиотелеграфист Сельнишин, который приходил вначале, кажется, всего один раз в сутки. Между прочим, радиотелеграфист он был замечательный — принимал метеосводки почти при любой слышимости.

Синоптические телеграммы шли как по железнодорожному телеграфу (тогда было много ж.-д. станций), так и из управления связи. Все они прибывали в БП по телефону, а потом с центрального телеграфа доставлялись рассыльной.

Авиация, по-моему, регулярно не обслуживалась. Тогда существовало общество «Добролет». На летнее время с «Добролетом» составляли договор, и по этому договору за отдельную плату составлялись прогнозы. Подробности не знаю, т. к. по обслуживанию авиации работали лишь Мартенс и техник Гусева. Все это было до реорганизации обсерватории, т. е. до организации Единой гидрометеорологической службы. Всем бюро погоды руководил Мартенс. Зав. бюро погоды Гачинот почти в это дело не вмешивался, он был очень стар и, может быть, потому, что работал над большой темой по снежному покрову, которую так и не закончил.

Помню, составлялись прогнозы для первого дальнего перелета (самолета «Крылья Советов»), на этом самолете синоптиком летал Сергей Михайлович Простяков. Мы ежедневно (составляя прогноз, в основном Мартенс, я ему училась) составляли прогнозы по очень большой территории Дальнего Востока, в которые входили — количество облачности, направление и скорость ветра, температура воздуха. По какому адресу отсылались эти прогнозы — не знаю. Какова их удачность — неизвестно, но надо думать неважная, т. к. линий по этому району было очень мало. Все это было до организации Единой гидрометеорологической службы.

В связи с организацией Единой гидрометеорологической службы в 1930 году объединились обсерватория с метбюро земельного управления. К нач в здание перебрались работники метбюро, организовался новый отдел урожая, разрослась канцелярия. Вскоре появился гидрологический отдел и отдел Водного кадастра, а кажется, и гидропрогнозов. Появилось два новых администратора: начальник

управления и его заместитель (о начальнике не помню — или вначале был Кобелев, а потом Васильев или наоборот). Заместитель, был Руденко Александр Иванович (при обоих начальниках) — бывший заведующий метбюро, агроном по образованию (в будущем кандидат, а потом и доктор с/х наук в Ленинграде). Это были энергичный и, главное, искуманный человек. Он и Мартенс были, пожалуй, самыми индивидуальными людьми того периода. Оба знающие (каждый в своей области), оба энергичные. Но в первое время они, кажется, не ладили (не сходились во взглядах на обслуживание), а потом сработались. По их инициативе и с большим трудом получено разрешение проводить передачу прогнозов бюро погоды непосредственно из здания ГМС (небольшая будочка была оборудована в уголке, примыкавшем к комнате техников — дверь от нее осталась, там сейчас небольшой шкаф у техников, где хранятся канцелярские принадлежности).

В бюро погоды резко изменился характер работы: появилась большая отрасль обслуживания — сельское хозяйство, и вот тогда появился непосредственный контакт бюро погоды с областными руководящими организациями, т. к. по настоящему Руденко часто составлялись карточки осадков и обзоры. Для облзу ежедневно передавались сведения об осадках, о температуре и других метеорологических элементах — по требованию. За период 1930—1933 гг. сеть метеорологических станций на Урале выросла, наверное, не меньше, чем вдвое. (одно время была тенденция открытия станций чуть ли не в каждом районном центре, но потом взгляды эти изменились, и некоторые метеостанции закрыли).

Зимой 1930—31 гг. М. А. Мартенс была вызвана на курсы синоптиков по освоению так называемого норвежского метода (фронтологоческого анализа), и мы (я и Корсиков С. А.) в основном обеспечивали работу бюро погоды (вначале не особенно хорошо, иногда и плоховато, но потом, конечно, лучше) с помощью опытных техников — Гребенкиной, Гусевой, Сорокиной, Ключевой и др. По возвращении с курсов Мартенс мы изучали облачность, новый код, который был введен в конце 1931 — начале 1932 года. Переход на новый синоптический метод — это большой поворот или переворот не только в работе бюро погоды, но и в работе метеорологической сети. Вводился новый срок наблюдений (1 час ночи), который вначале не смог быть обеспечен персоналом наблюдателей Свердловска, и мне, и вычислителям при ночных дежурствах приходилось производить эти наблюдения. Освоение и усвоение нового кода, который в основном остался тем, что и сейчас, потребовал большей подготовки наблюдателей всех работников БП и отдела метеообработки.

С 1932 года в связи с этим, а также в связи с увеличением сети станций ежегодно проводились курсы подготовки наблюдателей

телей. Мы все успешно занимались изучением облачности, усвоением нового кода и покемногу фронтологическим анализом. Для освоения последнего было организовано Центральным БП еще два курса для синоптиков: в Пятигорске летом 1932 года, на которых я была, и еще в Москве зимой повторные, на которых опять была Мартенс, и несколько курсов по подготовке синоптиков, на которых учились в 1932 г. вычислитель Гусева (Лилсева), а в 1934 году Гребенкина Вера Григорьевна.

С первых курсов к нам в БП был направлен синоптик Михаил Лисинский, который проработал гола 2, а затем уехал учиться. Первый синоптик, подготовленный силами БП, был Рыбаков Петр Федорович. Это было в 1932—33 гг.

Одновременно с увеличением объема обслуживания городских и областных организаций (в основном по обслуживанию с/х) значительно возрос объем обслуживания авиации — теперь уже Гражданского флота. Примерно с конца 1932 года в штате БП работал инспектор по обслуживанию авиации (бывший летчик, участник I-й чирской войны Бушуев И. А.). Открывались бюро оповещений при Свердловском аэропорту в Уктусе (вначале без синоптической части), а потом и в Янауле и Магнитогорске. Начальником бюро оповещений в Свердловске отнюдь не был Силин Г. М. (не помню точно в 1933—34 или 1934—35 гг.), который потом долго работал на зимовках в Арктике, в последнее время и сейчас вместе с Тарамжениным в Антарктиде, в качестве зам. начальника экспедиции. Заресь же в Уктусе начала свою деятельность Галия Макарова (по окончании курсов метнаблюдателей весной 1933 г.) — сейчас Галина Ивановна Иовчева. Вера Ивановна Дегтева учились с ней же — это были самые маленькие и самые молоденькие девушки. Синоптическое обслуживание аэропорта Уктус, т. е. составление прогнозов погоды еще долго осуществлялось в БП. Ночью дежурил техник (один человек дежурил ночью до 1935 или 1936 года), а синоптик приходил утром и составлял прогноз. С 1933 года синоптик почти пегулярно выезжал в аэропорт с маленькой синоптической картой — вручил прогноз и проинформировал пилота. Впервые стала выезжать в аэропорт Громова Зоя Николаевна, приехавшая в Свердловск после окончания школы ГВФ зимой 1932—33 гг. Запомнился пилот-ориентироносец Ашюшев (высокий, полевой человек), он летал тогда на Обский север. Мы привозили ему в аэропорт синоптическую карту в очень маленьком масштабе и последнюю погоду по метеостанциям Тобольск, Самарово, Березов, Кондинское, Обдорск Салехард). Он брал карту, иногда задавал несколько вопросов и улетал. Возвращался обратно в Свердловск через 3—5 дней. Как он возвращался, какими метеорологическими материалами

пользовался при возвращении, не знаю. По-моему, встречных прогнозов мы ему не寄сыпали.

Для обслуживания строительства металлургического комбината в Магнитогорске было открыто бюро оповещений. Первым начальником был Мельник, а потом синоптик Рыбаков.

Весной 1933 г. Мартенс уволилась и уехала в Пятигорск, последнее полтора — два года она уже официально была начальником БП, а Ганиота постепенно отстранили, и он перестал работать в БП. (Вообще-то, с ним поступили нехорошо, но это дошло до меня значительно позже). На место Мартенс из Ленинграда приехал старый опытный синоптик Сочинский, образованный и умный, но и работу никак мало: пробыл недолго, не больше года. В третьей декаде мая 1933 года был сильный возврат холода, температура воздуха понижалась до 0...—5°. Помню: мы это поколдование предсказали довольно удачно (температура тогда была около 20° и выше, а мы дали понижение на 25 мая около °). Помню также, как мы с Корешковым мучались при составлении прогноза, обращались за помощью к Сочинскому, а он отделался общими фразами, не виняя в синоптическую обстановку. А потом, когда где-то в совхозе померзла рассада капусты, был разбор нашего прогноза и нам досталось порялочно, а Сочинский — официальный начальник БП — сидел в стороне, покуривал и не вставил ни единого слова в нашу защиту, да и вообще не вымолвил ни слова.

После его отъезда во Владивосток (а с ним одновременно приезжала и работала у нас техником-вычислителем Штабова А. И., впоследствии автор большой работы по синоптическим периодам Дальнего Востока, последние годы работала в ЦИПе, в отделе долгосрочных прогнозов) к нам был назначен Шифрин — начальник БП г. Sebastopоля, человек знающий, обладающий большими организаторскими способностями, и он поставил работ с большим размахом. Во-первых, он нашел штат БП членами (я, Корешков, Гусева и Грекинина) и поэтому решил готовить синоптиков своими силами из окончивших университет. Всего не были приняты окончившие физмат педагогического института Козионов, Сухарев, Суслов, Веденникова, а в дальнейшем окончившие физмат университета Коротков, Желтаков и др. Литературу по синоптике прорабатывали сами, обрабатывать карты учились у нас с Корешковым. Часть из них — Сухарев, Суслов, Веденникова и Башкирцева — были посланы на синоптические курсы в Москву.

В 1934 г. произошла реорганизация внутри управления ГМС. В основном образовалось 2 отдела — метеорологический и гидрологический. В метеорологический отдел входили: отдел сетей, бюро погоды и отдел урожая. Начальником методдела стал Шифрин. Начальником бюро погоды стала я. С 1935 года у нас был уст-

новлен телеграфный аппарат. По инициативе Шифрина у нас в БП был изменен масштаб и форма бланка синоптических карт, с большим распространением на восток. В этом направлении им была проделана большая работа. Эти бланки карт сохранялись у нас надолго, чуть ли не до войны. Из архивного материала это самые большие атласы, т. к. по размеру они были сличны большим картами (бланки были напечатаны в Свердловске).

Не помню точно, в 1932 или 1933 годах летом у нас проводилось самое большое и ответственное (за время моей работы) обслуживание авиации. Дело в том, что тогда проходил "переброска" (или перегонка) тяжелых бомбардировщиков на Дальний Восток (создание там авиационных соединений). Все пролетало через Свердловск и в большинстве случаев оставались здесь на ночь. Прибыл военный представитель для организации работы по обслуживанию (сейчас известный профессор воспитанник метеоролог Колобков). Машинам было мало приспособлены к полетам в сложных метеорологических условиях, а лето было дождливым, часто низкая облачность, поэтому и обслуживание было тяжелым и в высшей степени напряженным. Шла очень большая информация (авиателеграммы) как по ж.-д., так и по Центральному телеграфу, ее принимали всю по телефону. Прогнозы погоды составлялись и посыпались как встречные, так и далее по маршруту на восток. Здесь же на горке выпускали и обрабатывали шары-пилоты. С работы не уходили до тех пор, пока эскадрильи бомбардировщиков не приземлялись на Свердловском аэродроме. Сидели на вышке (на крыше управления), часто до поздней ночи, особенно когда была плохая погода. Иногда самолеты застревали по пути, были вынужденные посадки, не долетая до Свердловска; и тогда вылетали на их поиск. Такая работа продолжалась все лето. В обслуживании авиации принимали, в основном, участие я и Корешков, Лисинский, а больше никого не помню. Помню, что в это время уже работал техником Л. А. Федотов, который поступил в 1933 году. Техников точно не помню. Но за перво пол 1933—37 или 1938 гг. лучшие техники — Хризантов, Кленцева, Федотов, Валенева, Ворожцов (Федорова К. И.), Бабкина, с 1935 г. — Авдеева, а потом Топоркова, Баранова и др. Недолго работала техником в БП Ткачева.

В конце 1934 года приехали к нам на работу первые выпускники гидрометеорологического института — Иванова (Гриценко) и Торбина Н. В. Первая проработала менее года и уехала в Москву, а Нина Васильевна проработала до лета 1946 года. В 1936 г., окончив КазГУ, приехала Персова Е. Г. В 1937 г. поступила на работу синоптиком Надежда Яковлевна Дмитриева и проработала до 1950—52 гг. Она во время войны работала в штабе BBC с Сухаревым и Покровской. Персова уехала в Казань

в конце 40-х годов. После окончания техникума приехали на работу Сухобекова (Сухарева), Подолькова. Первая работала больше в АМСГ' (вначале в Янауле, а потом в Свердловске), Подолькова — в БП.

В 1935 году Шифрин был уволен (по неизвестным причинам), а вместо него был назначен начальником метеодела работник облау, который проработал менее года, потом начальником метеотдела была я, но тоже проработала менее года. За время моего «начальствования» сектором краткосрочных прогнозов (1935—37 гг.) много было хлопот и первотрепки с радиосвязью. Старший радиист, отличный слухач и радиотехник, Сельников ушел, и поступили на работу менее опытные молодые радиисты. После него прием метеоданных для спиритических карт резко ухудшился. Иногда карты были почти пусты. И хотя условия приема значительно ухудшились (была проведена вблизи трамвайная линия, появились вблизи заводы и др. помехи), все же во многом была вина и радиистов, т. к. я замечала, что при дежурстве одних (Соловченко, Могучих) материал принимался лучше, при других — хуже. Но я не специалист, мне трудно было с ними разбираться, может быть, были технические причины в оборудовании.

В 1936 г. из Москвы, по рекомендации начальника Главного управления Файнштейна, был прислан пожилой и должно быть опытный радиист, который и был старшим радиистом. Но при нем прием спиритического материала не улучшился, т. к. он занимался больше побочной работой (прирабатывал), чем радиосвязью. Уже когда начальником метеодела был Захаров, я неоднократно поднимала вопрос о том, чтобы пригласить хотя для консультаций опытного специалиста, т. к. дальше так дело продолжаться не может. Но никаких мер принято не было. И только когда в 1937 г. начальником управления стал Смирнов (первый специалист в нашей области, также выпускник гидрометинститута), он обратил внимание на это дело и пригласил инженера на начальника радиотелеграфного дела. Старшего радииста обвинили во вредительстве (тогда это было обычным явлением), да и меня тоже пытались обвинять в том же.

До Смирнова начальником нашего управления были агрономы или заболевшие работники областного масштаба, в одно время был даже бывший начальник АХО.

С 1934—35 гг. начала развиваться аэрологическая сеть по радиозондированию, а также самолетное зондирование (вначале горизонтальное, а потом вертикальное). На курсы радиозондистов был послан один из способных наблюдателей метеостанции Ипполитов А. Н. В 1935 г. из Ленинграда был командирован инженер Бушев. Он организовал в Свердловске пункт радиозондирования (вначале он располагался в Н.-Исетске, а потом в Косулино при

обсерватории В. Дубрава). После отъезда Бушева выпуск радиосигналов обеспечивал Ипполитов А. Н. Проработал он до конца 40-х годов.

В Центральном институте и в аэрологической обсерватории ГГО разрабатывались приемы и способы применения аэрологических зачных в прогнозах погоды. Составление телеграмм и тифограмм я осваивала сама, для этого получилась в Ленинградской аэрологической обсерватории и приложила немало усилий, чтобы ввести в практику работы синоптиков составление аэрологических энаграмм (выше указанных) и уметь анализировать и применять на практике других. Больше многое особенного ничего сделано не было. Велись небольшие исследовательские работы, и сама я немного работала (по ветру, инверсиям), но ничего существенного не было сделано, т. к. опыта в этой области не было. Да еще все время велись работы синоптиками БП по подготовке синоптиков (как называют сейчас — средней квалификации) из наиболее сильных и способных техников и работников сети. Так в нас были подготовлены Рыбаков (еще при Мартенсе), Клещевая, Федоров, Хрипашуков (правда, у него был небольшой опыт, когда служил в армии), Лебедевы (Сергей Александрович и его сестра), Крыжный и др. Мы их получали и отправляли на сеть. Лебедев то войны был начальником АМСГ. Крыжный работал в АМСГ (Янаул и Пермь II) тоже около 20 лет. С приездом Погонярова организовывались курсы при БП, окончившие курсы золото работали: Ворбловская (теперь Созинова), Мальцева была начальником АМСГ Пермь II, а потом работала в ГМБ. Сиссолятина (Мартюшева), Чеханович — тоже долго работали в Кольцово. Последние курсы были в 1960 г., чьих курсах учились Иванченко Вера Филипповна, Кульнин Т. К. (из Кольцово).

Много беспокойства и напряжения сил доставили нам дальние перелеты как на север первых Героев Советского Союза, так и до «перелеты на посток летчиков — Героев Советского Союза Громова, Водопьянова, Чкалова, Байдукова и Белякова, В. Коккини и др. Все прогнозы, иногда и консультации составлялись в бюро погоды. Прогнозы составлялись до Иркутска. Очень хорошее впечатление осталось о Белякове или потому, что он из метеорологической сечи, или потому, что как штурман понимал нас, синоптиков, больше других, знал, что мы беспокоимся за полет и за надежность прогноза. Он сам лично расспрашивал о погоде, а из Иркутска писал телеграммы по адресу: Свердловск, погода, синоптикам — примерно с таким содержанием: «Благополучно прилетели Иркутск Беляков». Лишько я помню таких две телеграммы. И никому из нас не приходило в голову сохранить их.

Весной 1939 г. мы переехали в Косулино, где из базе метеостанции В. Дубрава была организована обсерватория с тремя отдела-

ми: метеорология, аэрология и актинометрия. В отделе метеорологии, кроме меня и Дегтярева, работали Костромин В. Я., наблюдатели Овчинников В. П., Брюховских А. М. (Долганова) и др. В 1941 г. в Свердловск эвакуировалась ГГО. Все отделы Свердловской обсерватории слились с соответствующими отделами ГГО, что продолжалось до осени 1944 г., т. е. до отъезда ГГО в Ленинград.

Хочется еще сказать о своих впечатлениях от встреч с интересными людьми.

Асказаний Абрам Исаакович — один из самых опытных и знающих синоптиков Москвы первой половины 30-х годов. Хороший педагог, очень мягкий, лушевый человек (в жизни беспомощный). К нему без конца шли со всякими вопросами по синоптике, и он никогда не отказывал, иногда в ущерб своей работе. Всегда всем шел навстречу. Помню я обратилась к нему за помощью (когда была в Москве) разобраться в синоптической обстановке. Был случай, когда из-за обледенения в воздухе, группа полярных летчиков три дня не могла вылететь из Свердловска. Он сам занимался этим вопросом, постарался разобраться и объяснить мне. А кроме того, после еще думал над этим, дополнительные мысли и объяснения сообщил мне в письме. Он первый ездил в Норвегию (в 1929 или 1930 гг.) для освоения норвежского метода.

Смирнова Нина Васильевна — главный инспектор ГГО, тихая, спокойная женщина. Всегда стремилась помочь и научить других. Нередко в учебных целях проводила сама показательные инспекции, для нас, работников ГГО, и приезжих с периферии. Я очень благодарна ей и Шербаковой Я. Ф.

Зимой 1935—36 гг., будучи в Ленинграде, я попала на защиту кандидатской диссертации Блиновой. Точное название темы не помню, но это, по-видимому, одна из первых работ по применению гидродинамических методов в прогнозах (в основном прогнозов распределения давления). Было там много солидных людей, выступивших по данной теме, но большинство мало знакомых мне лиц (за исключением 2—3-х человек), и я мало кого запомнила. Но один человек солидного возраста мне хорошо запомнился, и выступление его понравилось. Что он говорил — я точно не помню, помню, что говорил очень интересно, хотя тот его был шутлив и ироничен. Запомнилась примерно такая фраза: «Значит, с сомнениями у синоптиков покончено. Решите уравнения и может быть спокойны?» После заседания я узнала, что это был, можно сказать, легендарный человек Ю. В. Визе, который известен тем, что, изучая морские течения в Баренцевом море, определил, что в северной его части должен быть остров (как кто-то выразился, занимаясь в своем кабинете, открыл остров), который и носит его

имя. Кроме того, он один из оставшихся в живых членов северной экспедиции Седова на Северный полюс.

Черказьянова Валентина Григорьевна —
ветеран труда

Память уносит в далекий 1941 год, когда я молодым специалистом приехала в Свердловское управление гидрометеорологической службы и была направлена через БРиС в Иеновское и Косьвинское промысловое управление по договору с Уралзолото. Проводились изыскания и изучение рек Усымы, Коны, Иса и др. для решения вопроса переброски вод, связанный с добывкой драгоценных металлов. Работа проходила в очень тяжелых условиях. Военное время, мобилизация, людей нет. Выполнение работ было связано с поездками на очень большие расстояния. Помню, приехали в Косью, посмотрели на меня и говорят: «Надо ехать в тайгу километров за 70—80 по Шуваловскому тракту». Надо, значит, надо! Дали лошадь, ружье. До сих пор не знаю, стреляло оно или нет. А медведей было много. Подходит к телеге детина лет сорока и говорит: «Вот мысля дают в Ваше распоряжение. Буду следить за лошадью, держать ребику. Но знайте, я из заключенных — раскованированный». Выхода не было. Я сказала: «Поехали». Сложив инструмент, залезла на телегу, на сено. Он отпустил вожжи и говорит: «Лошадь знает, куда ехать, дорога одна». Так начались полевые скитания. Лошадь мerrно шла, а мы сидели, дремали, каждый в думах о своем. Проехав по тайге километров 20, наехали на пасеку. Нас угостили сотами с медом, и мы тронулись дальше. Отъехав немного, лошадь остановилась и беспокойно начала храпеть и фыркать. Мы насторожились — далеко впереди пересекал дорогу медведь. Не обращая на нас внимания, он ушел в тайгу. Не помню, где мы ночевали, кажется, не доехали до основного места назначения и остановились в какой-то избушке. Лошадь была привязана к колу, и на шее побрякивал колокольчик. Ночью мой напарник вышел и, быстро вернувшись, резко сказал: «Лошади нет!». Испугу не место, но ноги дрожали. Ночь темная-темная, а мы все ходим и ищем. Вроде где-то брякает колокольчик, мы бежим на звук. И так до рассвета. Испугались порядком. Отвечай за лошадь, а как выбираться из тайги со скарбом? К утру нашлась, и мы, радостные, возвратились к избушке, забыв свои тревоги. А они еще были впереди. Утром, начав работу и собирая к

Выверке инвентаря с перекладной трубой, обнаружили, что потеряли становой винт. А мой начальник говорит: «Не тужи, сейчас что-нибудь придумаем». Не помню точно что, но с инвентарем работали, и неувязка получилась в пределах допуска. Пробыв в гараже с неделю и сделав все необходимое, мы вернулись на поиск. Помощник мой был на редкость порядочен, заботлив и трудолюбив. За доверие к нему, как он сказал после присковому начальству: «Я разбивался в доску и бабе помогал, как мог». Не без сожаления я уезжала с этого приска на другой, где были свои заботы, Центром был Иса.

Вернувшись глубокой осенью и обработав материал, я включилась в работу коллектива, который возглавлял в то время Марков В. Н. Не будучи хорошим специалистом, он зарекомендовал себя как делец и оставил о себе темные воспоминания, сбежав из управления и обманув всех.

После этого была полоса нормальных работ с хорошими специалистами-гидрологами из «Харьковтранспроекта», как Рыков В. С., Гуковская Г. А. и др., где они работали через БРиС по мостовым переходам и линиям передач.

С приездом Государственного гидрологического института в Свердловск работы через БРиС резко расширились и выполнялись расчеты на очень большую сумму. Последнее время работы в БРиС я была руководителем группы по гидрологии. Возглавлял БРиС после Маркова знающий специалист-гидролог Змиев А. Б.

Взаимодействие со специалистами ГГИ дало мне многое и по теоретической части в первую очередь. Ознакомилась с материалами не только своей территории, но и с архивами союзного значения. Так накапливался опыт работы и с материалами, и с людьми не только своего управления. Мы в это время были в УралВО, подчинялись распорядку и дисциплине тех трудных и далевых военных лет. Работали без отпусков и часто без выходных.

Особо вспоминаются трудные военные годы работы в Свердловске гидрологического института. Мне часто приходилось быть там по долгу службы и видеть их, оторванных от насиженных мест работы и дома. Ленинград в блокаде, у многих там остались родственники и близкие. С болью узнавали они о потерях в масштабах города и о своих личных. Неоцененную помощь в те годы оказывал директор ГГИ Урываев В. А. Помню, пришла я, а мне говорят — Урываев с группой мужчин уехал в район пострелять дичи, достать, что где можно и как-то поддержать своих сотрудников. Он был не только начальником, который требовал, а прежде всего человеком и человеком с большой буквы, заботясь в первую очередь о той пожилой части специалистов, зачастую не приспособленных к жизни в этих исключительно тя-

желых условиях войны. А ведь было и такое. Заходишь в комнаты, где работали сотрудники ГГИ (в здании исполнкома на площади), а старушки идут тебе навстречу и под мышкой держат старую электрическую плитку. Боялись ее оставить, а вдруг забудут, или кто-то включит и перегорит она. А это была их жизнь. Пусть эти случаи были единичными, но они напоминали о том страшном времени, когда голод изматывал душу, тело и разум. Управление помогало чем могло — выделяли землю, садили вместе с пами картошку и делились последним. Ведь мы все же были в относительно лучшем положении — дома, на своих насиженных местах.

Впоследствии начальник управления Муравьев Ф. М. нашел нужным перевести меня работать из БРиСа в отдел управления, и с сентября 1944 г. я инженер 4-го отдела, а с 1946 г. — старший инженер-гидролог отдела сети.

Помню первые дни работы в 4-м отделе. Полужская Ч. Н. дала мне обрабатывать расходы, строить кривую по пункту Незабудка—р. Кама. И эта Незабудка запомнилась мне на всю жизнь. Не имея достаточного опыта в построении кривых, я пыхтела и потела, не укладываясь во времени (все было спешно) и лишилась покоя не только днем, но и ночью. Закроешь глаза, а злосчастная Незабудка гоняется за мной и неотступно преследует. Надо сказать, что Полужская Ч. Н. хотя и была знающим специалистом, но взаимодействовать с людьми она не умела. По складу характера с ней было работать не так-то легко. Но, отдав ей должное, она «приковала» меня к стулу и приостудила мой пыл. В дальнейшем, когда я была уже с опытом работ и занималась самостоятельно Ежегодником, я хорошо вспомнила Чарну. Многое было поделом мне и пошло на пользу.

В порядке отступления хочется передать то состояние, которое мы переживали в незабываемый и никогда не повторимый по накалу чувств День Победы.

День был черабочим, а я жила на Обсерваторской горке в служебном доме. Взглянув в окно, я увидела плачущих, обнимающихся, смеющихся людей. Испытывая выбежала на улицу, как и другие жильцы дома и не только этого дома. На работу бежали близко живущие сотрудники, чтобы осознать до конца смысл услышанных слов. Ликующие и радостные, мы ринулись в управление и побежали в свои рабочие комнаты. Помню, чувства переливали через край, и мы начали бегать вокруг столов, догонали друг друга, обнимались и кричали долгожданное, выстраданное годами слово «Победа, победа, победа!» В этот момент забегает молодая женщина из связи (фамилию ее не помню), защей Чарна Наумовна и еще десяток сотрудников и кричат: «Пошли к нам в нашу комнату и отметим Победу!» Увлекаемые пото-

ком, мы побежали прежде всего по своим квартирам; захватили все, что у кого было, ликовали, пели и, кажется, что-то пригубили из сивушных вин. И пить-то не надо было: мы были в состоянии опьянения без вина. Пели и танцевали, не считаясь с возрастом и рангами. Вечером смотрели с горы салют, любуясь мирным громом орудий и фейерверком разноцветных огней. Назавтра рабочий день по сути тоже был нерабочим. Можно было разрешить себе продлить это радостное состояние. Ведь в годы войны мы работали порой по 12 часов, без выходных и отпусков. И вот вечером назавтра многие из нас получили билеты в Дом Красной Армии на продолжение торжества. В числе счастливчиков была и я. Или с горы, вернее, ноги сами несли и, казалось, не слушались разума. Помню, мы стали цепочкой человек 10—15 и, взявшись друг друга под руку, так и шли по улице Бажова до улицы Ленина в радостном, проподнятом состоянии. Вечер в доме Красной Армии был неповторим и незабываем.

С тех пор прошло много лет, а память еще удерживает пережитое тех далеких, тревожных и радостных дней.

С 1946 г. возглавлял гидрологов-режимников А. Б. Зминев, переведенный начальником управления из БРиСа. Его и моя совместная работа была недолгой, так как через пару лет он уехал работать в Москву в Главное управление гидрометслужбы. Как специалист Арсений Борисович был знающий, требовательный, разносторонне образованный, вежливый и тактичный, но порой нудный. К молодым гидрологам относился как старший по возрасту и службе. Помнится, мы не стесняясь подходили к нему с вопросом, а он пожурит, что пора уже это знать, но расскажет все до концаально. Вспоминаю, как готовил меня к первой моей инспекции гидрометстанции Чердынь. Поскольку в те годы копии всех водомерных книжек и журналы расходов воды высыпались в управление для контроля и просмотра, то мною была частично сделана «пробная инспекция» на месте. И, только убедившись, что я подготовлена к поездке и смогу выехать как представитель управления с соответствующими полномочиями, я двинулась в путь. Как и все, первый раз запоминается навсегда. Добраться до Чердыни в зимнее время было не легким делом. До Соликамска поезд, а далее стокилометровый путь — неизвестно как. Помню, вызвал меня начальник сети Ильинич М. И. и между прочим спросил, как я подготовилась к инспекции. Я как на духу рассказала о своей подготовке. В ответ на это он сказал — зайдите к начальнику управления. Я сразу же к нему в кабинет, а он улыбнулся про себя и говорит: «Без пол-литра в кашу пору тебя в машину не посадят. Имей ее при себе, тогда доедешь до Чердыни». Не помню, как я раздобыла «горючес», но оно было у меня в кармане, и я уверенно двинулась в путь. И, действительно, сколько бы я ни

голосовала, никакая машина меня не брала. И только к вечеру, когда я подняла в руке бутылку, моей особой заинтересовались. Посадили на груженную до отказа каким-то мягким товаром и людьми машину. И только в пути я узнала, что ехали студенты из Соликамска (высланные немцами Поволжья) и другие пассажиры. Мне тут же посоветовали лечь и держаться за бастиры, а то я вылечу. Я так и сделала. А шофер, видимо, получившее, мчал нас с ветерком. Всё так раскачивало, что мы молили судьбу: доехать живыми. А доехать так и не смогли. Разместило сидящего за рулём на половине пути, и мы започевали в деревне. Спал только шофер. А мы всей гурьбой в лунную ночь катились на больших санях с крутого берега реки. Слышали вон волков и все бегали наперегонки, включая и инспектора управления. А потом, наевшись картошки из общего чугуна, немного подремали и еще до рассвета выехали и благополучно прибыли в Чердынь.

Зашла я на станцию, а душа в пятках. Шутка ли — провести инспекцию бывшего в ту пору и знающего полевника Крымова Константина Николаевича. Тактичный и спокойный начальник станции не дал понять сотрудникам явных моих промахов, а объяснял по-деловому, почему и как. Он один из первых начальников измерял расходы воды в зимнюю стужу в им лично сооруженных передвижных деревянных будках с подогревом. Качество его работ всегда было безупречным.

Впоследствии я всегда была благодарна Константину Николаевичу за его мудрую школу.

Работа на гидрологических станциях в послевоенное время проходила в очень тяжелых условиях. Штат исполненный, как правило, женский. Пости расстояниях на больших расстояниях. Измерялись расходы воды техническим персоналом станций. Лошади были ис на всех станциях, и все поездки осуществлялись на попутных машинах, на подкожках проходящих поездов, а часто пешком. Спецодежда в обрез. За плечами нивелир, в руках вертушка, продукты питания. На ногах сапоги или валенки сорок последнего размера. И шагали по бездорожью от зари до темна. Сейчас кажется невероятным, как могли выдерживать люди. А они работали, забывая об отдыхе и оставленной дома семье.

Основная тяжесть работ ложилась на начальников станций, таких, как: Винтичен С. И., Ермолов В. Н., Крымов К. Н., Пинин Г. Д., Краснова, Башников В. Е., Холодилов Н. С., Бессмертнов И. С., Бубнов, Матвеев В. М., Сергин И. А., Федорова, Дуляшев, Смирнов А. А., Тимофесев и др. В те годы в службе венчом работ по гидрологии был выпуск Гидрологических ежегодников. Присыпаемые материалы с сети обрабатывались и просверялись. Производилось построение кривых и подсчет стока. Эта поистине колossalная работа лежала на плечах относительно небольшого

коллектива инженеров и техников, которые работали самозабвенно, видя конечный результат и спрос на него сторонних организаций в союзном масштабе.

Помимо, из инженерного состава работали: Черницкая Е. А., Полужская Ч. Н., Черказьянова В. Г., Санакоева Л. А., позже Челпан М. Ф. и Тищенко И. М. Из техников: Коробкова А. Н., Белова Г. П., Малышева А. Т., Байнова А. А. После отъезда Змиева А. Б. в Москву работу отдела гидрологии возглавляла Черницкая Е. А., а с 1956 г. — я.

Первые послевоенные годы были годами становления, развития службы. Сеть станций и постов пересматривалась в свете задач по восстановлению хозяйства страны послевоенного периода. Большую работу по восстановлению сети, налаживанию работ технически грамотно провел М. Ф. Челпан, возглавлявший инспекторскую работу на сети. Позже им была проведена фундаментальная работа по упорядочению высотной системы станций и постов, связавшей с перерасчетом в Балтийскую систему высот.

В течение многих лет проводилась работа по привязке постов к абсолютной системе высот. Выполнялись привязки специальными управлениями и сетевых подразделений.

Нельзя не отметить фундаментальность работ по гидографическому обследованию рек и озер гидрологами управления и сети и составление описаний рек под руководством Старостина П. С., которые опубликованы в Справочнике, том II, вып. 1 и 2 (о них будет сказано).

Одновременно с восстановлением и ремонтом постовых устройств резко возрастает количество постов с измерением расходов воды. Перед службой ставится задача о коренном пересмотре работы гидрологической сети. Начинается передача работ по измерению расходов наблюдателями постов, а позднее и обработка материала. Это было время ломки старых представлений о возможности сетевых работников, поднятия их сознания и учебы до уровня сознательного исполнителя работ. В этот период начинается автоматизация некоторых видов наблюдений. Одновременно перестраивается работа станций, происходит укрупнение подразделений. А вследствие для лучшего руководства сетью и обслуживания народнохозяйственных организаций создаются обсерватории по областям во главе с головной Свердловской обсерваторией. Перестраивается работа отделов, и в частности, отдела гидрологии. Составление, а позднее и редактирование Гидрологических ежегодников передается в областные обсерватории. По бассейну р. Камы редакцией занимались Демидова И. Г. в Уфимской ГМО и по бассейну р. Тобола Старостина Э. П. в Челябинской гидрометеобсерватории.

Наступает ксеркной перелом в работах службы в интересах народного хозяйства страны, когда развертывается бурное строительство промышленных объектов, гидротехнических сооружений, жилого фонда на Урале и в других регионах страны.

Были необходимы экстремальные значения гидрологических элементов, и специалисты управлений приступают к обобщению накопленного материала.

В первой стадии подводятся итоги изученности, то есть цивилизация материала с основными гидрографическими характеристиками. Труд специалистов воплотился в двух изданных томах справочника «Гидрологическая изученность Среднего Урала и Приуралья», том II, выпуск 1, 2 под редакцией Николаенко В. В.

Вторым этапом проводился анализ материала наблюдений. Возглавляя работу в Свердловске директор обсерватории Шахов И. С. От природы одаренный, волевой, вникающий в суть вопроса до тонкости, он сумел поставить работу на лебывшую высоту. Все подчинялось плановости, разумности постановки работ. Работали самоизбранно и, надо сказать, на пределе возможного.

Трудно представить объем проделанной работы, когда весь материал анализировался в многочтном разрезе. Мы, как в зеркале, увидели свои недоработки, зависящие и не зависящие от нас. Белым пятном выявилось недостаточное количество, а иногда и полное отсутствие измерений расходов воды в поймах рек. Значительный процент проходящего стока в половодье не учтен фактическими измерениями. Не всегда оперативно проводились работы при внезапно возникающих летних паводках. Недостаточное количество измерений расходов воды в переходные периоды и многое другое. Но без преувеличения можно сказать — это был университет для режимников. В дальнейшем, кто прошел школу данного анализа, мог технически более правильно и качественно организовать гидрологические работы.

По результатам работ в 1967 г. издаются два тома справочника «Основные гидрологические характеристики. Средний Урал и Приуралье», том II, выпуск 1, 2 под редакцией Шахова И. С.

Завершающим третьим этапом было издание в 1972 г., совместно с Государственным гидрологическим институтом, монографии «Ресурсы поверхности вод СССР. Средний Урал и Приуралье», том II, выпуск 1, 2. В этом фундаментальном труде приведены разработанные методы расчета различных элементов при напливах и отсутствии материала наблюдений.

В работах по подготовке и изданию справочников принимали участие инженеры: Шахов И. С., Шахова С. М., Чекаевянова В. Г., Николаенко В. В., Табаков А. Г., Островский Г. М., Каминская З. Ф., Чирышова Т. Н., Агапитова Н. Е., Подорожко Г. А., Корнилова Г. В., Коробкова А. Н., Мерсмьяншина П. И.,

Санакоева Л. А., Бикбова Р. З., Тюшнякова Ъ. Т., Козионкова Н. А. Техники: Пономарева Е. А., Байнова А. А., Коробкова А. Н., Старкова Т. Н., Кац З. Г., Чехомова К. В., Исаченко К. Д., Пурусова В. Ф., Красинская З. А., Абзалова А. А. и др.

Эти люди сумели дать проектным, научно-исследовательским институтам и многим другим учреждениям и ведомствам материал для решения вопросов водоснабжения на Урале, проектирований и строительства предприятий, решении многих вопросов в сельскохозяйственном производстве и других областях народнохозяйственного строительства.

В конечном итоге это был наш вклад в дело рационального использования природных ресурсов Урала.

Халевицкая Галина Серафимовна —
ветеран труда

Я родилась 10 августа 1924 года. Великая Отечественная война застала меня в 9 классе. Почти все девушки нашего класса ушли работать на завод оборонного значения, который эвакуировался из Ленинграда, а юноши вскоре попали на фронт, и в первом же бою многие из них погибли. Здание нашей школы было передано госпиталю, а мы учились вечерами или утром в школе рабочей молодежи после 12-часовой смены. Окончив 10 классов, какое-то время продолжала работать на заводе токарем.

Трудовую деятельность, в гидрометеорологической службе начала в г. Куйбышеве в 1951 г.

Вскоре после окончания Одесского гидрометеорологического института по семейным обстоятельствам переселилась в г. Свердловск в здешнюю обсерваторию. Приняли меня работать в отдел климата, который в то время возглавляла Александра Ивановна Пермякова — старейший работник нашей службы. В отделе работало всего шесть человек. Числилось гораздо больше, т. к. нас все время объединяли то с метеорологами, то с аэробологами, то с сотрудниками атмосферного электрочастота.

Первое время мне доверили работу «алгебро-арифметическую» (вычисление разностей атмосферных явлений или их отношений), которую с успехом мог выполнять человек, знакомый с арифметикой. К инженерной работе допустили не скоро. Вообще-то я по специальности океанолог и мне лучше было бы работать гидрологом, но В. Н. Бабченко (он работал тогда начальником от-

дела гидрологии) поставил условие руководству: «Возьму Халепинскую в свой отдел, если с плана снимете одну из работ по такой-то теме». Тему не сняли, и судьба моя была решена не в мою пользу. Таким образом, мне пришлось срочно осваивать климатологию — теперь уже вполне земную специальность.

Это было труднее для меня время. На руках двое малыши, один из них грудной, работа далеко от местожительства и никаких тебе льгот по уходу за грудным ребенком. Работала, как и все, от звонка до звонка, с разрешением через профсоюз, уходить на час раньше за счет работы в обеденный перерыв. Такое не забудется никогда. Работали все напряженно, все рассчитывалось по минутам, дисциплина была на такой высоте, что лишний раз из рабочей комнаты не выйдешь. Ноющилось брать работу и на вечер домой. Народ в отделе, как говорят, был работящий. Такие техники, как Екатерина Ивановна Таборинцева, Галина Степановна Старкова, всю техническую работу выполняли настолько добросовестно, внимательно, что по теперешним меркам могли бы работать с личным клеймом.

Постепенно я осваивала работу климатолога, главной задачей которого была систематизация метеорологических наблюдений по основным атмосферным явлениям.

В это время шла работа по подготовке данных за 80-летний ряд наблюдений к вычислению «норм» по основным метеорологическим характеристикам. За такой длительный период на метеорологических станциях происходило много разных изменений, менялись инструкции, сроки наблюдений, изменялась обстановка вокруг метеостанции и т. д., отчего нарушалась однородность ряда наблюдений. Не всегда удавалось выявить причину изменений по инспекторским отчетам. Тогда приходилось обращаться к памяти наших сотрудников, часто выезжающих на сеть. Они вспоминали о простреленных досках на флюгерсе (скорость ветра вдруг увеличивалась), о недобросовестном наблюдателе, который мог вписать выдуманные данные и т. д. Мое большое спасибо Сергею Ивановичу Мартынову, Александру Петровичу Дегтяреву, Сергею Александровичу Лебедеву, Ивану Павловичу Кузнецову и многим другим, которые не раз помогли уточнить причину прерванного ряда. В познании работы мне повезло. Я училась не только по книгам, но и у сотрудников старшего поколения. С благодарностью вспоминаю беседы с Надеждой Яковлевной Дмитриевой. Так я постепенно научилась разбираться в вопросах метеорологии, а затем и в климатологии.

В период подготовки «Справочника по климату СССР» осуществлялось научно-методическое руководство Главной геофизической обсерваторией. Это была трудная задача как для наших методистов, так и для нас. Почти одновременно разрабатывалась

методика и обучение всех климатологов страны этой методике. Учились мы постоянно. Не реже одного раза в год собирались в Ленинграде и в течение недели или даже трех мы не только слушали лекции, но и обучались приемам обработки тех или иных таблиц, анализу полученных результатов. Некоторые наши методисты организовывали собеседование с каждым представителем управляющей. Так важно было получить сравнимые данные по территории СССР и не сбиться с прямого пути. С нами занимались и читали лекции известные учёные Е. С. Рубинштейн, С. А. Сапожникова, О. А. Дроздов, И. А. Гольцберг, Л. Е. Акапольская, Ц. А. Швер, С. Д. Кошицкий и много еще других сотрудников ГГО.

В этот период мне доверили редактировать «Справочник по климату СССР», вып. 9, I—V части, которые были изданы в 1965—1968 гг.

В течение моей работы количественный состав отдела климата менялся в зависимости от объема работ. Причем отдел усиливался специалистами в основном высокого класса, такими, как Екатерина Михайловна Мальцева, Анастасия Михайловна Долганопова, которые хорошо владели методикой климатологической обработки таблиц, а также знали весь цикл работ по метеорологии, начиная с момента наблюдений. Это наши ветераны труда, отличники гидрометслужбы.

В это время из Донецка работать в отделе климата начала Мария Ивановна Бабкина, которая была назначена начальником отдела.

Задачи отделу климата ставились самые разнообразные, но все они были направлены на изучение особенностей климата территории Уральского УГС, области, района. Сюда относятся агроклиматические справочники по областям, описание климата крупных городов, гололедно-изморозевых явлений и т. д.

О чём мы мечтали всегда? Это избавиться от трудоемких технических работ, которые могла бы выполнять за человека умная быстросчетная машина и избавила бы нас не только от трудоемкой технической работы, но и от работы грузчиков. Да, да, вот от такой работы, когда на приличное расстояние (с одной улицы на другую) по одной только точке приходилось из гидрометеофона перетаскивать десятки весомых томов. Это все наши трудности, они и сейчас, наверное, есть, но можно вспомнить и об очень приятных делах.

Как не вспоминить ту цветущую сирень, аллею яблонь и много цветов вокруг в то время уже ветхого здания, за которыми любовно ухаживали не только сотрудники женщины, но и мужчины. И мы в обеденный перерыв очень любила посидеть в уютном колеснике среди сирени. Этую любовь к красивому сразу же перенесли и к новому выстроенному зданию на ул. Бажова.

Мой трудовой финиш наступил десять лет назад (в 1979 г.), а на смену пришли грамотные, молодые и, главное, с хорошими знаниями люди.

СОДЕРЖАНИЕ

Усими Альберт Александрович — начальник Уралгидромета. Из
доклада к 150-летию гидрометслужбы Урала

3

Раздел I. Воспоминания участников Великой Отечественной
войны

Еремин Михаил Александрович	16
Жильцова Эмилиана Александровна	24
Колупалов Георгий Петрович	29
Лебедев Сергей Александрович	32
Миши Георгий Александрович	50
Соракин Иван Степанович	51
Черкасовский Сергей Константинович	54
Раздел II. Воспоминания ветеранов труда	
Агапитова Надежда Евгеньевна	57
Беломаз Николай Михайлович	60
Демидова Ирина Григорьевна	64
Дмитриева Надежда Яковлевна	66
Ермолов Виктор Николаевич	71
Иванюла Валентина Андреевна	75
Ишукова Татьяна Леснидовна	81
Кирьянова Екатерина Ивановна	84
Коровин Аркадий Федорович	86
Крымов Константин Николаевич	90
Матвеева Серафима Васильевна	92
Мичуржина Валерия Николаевна	103
Нежиховский Мирон Фроймович	105
Овчинникова Валентина Петровна	114
Подорожко Галина Алексеевна	119
Покровская Наталья Ивановна	122
Строгина Капитолина Федоровна	125
Сухарев Константин Иосифович	128
Уласевич Антонина Дмитриевна	139
Черказянкова Валентина Григорьевна	149
Халевицкая Галина Серафимовна	156